

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

РИЧАРД МОРГАН

Лауреат
премии
ФИЛИПА
ДИКА

Лауреат
премии
АРТУРА
КЛАРКА

ВИДОИЗМЕНЕННЫЙ
УГЛЕРОД

Такеси Ковач

Ричард Морган

Видоизмененный углерод

«АСТ»

2002

УДК 821.111
ББК 84(4 Вел)

Морган Р.

Видоизмененный углерод / Р. Морган — «АСТ», 2002 — (Такеси Ковач)

ISBN 978-5-17-099082-5

XXV век. Человечество распространилось по всей галактике, а технология изменила само понятие жизни. Теперь люди способны записывать собственное сознание и с легкостью загружать его в новое тело. Смерть стала лишь помехой на экране. Такеси Ковача, бывшего члена корпуса чрезвычайных посланников, уже убивали прежде, но последняя смерть оказалась особенно неприятной. Оказавшись за 180 световых лет от дома, Ковач просыпается в новом теле на Земле, где миллиардер Лоренс Банкрофт поручает ему расследование убийства своего последнего тела. Сыщик поневоле еще не знает, что попал в самый центр настоящего заговора, жестокого и беспощадного даже по меркам общества, где существование человека уже давно можно купить и продать.

УДК 821.111
ББК 84(4 Вел)

ISBN 978-5-17-099082-5

© Морган Р., 2002
© АСТ, 2002

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	32
Глава пятая	37
Глава шестая	42
Глава седьмая	51
Глава восьмая	63
Часть 2	69
Глава девятая	69
Глава десятая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ричард Морган

Видоизмененный углерод

Copyright © 2002 by Richard K. Morgan First published by Gollancz London.

© Сергей Саксин, перевод, 2017

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Эта книга посвящается моим отцу и матери.

ДЖОНУ

*за железное терпение и необыкновенную твёрдость духа перед
лицом невзгод.*

МАРГАРЕТ

*за раскалённую добела ярость, в которой находилось место как
состраданию, так и негибимой стойкости*

Пролог

За два часа до рассвета я сидел на обшарпанной кухне и курил позаимствованную у Сары сигарету, прислушивался к буре и ждал. Миллспорт давно обезлюдел и затих, но один из потоков Предела по-прежнему накатывал на мелководье. Шум прибоя разносился по пустынным улицам. Ветер гнал со стороны водоворота густой туман, капли воды ниспадали на город складками муслина и покрывали окна кухни мутной пеленой.

Возбужденный нейрохимией, я в пятидесятый раз за ночь осмотрел снаряжение, разложенное на поцарапанном деревянном столе. Сарин осколочный пистолет «Хеклер-Кох» тускло блестел в полумраке, готовый принять обойму в зияющее отверстие рукоятки. Оружие убийцы, компактное и полностью бесшумное. Рядом лежали обоймы. Чтобы различать боеприпасы, Сара обмотала их изолентой: зелёной – усыпляющие пули, чёрной – с паучьим ядом. Большинство обойм на столе – с чёрной изолентой. Почти все зелёные Сара израсходовала вчера ночью на охранников биокорпорации «Джемини».

Мой оружейный запас не столь изысканный. Огромный серебристый «Смит-Вессон» и четыре последние гранаты с галлюциногенным газом. Узкие алые полосы на металлических боках поблескивают так, словно желают соскользнуть со стального корпуса гранаты и поплыть по воздуху в компании струек сигаретного дыма. Смещение визуальных образов – побочный эффект дозы тетрамета, принятой сегодня утром на причале. В нормальном состоянии я не курю, но по какой-то причине тетрамет вызывает у меня тягу к табаку.

Внезапно я услышал новый звук, перекрывающий рёв водоворота. Торопливый шум несущих лопастей, рассекающих ночной воздух.

Удивляясь своему спокойствию, я загасил сигарету и прошел в спальню. Сара спала: плавные изгибы тела виднелись под тонкой простыней. Прядь чёрных как смоль волос скрывала лицо, рука с длинными пальцами вытянута вдоль кровати. Я стоял и смотрел на неё, когда ночь за окном взорвалась. Станция орбитальной защиты планеты Харлан сделала пробный залп по Пределу. От раскатов грома задрожали стёкла в окнах. Лежащая на кровати женщина зашевелилась и смахнула волосы с лица. Её глаза, напоминающие жидкий хрусталь, отыскивали меня и остановились.

– Что ты разглядываешь?

Голос не проснувшегося до конца человека. Я улыбнулся.

– Не обманывай меня. Признавайся, что ты разглядывал?

– Просто смотрел на тебя. Пора идти.

Оторвав голову от подушки, Сара уловила шум вертолета. Её сон как рукой сняло. Она уселась в кровати.

– Где оружие?

Первый вопрос, который задаст боец Корпуса чрезвычайных посланников. Я улыбнулся, будто встретил старого друга, и указал на ящик в углу комнаты.

– Принеси мой пистолет.

– Слушаюсь, мэм. Чёрные или зелёные?

– Чёрные. Я доверяю этому сброду не больше, чем презервативам из изоленты.

Я вернулся на кухню, вставил обойму в осколочный пистолет и, бросив взгляд на своё оружие, оставил его на столе. Вместо этого я сгрёб одну Г-гранату. Остановившись в дверях спальни, я взвесил в руках пистолет и гранату, словно определяя, что тяжелее.

– Мэм желает ещё что-нибудь, помимо фаллоимитатора?

Сара бросила на меня взгляд из-под чёрных волос, свешивающихся на лоб дугой. Она натягивала шерстяные чулки на ноги.

– У тебя всё равно самый длинный ствол, Так.

– Размер не главное...

Этот звук мы услышали одновременно. Сдвоенное металлическое «щёлк» из коридора. Наши взгляды встретились, и на четверть секунды в глазах Сары отразился мой собственный ужас. Опомнившись, я швырнул ей осколочный пистолет. Сара протянула руку и поймала его в воздухе в тот самый момент, когда стена спальни с оглушительным грохотом обвалилась внутрь. Взрывной волной меня сбило с ног, отбросив в угол.

Судя по всему, наше местонахождение установили с помощью датчиков, регистрирующих тепло человеческого тела. Заминировали всю стену целиком: наши противники не хотели рисковать. Первый из командос ворвался в пролом в стене. Коренастый, в противогазе и защитном снаряжении похожий на насекомое, он держал в руках, затянутых в перчатки, короткоствольный «Калашников».

Оглушённый взрывом и распростёртый на полу, я бросил в него Г-гранату. Граната была без запала и в любом случае не смогла бы справиться с противогазом.

Но у командос не было времени определять характер брошенного в него устройства. Он отбил гранату прикладом автомата и отшатнулся назад, от испуга широко раскрыв глаза под стёклами противогаза.

– Стреляй в дыру!

Сара сидела на полу рядом с кроватью, обхватив руками голову, все ещё оглушённая взрывом. Услышав мой крик, она воспользовалась секундным смятением и вскочила, поднимая осколочный пистолет. В просвет стены я увидел фигуры, пригнувшиеся в ожидании взрыва гранаты. Послышался комариный писк мономолекулярных осколков, и три пули вонзились в грудь первого командос. Не оставляя заметных отверстий, они пробили бронежилет и впились в живую плоть. Командос крикнул, словно напряг все силы, чтобы поднять тяжесть. Паучий яд вонзил когти в его нервную систему. Усмехнувшись, я начал подниматься с пола.

Сара перевела пистолет на другие тела за разрушенной стеной, но тут в дверях кухни встал второй «воин ночи» и окатил её очередью из автомата.

Стоя на коленях, я с отчётливостью, вызванной нейрохимией, увидел, как Сара умерла. Всё происходило, будто в замедленной съёмке. Командос целился низко, оперев «Калашников» в плечо, чтобы совладать с отдачей, которой славится этот гиперскорострельный автомат. Сначала пули обрушились на кровать, разлетевшуюся облаком белого гусиного пуха и клочьев ткани. Затем огненный дождь захлестнул Сару, запоздало обернувшуюся к двери. У меня на глазах её нога ниже колена превратилась в кровавое месиво; потом пули вонзились в тело, вырывая бледно-розовые клочки мяса.

Как только автомат умолк, я вскочил на ноги. Сара перекатилась на живот, словно в попытке скрыть раны от выстрелов. Я выскочил из угла, и командос не успел навести на меня «Калашников». Ударив его в область паха, я отбил автомат и вытолкнул бойца назад, на кухню. Автомат зацепился стволом за дверной косяк, и командос разжал руки. Рухнув вместе с ним на пол, я услышал стук упавшего «Калашникова». С быстротой и силой тетрамета я уселся на командос верхом. Отбив неловкий выпад, я схватил обеими руками его голову и ударил о каменные плиты пола, будто кокос.

Глаза командос, скрытые маской противогаза, помутнели. Я опять треснул его черепом об пол, чувствуя, что кости затылка проваливаются внутрь, словно мокрый картон. Не удовлетворившись этим, я колотил снова и снова. В ушах у меня ревел водоворот, и откуда-то издали доносился мой собственный голос, выкрикивающий ругательства. После четвёртого или пятого удара меня толкнули между лопаток, и тут же – магия! – в лицо брызнули щепки разбитой ножки стола. Две из них больно ужалили меня в щёку.

Необъяснимо, но моя ярость мгновенно испарилась. Нежно опустив голову командос на пол, я удивлённо поднес руку к торчащим из лица щепкам. И только в этот момент я понял, что в меня выстрелили, а пуля, пробив тело насквозь, вылетела из груди и расщепила ножку

стола. Ещё не до конца осознавая, что произошло, я опустил взгляд и увидел тёмно-красное пятно, расплывающееся на рубашке. Никаких сомнений. Выходное отверстие такого размера, что в него войдет шар для гольфа.

С осознанием того, что я ранен, пришла боль. Показалось, как кто-то быстро протащил через мою грудную полость стальную щеточку для чистки курительных трубок. Не отдавая отчёта в том, что делаю, я поднял руку, нащупал рану и вставил в неё два пальца. Кончики пальцев наткнулись на острый конец треснувшей кости, за которым пульсировало нечто шершавое. Пуля не задела сердце. Проворчав что-то нечленораздельное, я попытался встать. Ворчание перешло в мокрый кашель, и я ощутил во рту привкус крови.

– *Не двигайся, мать твою!*

Этот крик, искаженный страхом, вырвался из юной глотки. Согнувшись пополам, я бросил взгляд через плечо. В дверях, у меня за спиной, стоял молодой мужчина в полицейской форме. Он сжимал в руках пистолет, из которого только что выстрелил. Было заметно, как оружие дрожит. Задыхаясь от кашля, я отвернулся к столу.

«Смит-Вессон» был у меня прямо перед глазами, сверкая серебром, на том самом месте, где я оставил его меньше двух минут назад. Возможно, меня подтолкнуло именно осознание того, как мало времени прошло с момента, когда Сара была ещё жива и всё было в порядке. Меньше двух минут назад я мог бы взять пистолет. Так почему бы не сделать это сейчас? Стиснув зубы, я крепче зажал рану в груди и, шатаясь, шагнул вперед. В горле забулькала тёплая кровь. Ухватившись свободной рукой за стол, я оглянулся на полицейского, чувствуя, как мои губы раздвигаются скорее в усмешке, чем в гримасе боли.

– *Не вздумай, Ковач!*

Сделав ещё шаг, я прижался к столу бедром. Дыхание со свистом вырывалось между зубами, клочок в горле. «Смит-Вессон» золотой обманкой блестел на изрезанном дереве. Где-то над Пределом с орбиты сорвался пучок энергии, озаривший кухню голубым свечением. Я слышал зов водоворота.

– *Я сказал, не...*

Закрыв глаза, я протянул руку к лежащему на столе пистолету.

Часть 1

Прибытие

(Выгрузка после гиперкосмического пробоя)

Глава первая

Возвращение из мёртвых может быть очень мучительным.

В Корпусе чрезвычайных посланников учат полностью расслабляться перед тем, как тебя поместят на хранение. Отключиться от всего и свободно плавать. Это самый первый урок, и учителя вдавливают его прочно.

Вирджиния Видаура – пронзительный жёсткий взгляд, изящное тело танцовщицы, скрытое мешковатым форменным комбинезоном. Я отчётливо представил, как она расхаживает перед нами в классе. «Ни о чем не беспокойтесь, – повторяла Вирджиния, – и всё будет в порядке». Десять лет спустя я встретил её в тюрьме, принадлежащей Управлению правосудия Новой Канагавы. Видауре грозил срок от восьмидесяти до ста лет: вооруженное ограбление и нанесение органических повреждений. Когда её выводили из камеры, она сказала: «Не беспокойся, малыш, всё будет в порядке». Затем Видаура закурила, глубоко затянувшись и набирая дым в лёгкие, до которых ей теперь не было никакого дела, и пошла по коридору с таким видом, будто направлялась на нудное совещание. Я смотрел ей вслед, пока мне позволяла решетка камеры, как заклинание шепча прощальные слова Видауры.

Не беспокойся, всё будет в порядке. Многозначительная шутка, едкая уличная сатира. В этих словах были и неверие в эффективность системы наказаний, и ключ к тому неуловимому состоянию рассудка, которое необходимо, чтобы благополучно преодолеть подводные скалы психоза. Что бы ты ни чувствовал, о чем бы ты ни думал, кем бы ты ни был в момент, когда тебя помещают на хранение, ты будешь испытывать то же самое, когда выйдешь назад. Тревога и беспокойство могут создать значительные проблемы. Так что надо полностью расслабиться. Отключиться. Забыться и свободно плавать.

Если на это есть время.

Я вынырнул из резервуара, барахтаясь, держа одну руку на груди и зажимая несуществующие раны, а другой нащупывая несуществующее оружие. Вес собственного тела обрушился на меня, как тяжелый молот, и я рухнул назад в плавательный гель. Взмахнув руками, больно ударился локтем о стенку резервуара и вскрикнул. Комки прозрачной массы забились в нос и в горло. Закрыв рот, я ухватился за рукоятку люка, но гель был везде: в глазах, в носу, он обжигал глотку, скользил между пальцев. Сила тяжести разжала мою ладонь, вцепившуюся в рукоятку люка, и навалилась на грудь многократной перегрузкой, вжимая в дно. Тело судорожно забилося в тесном резервуаре. Плавательный гель? Да я тонул!

Вдруг я почувствовал, как меня подхватили чьи-то сильные руки и вытащили на поверхность. Пока я, отфыркиваясь, ощупывал грудь и убеждался, что ран нет, мне довольно грубо вытерли полотенцем лицо. Теперь я мог видеть. Впрочем, я оставил это удовольствие на потом, а для начала решил исторгнуть содержимое резервуара из носа и горла. Где-то полминуты я сидел, опустив голову и выкашливая гель, пытаясь понять, почему всё такое тяжелое.

– Ну вот, никакая подготовка не помогла. – Жёсткий мужской голос. Из тех, что можно услышать только в исправительных учреждениях системы правосудия. – И чему вас учат в Корпусе чрезвычайных посланников, Ковакс?

Только теперь я все понял. На планете Харлан Ковач – фамилия распространенная. Все знают, как произносить её правильно. А этот мужчина не знал. Он говорил на амеранглике,

растягивая гласные, не так, как на Харлане. Но даже с поправкой на это мою фамилию он изуродовал, произнеся на конце твердое «кс» вместо мягкого славянского «ч».

И здесь всё очень тяжелое.

Это откровение проникло в моё затуманенное сознание, как кирпич, вдребезги разбивающий матовое стекло.

Я на другой планете.

Итак, Такеси Ковача (а точнее, его оцифрованный мозг) переправили куда-то очень далеко. А поскольку Харлан является единственной обитаемой планетой в системе Глиммера, это означает межзвездный скачок...

Куда?

Я огляделся вокруг. Простые неоновые трубки, подвешенные к бетонному потолку. Я сидел в открытом люке цилиндрического резервуара из тусклого металла, напоминая древнего авиатора, забывшего одеться перед тем, как залезть в кабину биплана. Цилиндр оказался одним из двадцати, установленных в ряд вдоль стены. Напротив находилась массивная стальная дверь. Запертая. Воздух был сырой и прохладный, бетонные стены не покрашены. На Харлане помещения выдачи оболочки, по крайней мере, радуют глаз мягкими тонами, а обслуживающий персонал любезен и учтив. В конце концов, считается, что ты оплатил долг обществу. И самое меньшее, что тебе могут дать, – солнечный старт в новую жизнь.

Однако в стоящей передо мной фигуре ничего солнечного не было. Под два метра ростом, мужчина выглядел так, будто всю сознательную жизнь сражался с болотными пантерами, пока ему не попала эта вакансия. Мышцы вздувались на руках и груди, как бронежилет, а на коротко стриженной голове красовался шрам, он пересекал череп зигзагом, молнией, и скрывался за левым ухом. Мужчина носил свободную чёрную одежду с погонами и круглым значком на груди. Глаза, не уступавшие одежде по цвету, следили за мной с ожесточённым спокойствием. Мужчина помог мне сесть и тотчас отступил назад, чтобы я не смог до него дотянуться, – точно по инструкции. Судя по всему, он давно занимался этим делом.

Зажав одну ноздрю, я высморкал из другой гель.

– Вы не собираетесь сказать, где я нахожусь? Зачитать мои права и тому подобное?

– Ковакс, пока что у тебя нет никаких прав.

Подняв взгляд, я увидел мрачную усмешку, разрезавшую пополам лицо мужчины. Пожав плечами, я высморкал вторую ноздрю.

– Но вы хотя бы скажите – куда я попал?

Поколебавшись, мужчина взглянул на пересечённый полосками неона потолок, как бы проверяя информацию перед тем, как сообщить ее мне. Он пожал плечами, повторяя мой жест.

– Скажу. А почему бы и нет? Ты в Бей-Сити, приятель. В Бей-Сити, на планете Земля. – Мрачная усмешка вернулась на его лицо. – В колыбели человеческой расы. Добро пожаловать в древнейший из цивилизованных миров, ха-ха-ха!

– Слушай, если ты здесь только по совместительству, не отказывайся от предложений о переходе на основную работу, – угрюмо заметил я.

Женщина-врач вела меня по длинному белому коридору. Резиновые колеса каталок заштриховали пол чёрными полосками. Она шла довольно быстро, и я почти бежал, чтобы не отстать. На мне по-прежнему не было ничего, кроме полотенца и оставшегося кое-где геля. Движения женщины казались подчёркнуто профессиональными, однако в них сквозила какая-то тревога. Под мышкой врач держала пачку бумажной документации. Мне захотелось узнать, сколько оболочек она загружает в сутки.

– В течение следующего дня вам надо как можно больше отдыхать. – Женщина повторяла заученные наизусть фразы. – Возможно, вы будете испытывать лёгкое недомогание, но это нормально. Все проблемы разрешит сон. Если почувствуете боль в...

– Я всё знаю. Мне уже приходилось делать это.

Мне вдруг стало не до человеческого общения. Я вспомнил Сару.

Мы остановились перед дверью с надписью «Душ», выведенной на матовом стекле. Врач предложила зайти внутрь и задержалась в дверях, разглядывая мою оболочку.

– В душе мне тоже приходилось мыться, – заверил её я.

Она кивнула.

– После того как вымоетесь, идите до конца коридора. Там лифт. Выписка этажом выше. Да, и ещё с вами хочет переговорить полиция.

В инструкции предписано (по возможности) оберегать обладателей новой оболочки от сильных потрясений, так как прилив адреналина может привести к неприятным последствиям. Но врач, судя по всему, ознакомилась с досье и решила, что встреча с полицией при моём образе жизни будет чем-то совершенно нормальным. Я постарался отнестись к этому так же.

– И что ей от меня нужно?

– Полицейские не сочли нужным поставить меня в известность. – В этих словах прозвучали печальные нотки, которые женщина должна была бы скрыть. – Похоже, ваша репутация вас опережает.

– Похоже на то. – Повинуясь внезапному порыву, я заставил мышцы своего нового лица изобразить улыбку. – Доктор, я никогда здесь не был. То есть на Земле. Я никогда не имел дела с местной полицией. Скажите, у меня должны быть причины для беспокойства?

Она взглянула на меня, и я увидел, как в её глазах смешиваются страх, любопытство и презрение.

– Имея дело с таким человеком, как вы, – наконец ответила женщина, – полагаю, это полицейские должны беспокоиться.

– Да, наверное, – тихо промолвил я.

Поколебавшись, она показала рукой на дверь.

– Зеркало там, в раздевалке.

С этими словами врач ушла.

Я посмотрел на дверь, сомневаясь, что уже готов познакомиться с зеркалом.

В душе, водя намыленными руками по новому телу, я фальшиво насвистывал, пытаюсь унять нарастающую тревогу. Моей оболочке было лет сорок с небольшим, по стандарту Протектората. Телосложение пловца, в нервную систему вмонтировано армейское оснащение. Скорее всего, нейрохимические ускорители. Когда-то и у меня были такие. Тяжесть в лёгких указывала на пристрастие к никотину, левую руку покрывали шрамы, но в остальном я не нашел причин жаловаться. Мелкие недостатки замечаешь потом, а мудрые люди приучаются не обращать внимания. У каждой оболочки есть свое прошлое. Если кому-то это не нравится, можно встать в очередь за «синтетой» или «фабриконом». Я не раз носил искусственные оболочки; их часто выдают освобожденным условно-досрочно. Дёшево, но очень напоминает жизнь в одиночестве, в доме, пронизанном сквозняками. К тому же цепи, отвечающие за вкусовые ощущения, никогда не удаётся настроить, как надо. Поэтому вся еда напоминает приправленные острым соусом опилки.

Войдя в раздевалку, я нашёл на скамейке тщательно сложенный летний костюм. На стене висело зеркало. Поверх стопки одежды и простого белого конверта – с моим аккуратно выведенным именем – лежали дешёвые стальные часы. Глубоко вздохнув, я подошёл к зеркалу.

Это самое трудное. Мне приходилось проделывать такое почти двадцать лет, и всё же я до сих пор вздрагиваю, когда в первый раз смотрюсь в зеркало и вижу там незнакомое лицо. Очень похоже на извлечение образа из глубин аутостерограммы. В первое мгновение кажется, что сквозь зеркало на тебя смотрит чужой человек. Затем, фокусируя взгляд, ты быстро оказываешься за этой маской, проникая внутрь, испытывая осязаемый шок. Как будто перерезается невидимая пуповина. Но только при этом вы с незнакомцем не отделяетесь друг от друга, а

наоборот, он насильственно проникает в тебя. И вот уже в зеркале твоё собственное отражение...

Я стоял перед зеркалом, вытирался насухо и привыкал к новому лицу. Тип европейский, что для меня в новинку. Кроме того, у меня сложилось стойкое впечатление, что прошлый обладатель этого лица не выбирал путей наименьшего сопротивления, если они и были. Несмотря на бледность – результат длительного пребывания в резервуаре, – черты, которые я видел в зеркале, сохранили обветренный, закалённый вид. Повсюду морщины и складки. В густых, чёрных, коротко стриженных волосах кое-где белела седина. Глаза ярко-голубые, и над левым красовался едва заметный неровный шрам. Подняв левую руку, я сравнил шрамы, гадая, есть ли между ними какая-нибудь связь.

В конверте под часами лежал лист бумаги, отпечатанный на принтере. Подпись неразборчива.

Итак, я на Земле. В древнейшем из цивилизованных миров.

Пожав плечами, я пробежал взглядом письмо, затем оделся и убрал его в карман пиджака. Бросив прощальный взгляд в зеркало, я застегнул на запястье часы и отправился к ожидавшим меня полицейским.

Часы показывали пятнадцать минут пятого. По местному времени.

Врач ждала меня за овальным столиком, заполняя какие-то документы на компьютере. У неё за спиной стоял худой суровый мужчина в чёрном костюме. Больше в комнате никого не было.

Посмотрев вокруг, я обратился к мужчине.

– Вы из полиции?

– Они снаружи. – Он указал на дверь. – Сюда им доступ запрещен. Нужно специальное разрешение. У нас собственная служба безопасности.

– А вы кто?

Мужчина посмотрел на меня с тем же смешанным чувством, что и врач внизу.

– Надзиратель Салливан, начальник Центральной тюрьмы Бей-Сити. Заведения, которое вы сейчас покидаете.

– Похоже, вы не слишком огорчены тем, что расстаётесь со мной.

Салливан прошил меня взглядом насквозь.

– Вы рецидивист, Ковакс. Я никогда не видел смысла в том, чтобы тратить здоровую плоть и кровь на таких, как вы.

Я пощупал письмо в нагрудном кармане.

– К счастью для меня, мистер Банкрофт с вами не согласен. Он должен был прислать за мной лимузин. Машина уже ждет?

– Я не смотрел.

Где-то на столе звякнул протокольный сигнал, возвестивший о конце процедуры. Врач закончила вводить данные. Оторвав закрутившийся лист, она расписалась в двух местах и протянула его Салливану. Склонившись над бумагой, надзиратель прищурился, читая. Наконец, черкнув подпись, он отдал документ мне.

– Такеси Лев Ковакс, – сказал Салливан, делая ошибку в моей фамилии с тем же мастерством, что и его подчиненный в зале с резервуарами. – Властью, вверенной мне Советом правосудия Объединенных Наций, я освобождаю вас под опеку Лоренса Дж. Банкрофта на период до шести недель, по прошествии которых условия вашего досрочного освобождения будут пересмотрены. Пожалуйста, распишитесь вот здесь.

Взяв ручку, я вывел чужим почерком свою фамилию рядом с указательным пальцем Салливана. Надзиратель разделил копии и вручил мне красную. Врач протянула ему второй лист.

– Это медицинское заключение, свидетельствующее, что оцифрованный мозг Такеси Ковакса получен в целостности и сохранности от Администрации правосудия планеты Харлан. После чего он был заключен в оболочку этого тела. Засвидетельствовано мной и монитором внутреннего наблюдения. К свидетельству прилагается диск с копией полученной информации и сведениями о резервуаре. Пожалуйста, подпишите декларацию.

Я поднял голову, тщетно разыскивая камеры наблюдения. Впрочем, спорить не из-за чего. Я подписался второй раз.

– Это копия соглашения об опеке, которой вы связаны. Пожалуйста, прочтите её внимательно. Невыполнение любого из пунктов может привести к тому, что вы будете незамедлительно помещены на хранение для полного отбытия срока здесь или в другом исправительном заведении по выбору администрации. Вы согласны с этими пунктами и обязуетесь их выполнять?

Взяв бумагу, я быстро пробежал её взглядом. Стандартная форма. Чуть изменённая версия соглашения об опеке, которое мне приходилось раз десять подписывать на Харлане. Язык был довольно корявым, но смысл тот же. Одним словом, чушь собачья. Не моргнув глазом, я подписал соглашение.

– Что ж, в таком случае, Ковакс, можете считать себя счастливым человеком. – На мгновение сталь из голоса Салливана исчезла. – Не упустите свой шанс.

Неужели эти люди не устают повторять подобные глупости?

Я молча сложил листы бумаги и убрал их в нагрудный карман. Когда я собрался уходить, врач, привстав, протянула мне маленькую белую визитную карточку.

– Мистер Ковакс!

Я остановился.

– У вас не должно быть никаких серьёзных проблем с привыканием, – сказала она. – Это здоровое тело. Но если всё же что-то случится, позвоните по этому номеру.

Протянув руку, я взял маленький прямоугольник картона с механической точностью, которой раньше не замечал. Начала действовать нейрохимия. Моя рука отправила визитную карточку в карман, к остальным бумагам, и я, не сказав ни слова, пересёк комнату регистратуры и толкнул дверь. Быть может, не слишком учтиво, но в этом здании ничто не пробудило моё чувство благодарности.

«Вы можете считать себя счастливым человеком, Ковакс». Это точно. В ста восьмидесяти световых годах от дома, в чужом теле, выпущенный под соглашение об опеке на шесть недель. Переправленный сюда, чтобы заняться тем, к чему местная полиция боится подойти и на пушечный выстрел. А в случае прокола назад, на хранение. Выходя из регистратуры, я чувствовал себя таким счастливым, что мне хотелось петь.

Глава вторая

Огромный пустынный зал напомнил железнодорожный вокзал в Миллспорте. Стекланный пол светился, как янтарь в лучах вечернего солнца, проникавших через длинные прозрачные панели крыши. У выхода какие-то ребятишки баловались с автоматическими дверями; возле стены фырчал одинокий уборочный робот. Больше ничего не двигалось. В сиянии полированного дерева скамеек застыли группки людей. Они молчаливо ждали возвращения друзей и родственников из ссылки видоизменённого углерода.

Центр выгрузки.

Эти люди не угадают своих близких в их новых оболочках. Радость свидания оставлена только тем, кто возвращается домой. Встречающие настороженно ждут, какое новое лицо и тело предстоит полюбить. А может быть, это далекие потомки, разделённые несколькими поколениями, встречают родственников, оставшихся в смутных детских воспоминаниях, а то и просто превратившихся в семейное предание. Один мой знакомый, парень из Корпуса чрезвычайных посланников по фамилии Мураками, ждал возвращения своего прадеда, помещённого на хранение больше ста лет назад. Он отправился встречать его в Ньюпест, захватив в качестве подарка на возвращение литровую бутылку виски и бильярдный кий. Мураками хорошо запомнил рассказы о том, как славно проводил время его предок в бильярдных залах Канагавы. Хотя поместили прадедушку на хранение задолго до рождения правнука...

Спустившись по лестнице в зал, я сразу отыскал взглядом тех, кто встречал меня. Три высокие фигуры стояли возле скамейки, возбуждённо переминаясь с ноги на ногу. Пыль облаком поднималась в воздух и сверкала в косых лучах солнца. Четвёртый человек восседал на скамье, сложив руки на груди и вытянув ноги вперед. Все они были в зеркальных очках, так что на расстоянии их лица казались одинаковыми масками.

Поскольку я уже направился к выходу, у меня не возникло никакого желания поворачивать к ним. Когда я прошел половину зала, до них наконец дошло. Двое двинулись наперехват с небрежным спокойствием только что накормленных крупных представителей семейства кошачьих. Широкоплечие, зловещие, с одинаковыми алыми волосами, торчащими гребнем. Они преградили мне путь, встав в паре метров, вынуждая или остановиться, или резко повернуть. Я остановился. Только что с хранения, в новой оболочке, я был не в том виде, чтобы ссориться с местной полицией. Во второй раз за день я постарался изобразить улыбку.

– Чем могу служить?

Старший из «ирокезов» небрежно махнул полицейским значком и тотчас же его убрал, словно тот мог потемнеть на открытом воздухе.

– Полиция Бей-Сити. Лейтенант хочет с вами поговорить.

Предложение получилось обгрызенным, будто полицейский боролся с непреодолимым желанием закончить его крепким словечком. Я сделал вид, что всерьёз обдумываю, идти ли с ними. Но я был у них в руках, и они это прекрасно понимали. Выйдя из резервуара всего час назад, я знал новое тело недостаточно, чтобы ввязываться в драку. Прогнав из головы картину смерти Сары, я послушно направился к сидящему полицейскому.

Лейтенант оказался женщиной лет тридцати. Под золотистыми дисками солнцезащитных очков выступали широкие скулы, выдававшие, что среди предков у неё были индейцы. Широкий рот искривляла язвительная усмешка. Очки сидели на таком остром носу, что им можно было открывать консервные банки. Короткие неопрятные волосы, обрамлявшие лицо, спереди торчали острыми пучками. Лейтенант куталась в не по размеру большую боевую куртку, но длинные ноги, обтянутые чёрным, свидетельствовали о гибком и упругом теле. Скрестив руки на груди, женщина с минуту молча разглядывала меня.

– Вы Ковач, так?

– Да.

– Такеси Ковач? – Её произношение было безукоризненным. – С планеты Харлан? Прибыли из Миллспорта через хранилище Канагавы?

– Знаете, вы говорите, а если что будет не так, я вас остановлю.

Последовала длинная пауза, наполненная блеском зеркальных очков. Лейтенант расплела руки и уставилась на свою ладонь.

– Ковач, у вас есть лицензия на подобные шутки?

– Виноват, оставил дома.

– А что привело вас на Землю?

Я нетерпеливо махнул рукой.

– Вам это прекрасно известно. В противном случае вы бы сюда не заявились. У вас есть что мне сказать, или вы пригласили сюда этих ребят с познавательными целями?

Я почувствовал, как чья-то ладонь схватила и сжала моё предплечье. Лейтенант едва заметно повела головой, и полицейский за моей спиной отпустил руку.

– Остыньте немного, Ковач. Я приехала сюда только поговорить. Да, мне известно, что вас освободил Лоренс Банкрофт. Кстати, могу подбросить до его поместья. – Резко подавшись вперед, она поднялась. Стоя она была почти одного роста с моей новой оболочкой. – Меня зовут Кристина Ортега. Я из отдела по расследованию органических повреждений. Я занималась делом Банкрофта.

– Занимались?

Лейтенант кивнула.

– Дело закрыто, Ковач.

– Это предостережение?

– Нет, просто факт. Обычное самоубийство. Дело закрыто и сдано в архив.

– Похоже, Банкрофт так не считает. Он утверждает, что его убили.

– Да, слышала. – Ортега пожала плечами. – Это его право. Полагаю, такому человеку трудно поверить, что он собственноручно размозжил себе голову.

– Какому такому человеку?

– О, ну же... – Умолкнув, она рассеянно улыбнулась. – Извините, я всё время забываю.

– О чем?

Новая пауза. На этот раз Кристина Ортега, похоже, впервые за наше недолгое знакомство была в растерянности. Когда она снова заговорила, в её голосе прозвучала неуверенность:

– Что вы нездешний...

– И что с того?

– А то, что здесь всем известно, *кто* за человек Лоренс Банкрофт.

Зачарованный тем, что кому-то понадобилось так неумело врать незнакомому человеку, я попытался успокоить лейтенанта Ортегу.

– Человек богатый, – предположил я. – Влиятельный.

Она слабо улыбнулась.

– Сами всё увидите. Так вы хотите, чтобы мы вас подбросили?

В письме, лежащем в кармане, говорилось, что меня заберёт шофер, ожидающийся у терминала. Банкрофт ни словом не обмолвился о полиции. Я пожал плечами.

– Я никогда не отказывался от предложения бесплатно прокатиться.

– Хорошо. В таком случае пошли?

Окруженный полицейскими со всех сторон, точно телохранителями, я прошёл к выходу, а они, откинув головы, оглядывали всё вокруг сквозь тёмные стекла очков. Мы с Ортегой шагнули вперед, и мне в лицо ударило тепло солнечных лучей. Прищулив свои новые глаза от яркого света, я осмотрелся по сторонам. На противоположной стороне неухоженной автостоянки угловатые здания за оградой из настоящей проволоки. Всё стерильное, белое, построен-

ное, вероятно, ещё в прошлом тысячелетии. В просвете между двумя однотонными стенами – секции серого стального моста, возвышаются далеко впереди. На стоянке скопились выдавшие виды полицейские наземные и воздушные машины. Налетел резкий порыв ветра, и я уловил слабый аромат каких-то сорняков, растущих в щелях покрытия стоянки. Издалека доносился знакомый гул транспорта, но всё остальное напоминало декорации к историческому фильму.

– ...а я говорю вам, что есть только один судья! Не верьте учёным, уверяющим...

Хрипящий голос из неисправного громкоговорителя настиг нас, как только мы спустились по лестнице. Обернувшись, я увидел рядом со стоянкой толпу, а в центре – мужчину в чёрном одеянии, забравшегося на контейнер. Над головами слушателей реяли голографические плакаты.

«НЕТ РЕЗОЛЮЦИИ НОМЕР 653!»

«ТОЛЬКО БОГ МОЖЕТ ВОСКРЕШАТЬ!»

«ОЦИФРОВКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА – ЭТО СМЕРТЬ!»

Голос оратора потонул в бурных овациях.

– Что это?

– Католики, – презрительно скривив губу, объяснила Ортега. – Старинная религиозная секта.

– Да? Никогда о них не слышал.

– Неудивительно. Они не верят в возможность оцифровать человеческое существо, не потеряв при этом душу.

– В таком случае, эта вера не имеет широкого распространения.

– Последователи католицизма есть только на Земле, – угрюмо заметила Ортега. – Кажется, Ватикан – это их главный центр – финансировал отправку двух криокораблей на Старфолл и Латимер...

– Мне приходилось бывать на Латимере, но ничего подобного я не видел.

– Корабли стартовали в начале столетия, Ковач. К месту назначения они прибудут не раньше, чем через двадцать лет.

Мы стали обходить сборище стороной, но молодая женщина с решительно зачёсанными назад волосами попыталась вручить мне листовку. Её движение оказалось настолько неожиданным, что я не успел совладать с рефлексамми новой оболочки и поставил блок. Отпрянув назад, женщина остановилась, сверля меня жёстким взглядом, сжимая в протянутой руке листовку. Фальшиво улыбнувшись, я взял бумагу.

– Они не имеют права... – начала женщина.

– Да, я совершенно с вами согласен.

– Только Господь Бог может спасти душу.

– Я...

Но тут Кристина Ортега решительно увела меня прочь, схватив под руку движением, в котором чувствовался профессионализм. Я вежливо, но не менее решительно стряхнул с себя её руку.

– Мы куда-нибудь спешим?

– Полагаю, и нас, и вас ждут более приятные занятия, – не разжимая губ, процедила она, разглядывая своих подчиненных, которые отбивались от митингующих с листовками.

– А что, если я хотел поговорить с этой женщиной?

– Да? А мне показалось, вы собирались свернуть ей шею.

– Это моя оболочка. По-моему, над ней поработали нейрехимики, и женщина непроизвольно задела какую-то струну. Видите ли, большинству людей после выгрузки позволяют полежать несколько часов. Так что я немного не в себе.

Я посмотрел на зажатый в руке листок. «МОЖЕТ ЛИ МАШИНА СПАСТИ ДУШУ?» – гласил риторический вопрос. Слово «машина» напечатали шрифтом, который должен был напоминать об архаичных компьютерных дисплеях. «Душа» была выведена переливающимися стереографическими буквами, плясавшими по всему листу. Я перевернул его, желая узнать ответ.

«НЕТ!!!»

– Значит, против криогенной подвески они ничего не имеют, но переправка людей в оцифрованном виде им не по душе. Любопытно. – Я оглянулся, задумчиво глядя на транспаранты. – А что такое резолюция номер 653?

– Это одно дело, которое в настоящее время разбирает суд Объединенных Наций, – объяснила Ортега. – Прокурор Бей-Сити хочет допросить католичку, находящуюся на хранении. Она главный свидетель. Ватикан утверждает, что она уже умерла и находится в руках Господа. Католики считают подобный допрос святотатством.

– Понятно. Можно не спрашивать, на чьей стороне ваши симпатии.

Остановившись, она посмотрела мне прямо в глаза.

– Ковач, я ненавижу этих проклятых извращенцев. Они издевались над нами в течение двух с половиной тысяч лет. Ни одна другая организация в истории человечества не повинна в стольких страданиях. Представляете себе, католики даже не позволяют последователям своей религии *планировать рождаемость*, чёрт побери! За последние пять столетий они выступали против всех медицинских открытий. Единственное, что можно сказать в их пользу: эта зараза не может распространиться на человечество из-за того, что они не принимают оцифровку сознания.

Как выяснилось, мне предстояло путешествовать в выдавшем виды, но бесспорно быстрогоходном транспорте «Локхид-Митома», выкрашенном, насколько я мог понять, в полицейские цвета. Мне приходилось летать в «Лок-Митах» на Шарии, но там они были матово-чёрными, невидимыми для радаров. По сравнению с ними машины в красные и белые полосы казались кричащими. В кабине неподвижно сидел пилот в солнцезащитных очках, таких же, как и у остальных из группы Ортеги. Люк уже был открыт. Когда мы поднялись на борт, Ортега постучала по крышке люка, и турбины тихонько зашелестели, пробуждаясь к жизни.

Я помог одному из «ирокезов» закрыть дверь, после чего, кое-как справляясь с перегрузкой на взлёте, пробрался к иллюминатору. Транспорт взмыл по спирали вверх, и я выкрутил шею, провожая взглядом собравшуюся перед терминалом толпу. Набрал метров сто, аппарат выровнялся в полёте и чуть опустил нос. Упав в объятия кресла, автоматически принимающего форму тела, я поймал на себе пристальный взгляд Ортеги.

– Вижу, вас они очень заинтересовали, да? – спросила она.

– Я чувствую себя туристом. Можете ответить на один вопрос?

– Если смогу, обязательно отвечу.

– Так вот, если эти ребята не признают контроля за рождаемостью, их должна наплотиться целая туча, правда? А Землю никак нельзя сравнить с кипучим ульем... Почему они до сих пор не прибрали всё к рукам?

Переглянувшись со своими людьми, Ортега неприятно ухмыльнулась.

– Хранение, – сказал «ирокез», сидящий слева от меня.

Я хлопнул себя по затылку и тотчас подумал, используется ли на Земле такой жест. Вообще-то это стандартное выражение недоумения, но на разных планетах его могут толковать по-разному.

– Хранение. Ну конечно. – Я взгляделся в лица полицейских. – И для них нет никаких исключений?

– Никаких.

Почему-то этот небольшой обмен фразами сделал нас приятелями. «Ирокезы» расслабились. Ответивший мне заговорил снова, объясняя:

– Для них что десять лет, что три месяца – всё одно. Каждый раз это равносильно смертному приговору. Они не возвращаются со склада. Здорово, правда?

Я кивнул.

– Очень аккуратно. А что происходит с телами?

Полицейский напротив меня неопределенно махнул рукой.

– Выкупаются родственниками, расчленяются для трансплантаций. Всё зависит от семьи. Отвернувшись, я уставился в иллюминатор.

– Что-нибудь случилось, Ковач?

Я повернулся к Ортеге, натянув на лицо свежую улыбку. Похоже, у меня это начинало получаться.

– Нет, ничего. Я просто подумал, что попал на незнакомую планету.

Полицейские расхохотались.

Вилла «Закат»

2 октября

Такеси-сан!

Получив это письмо, вы, несомненно, будете сбиты с толку. Приношу вам свои искренние извинения, но я уверен, что навыки, полученные в Корпусе чрезвычайных посланников, позволят вам наилучшим образом справиться с происходящим. Одновременно заверяю, что я бы ни за что не втянул вас в это дело, если бы мое положение не было столь безвыходным.

Меня зовут Лоренс Банкрофт. Поскольку вы вернулись из колоний, это имя, скорее всего, ничего для вас не значит. Достаточно сказать, что здесь, на Земле, я считаю себя человеком богатым и влиятельным, вследствие чего нажил себе врагов. Полтора месяца назад меня убили, однако полиция, по каким-то своим соображениям, предпочла рассматривать случившееся как самоубийство. Поскольку убийцы в конечном счете не достигли своей цели, я имею все основания считать, что они предпримут новые попытки, и, глядя на подход полиции к делу, можно предположить, что добьются успеха.

Естественно, у вас возникнет мысль, какое это имеет отношение к вам и почему вас извлекли из хранения и перетащили через сто восемьдесят шесть световых лет, раз речь идет о событии местного характера. Мои адвокаты посоветовали мне нанять частного сыщика, но, принимая в расчёт мое положение в здешнем обществе, я не могу доверять никому из местных. Вас мне порекомендовала Рейлина Кавахара, для которой, насколько я понял, восемь лет назад вы выполнили одно деликатное поручение на Новом Пекине.

Корпус чрезвычайных посланников смог обнаружить вас на Канагаве через двое суток после моего запроса о вашем местонахождении. Но, поскольку вы уволились со службы и занимались собственными делами, мне не дали никаких гарантий относительно вашей профессиональной пригодности. Однако я понял, что в настоящее время вы совершенно независимый человек.

Условия, согласно которым вы были освобождены, следующие.

Вы обязуетесь работать на меня в течение шести недель, причем за мной остаётся право по истечении срока продлить контракт, если возникнет

такая необходимость. В течение этого времени я обязуюсь оплачивать в разумных пределах все ваши расходы, связанные с проведением расследования. Кроме того, я полностью оплачиваю аренду оболочки на этот период. В случае успешного завершения расследования оставшийся срок вашего хранения на Канагаве – сто семнадцать лет и четыре месяца – будет аннулирован и вы будете переправлены назад, на планету Харлан, с последующим немедленным освобождением в оболочке по вашему выбору. Если же вы изъявите желание остаться на Земле, я выплачу закладную за вашу нынешнюю оболочку, и вы сможете стать натурализованным гражданином ООН. В любом случае на ваш счет будет переведена сумма в сто тысяч долларов ООН или её эквивалент в любой валюте по вашему желанию.

На мой взгляд, условия более чем привлекательные, однако должен добавить, что со мной лучше не шутить. В случае, если ваше расследование закончится неудачей и меня убьют, или вы предпримете попытку скрыться, или другим способом нарушите условия контракта, аренда оболочки будет немедленно аннулирована и вас вернут на хранение – отбывать оставшуюся часть срока на Земле. К этому сроку могут быть добавлены дополнительные наказания за ваши возможные проступки. Если вы сразу же откажетесь от контракта, вас немедленно вернут на хранение, хотя в этом случае я не смогу обеспечить переправку обратно на Харлан.

Надеюсь, вы заинтересуетесь моим предложением и согласитесь работать на меня. Рассчитывая на положительный ответ, присылаю своего водителя, чтобы он встретил вас у терминала. Его зовут Кёртис, и он один из моих самых преданных слуг. Кёртис будет ожидать вас в зале прибытия.

С нетерпением жду нашей встречи на вилле «Закат».

С уважением,

Лоренс Дж. Банкрофт

Глава третья

Вилла «Закат» не зря получила такое название. Из Бей-Сити аппарат полчаса летел на юг вдоль берега моря, пока изменившийся рёв двигателей не сообщил о том, что мы приближаемся к цели. К этому времени правые иллюминаторы тёплым золотом раскрасило клонящееся в море солнце. Мы начали спускаться. Прильнув к иллюминатору, я увидел внизу волны цвета расплавленной меди, а воздух светился чистым янтарем. Казалось, мы опускаемся в банку с мёдом.

Транспортное средство накренилось, делая поворот, и я увидел поместье Банкрофта. От берега моря отходили аккуратно ухоженные зелёные газоны, расчерченные дорожками из щебня. Дорожки вели к приземистому особняку с черепичной крышей – достаточно просторному, чтобы вместить небольшое войско. Стены особняка были белые, крыша – кораллово-красная, а войска, если оно существовало, нигде не было видно. Охранные системы, применённые Банкрофтом, не поднимались на большую высоту. Когда мы опустились совсем низко, я разглядел неприметное марево силового забора, окружающего поместье с внешней стороны. Почти не портит вид из окон особняка. Очень мило.

Менее чем в десяти метрах над одной из безукоризненных лужаек пилот надавил на посадочный тормоз – как мне показалось, излишне резко. Аппарат содрогнулся от носа до кормы, и мы немного ударились о землю, подняв облака пыли.

Я неодобрительно посмотрел на Ортегу, но та не обратила никакого внимания. Открыв люк, она первой сошла на землю. Через секунду я присоединился к ней, спрыгнул на изуродованный газон. Ткнув ногой вывороченный комок дёрна, я крикнул, перекрывая рёв турбин:

– Зачем всё это? Вы в обиде на Банкрофта, потому что он не поверил в собственное самоубийство?

– Нет. – Ортега осмотрела стоящий перед нами особняк так, словно подумывала о том, чтобы в него войти – Нет, мы в обиде на него не за это.

– Не хотите открыть мне, в чём дело?

– Вам вести расследование.

Из-за дома показалась молодая женщина с теннисной ракеткой в руке. Она направилась к нам прямо через газон. Метров за двадцать женщина остановилась и, взяв ракетку под мышку, сложила ладони рупором.

– Вы Ковач?

В ней воплотилась красота солнца, моря и песка; теннисные шорты и майка самым выгодным образом подчеркивали это. Золотистые волосы ниспадали до самых плеч; крикнув, женщина на мгновение показала молочно-белые зубы. На руках у неё были напульсники, на голове повязка, а капли пота на лбу показывали, что это не для красоты. Ноги у женщины выглядели точёными и мускулистыми, а поднимая руки, она продемонстрировала внушительные бицепсы. Пышная грудь распирала ткань майки. Мне захотелось узнать, её ли это тело.

– Да! – крикнул я в ответ. – Я Такеси Ковач. Меня выпустили сегодня.

– Вас должны были встретить у хранилища.

Фраза прозвучала, как обвинение. Я развёл руками.

– Вот меня и встретили.

– Не полиция. – Женщина шагнула вперёд, пристально глядя на Ортегу. – Вы? Я вас знаю.

– Лейтенант Ортега, – представилась женщина, словно мы были на пикнике. – Полиция Бей Сити, отдел по расследованию органических повреждений.

– Да, теперь вспомнила. – Голос женщины оставался откровенно враждебным. – Насколько я понимаю, это вы подстроили так, чтобы нашего водителя задержали под каким то надуманным предлогом.

– Нет, это сделала дорожная полиция, – вежливо поправила её лейтенант. – Это не в моей юрисдикции.

Стоявшая перед нами женщина презрительно усмехнулась.

– О, не сомневаюсь, лейтенант. Уверена, у вас в дорожной полиции нет друзей. – Её голос стал снисходительным. – Знайте, мы сделаем так, что ещё до захода солнца наш человек окажется на свободе.

Я украдкой взглянул на Ортегу, желая узнать, какое это произвело на неё впечатление. Однако орлиный профиль был непроницаемым. Меня заинтересовала усмешка женщины с ракеткой – отвратительная, принадлежащая старому лицу.

Рядом с особняком маячили двое широкоплечих мужчин с автоматами за спиной. Стоя под навесом, они с самого начала следили за происходящим, но лишь теперь, выйдя из тени, направились к нам. По тому, как едва заметно расширились зрачки молодой женщины, я догадался, что она вызвала их с помощью вживленного микрофона. Ловко. На Харлане люди без воодушевления относятся к тому, что в их тела засовывают провода и микросхемы, но, похоже, на Земле всё обстоит иначе.

– Лейтенант, ваше присутствие здесь нежелательно, – ледяным голосом произнесла молодая женщина.

– Мы уже уходим, мэм, – недовольно буркнула Ортега.

Неожиданно хлопнув меня по плечу, она не спеша направилась обратно к транспорту, но на полпути вдруг обернулась.

– Эй, Ковач, чуть не забыла. Вам это понадобится.

Сунув руку в нагрудный карман, она бросила мне небольшой предмет. Машинально поймав, я посмотрел на упаковку. Сигареты.

– Увидимся.

Вскочив в машину, Ортега хлопнула крышкой люка. Я увидел, как она прильнула к иллюминатору, наблюдая за мной. Рванув с места, аппарат пропахал глубокую борозду по всей лужайке и, взмыв вверх, полетел на запад, к океану. Мы проводили его взглядом.

– Очаровательно, – пробормотала стоявшая рядом со мной молодая женщина.

– Миссис Банкрофт?

Она резко обернулась. Судя по выражению её лица, мне здесь были рады не больше, чем Ортеге. От женщины не укрылся панибратский жест лейтенанта, и она неодобрительно скривила губы.

– Мой муж прислал за вами машину, мистер Ковач. Почему вы её не дождались?

Я достал письмо Банкрофта.

– Здесь говорится, что машина должна ждать у терминала. Её там не было.

Женщина попыталась взять письмо, но я вовремя убрал руку. Она стояла напротив меня, с раскрасневшимся лицом, учащенно дыша. Грудь у неё поднималась и опускалась. Когда тело помещают в резервуар, в организме происходит выделение гормонов, почти как во сне. Я почувствовал, что между ног начинает подниматься пожарный шланг.

– Вы должны были дождаться машины.

Я вспомнил, что на Харлане сила притяжения составляет приблизительно 0,8 единицы. На меня почему-то снова навалилась тяжесть. Я вздохнул.

– Миссис Банкрофт, если бы я остался ждать, то ждал бы до сих пор. Быть может, нам лучше пройти в дом?

Она на мгновение широко раскрыла глаза, и по ним я вдруг понял, сколько ей на самом деле лет. Быстро потупившись, женщина взяла себя в руки. Когда она заговорила, голос прозвучал мягче:

– Простите, мистер Ковач. Я забылась. Как вы могли заметить, полиция не проявляет никакого сочувствия. Случившееся выбило нас из колеи, мы до сих пор не пришли в себя. Полагаю, вы можете представить...

– Можете не объяснять.

– Поймите, мне очень неудобно. Такое бывает со мной очень редко. То же самое можно сказать про всех нас. – Она махнула рукой на двух вооруженных телохранителей, словно желая сказать, что в нормальной обстановке у них вместо автоматов на шее висели бы венки из цветов. – Пожалуйста, примите мои извинения.

– Ничего страшного.

– Мой муж ждёт вас на веранде, она выходит на море. Я сейчас же провожу вас к нему.

В доме было светло и просторно. Встретившая нас у входной двери горничная без слов забрала у миссис Банкрофт теннисную ракетку. Мы прошли по выложенному мрамором коридору, на стенах – картины, на мой непросвещённый взгляд, старинные. Портреты Юрия Гагарина и Нила Армстронга, эмфатические образы Конрада Харлана и Ангины Чандры. В конце этой своеобразной галереи, на невысоком цоколе, стояло что-то вроде вытянутого вверх дерева, сделанного из красного камня. Я задержался перед ним, и миссис Банкрофт, уже свернувшей налево, пришлось вернуться.

– Вам нравится? – спросила она.

– Очень. Это ведь с Марса, правда?

Краем глаза я увидел, как изменилось её лицо. Теперь она думала обо мне иначе. Обернувшись, я посмотрел женщине в глаза.

– Я поражена, – призналась миссис Банкрофт.

– Бывает. Это ещё я сальто не делал.

Она пристально взглянула на меня.

– А вы действительно знаете, что это такое?

– Если честно, нет. Когда-то я интересовался искусством и архитектурой. Камень узнал по снимкам, но...

– Это Поющая ветвь.

Шагнув мимо меня, миссис Банкрофт провела пальцами по одной из верхних веток. Камень еле слышно вздохнул, испуская слабый аромат вишни и горчицы.

– Она живая?

– Никто не знает. – Её голос неожиданно ожил, за что я проникся к ней ещё большей симпатией. – На Марсе они вырастают до ста метров, у корня бывают охватом с этот дом. Их песни слышно на несколько километров. Запах тоже разносится очень далеко. Судя по характеру эрозии, им должно быть около десяти тысяч лет. Вот эта ветка, например, ровесник Римской империи.

– Должно быть, это стоило больших денег. Я имею в виду, доставка на Землю.

– Деньги не главное, мистер Ковач.

Маска вернулась на место. Пора двигаться дальше.

Повернув в коридор налево, мы ускорили шаг, вероятно, чтобы наверстать время, потраченное на незапланированную остановку. При каждом шаге грудь миссис Банкрофт подпрыгивала под тонкой тканью майки, а я с мрачной сосредоточенностью разглядывал картины на противоположной стене. Опять работы последователей эмфатизма – Ангина Чандра, положившая изящную руку на вздыбленный фаллос ракеты. И здесь нет успокоения.

Веранда с видом на море находилась в самом конце западного крыла. Миссис Банкрофт провела меня через непритязательную с виду деревянную дверь, и нам в глаза ударил яркий солнечный свет.

– Лоренс, это мистер Ковач.

Я поднял руку козырьком, прикрывая глаза, и увидел, что у веранды был второй уровень. Наверху устроен балкон, отгороженный стеклянными дверями. Там, у парапета, стоял мужчина. Должно быть, он услышал, как мы вошли; впрочем, он точно слышал, как приземлился полицейский транспорт, и понял, что это означает. Тем не менее, мужчина не тронулся с места, продолжая смотреть на море. Иногда такое настроение возникает при возвращении из мертвых. А может быть, всё объяснялось простым высокомерием. Миссис Банкрофт кивком предложила мне идти вперед, и мы поднялись по лестнице со ступенями, сделанными из той же породы дерева, что и обшивка стен. Только сейчас я обратил внимание, что стены во всю высоту заполнены полками с книгами. Заходящее солнце окрасило корешки ровным оранжевым светом.

Мы вышли на балкон, и Банкрофт повернулся лицом. В руке он держал книгу, заложив пальцем место, на котором остановился.

– Здравствуйте, мистер Ковач. – Он переложил том, чтобы пожать мне руку. – Рад наконец встретиться с вами. Как вы находите свою новую оболочку?

– Замечательная. Очень удобная.

– Да, хотя я и не вдавался в подробности, но мои адвокаты получили указание подобрать что-нибудь... подходящее. – Он оглянулся, словно отыскивая на горизонте транспорт Ортеги. – Надеюсь, полиция действовала не слишком официально.

– Пока жаловаться не на что.

Банкрофт выглядел, как Человек Читающий. На Харлане есть кинозвезда по имени Ален Мариотт, больше всего известный по роли мужественного молодого философа-куэллиста, бросившего вызов жестокой тирании начала Эпохи Поселений. Не знаю, насколько достоверно передано восстание куэллистов, но в целом фильм хороший. Я смотрел его дважды. Так вот, Банкрофт чем-то напоминал Мариотта из этого фильма. Только постаревшего. Он был изящным и стройным, с густой седой шевелюрой, забранной сзади в хвостик. А книга в руке и библиотека казались естественным окружением для могучего ума, светившегося в жестких черных глазах.

Банкрофт тронул жену за плечо, небрежно и как бы случайно, и от этого движения мне, в моем теперешнем состоянии, захотелось плакать.

– Опять та же женщина, – сказала миссис Банкрофт. – Лейтенант Ортега.

Банкрофт кивнул.

– Не бери в голову, Мириам. Полиция просто принимается. Я предупреждал, что поступлю так, но на меня не обратили внимания. Что ж, теперь, когда мистер Ковач прибыл, ко мне будут относиться серьезно. – Он повернулся в мою сторону. – В этом деле полиция не пожелала сотрудничать со мной.

– Да. Насколько я понял, именно поэтому я здесь.

Мы посмотрели друг на друга. Я пытался решить, злюсь ли я на этого человека. Он перетаскивал меня на другой конец обитаемой вселенной, засунул в новое тело и предложил сделку, обставив так, что я не мог отказаться. Подобные выходки характерны для богачей. У них есть власть, и они не видят причин ею не пользоваться. Для богатых люди – товар, как и всё остальное. Их можно поместить на хранение, переправить, выгрузить. «Пожалуйста, распишитесь внизу».

С другой стороны, на вилле «Закат» ещё никто не искажил мою фамилию, да и выбора у меня не было. Опять же, не надо забывать о деньгах. Сто тысяч долларов ООН. Эта сумма в шесть-семь раз превосходила то, что мы с Сарой рассчитывали получить, обчистив винный склад на Миллспорте. Доллары ООН, самая твердая валюта во вселенной. Свободно обмениваются на всех обитаемых планетах Протектората.

Ради этого можно и потерпеть.

Банкрофт снова коснулся тела жены – на этот раз за талию, показывая, что ей пора уходить.

– Мириам, ты не могла бы ненадолго оставить нас вдвоем? Не сомневаюсь, у мистера Ковача масса вопросов, и мне бы не хотелось, чтобы ты скучала.

– На самом деле у меня есть несколько вопросов и к миссис Банкрофт.

Она уже направлялась к двери, и мои слова вынудили её остановиться на полпути. Склонив голову набок, миссис Банкрофт перевела взгляд с меня на мужа и обратно. Банкрофт спокойно заёрзал. Я понял, что ему не хотелось разговаривать в присутствии жены.

– Наверное, будет лучше, если мы с вами поговорим попозже, – поспешил исправиться я. – Отдельно.

– Да, разумеется. – Встретившись со мной взглядом, её глаза тотчас же, словно танцуя, убежали в сторону. – Лоренс, я буду в библиотеке карт. Когда закончите, пришли мистера Ковача ко мне.

Мы проводили её взглядом. Как только закрылась дверь, Банкрофт предложил мне сесть в удобное кресло на балконе. Рядом пылился старинный телескоп, нацеленный на горизонт. Посмотрев под ноги, я увидел, что половицы стертые от времени. На меня опустилось ощущение старины, будто покрывало. Неуютно поморщившись, я сел в кресло.

– Пожалуйста, мистер Ковач, не считайте меня шовинистом. После почти двухсот пятидесяти лет брака наши отношения с Мириам более чем уважительные. Честное слово, будет лучше, если вы переговорите с ней наедине.

– Понимаю.

В этом случае у меня не будет гарантии, что она скажет правду. Но выбирать не приходилось.

– Не желаете чего-нибудь выпить? Спиртное?

– Нет, благодарю вас. Если можно, фруктовый сок.

Меня не покидала дрожь – последствие выгрузки; к этому добавился неприятный зуд в пальцах ног – как я понял, результат никотиновой зависимости. Если не считать сигарет, которые я время от времени «стрелял» у Сары, последние две оболочки я вёл здоровый образ жизни. И не имел желания отходить от этого правила. А сейчас алкоголь, добавившись ко всему остальному, прикончил бы меня.

Банкрофт сложил руки на коленях.

– Разумеется. Я распоряжусь, чтобы вам принесли сок. Итак, с чего бы вы хотели начать?

– Вероятно, будет лучше, если вы объясните, чего ожидаете от меня. Я не знаю, что обо мне рассказала Рейлина Кавахара, и что представляет собой Корпус чрезвычайных посланников у вас на Земле, но предупреждаю сразу: не ждите чуда. Я не волшебник.

– Это я понимаю. Я тщательно изучил литературу о Корпусе посланников. А Рейлина Кавахара сказала лишь то, что вы человек надежный, хотя и излишне разборчивый.

Я вспомнил методы Кавахары и свое отношение к ним. Разборчивый. Точно.

Тем не менее, я принялся расписывать себя Банкрофту. Я чувствовал себя странно, хватаясь перед клиентом, уже взявшим меня на работу. Перечислил то, что умею делать. Преступное сообщество не отличается излишней скромностью, и чтобы получить серьёзное предложение, приходится до предела раздувать репутацию. Я ощущал себя так, словно вернулся назад, в Корпус посланников. Длинные полированные столы, и Вирджиния Видаура разносит в пух и прах нашу команду.

– Корпус чрезвычайных посланников был создан в рамках колониальных частей специального назначения ООН. Это не значит...

Это не значит, что каждый посланник является бойцом спецназа. Но с другой стороны, а что такое солдат? Какая часть подготовки бойца спецназа высечена в физическом теле, а какая – в сознании? И что происходит, если одно отделить от другого?

Космос, если воспользоваться расхожей фразой, бесконечен. Ближайший из обитаемых миров находится в пятидесяти световых годах от Земли. Самые отдаленные – вчетверо дальше. Некоторые корабли с первопоселенцами до сих пор в пути. Если какой-нибудь маньяк начнет размахивать тактической ядерной бомбой или другой игрушкой, угрожающей существованию биосферы, как ему помешать? Данные передаются посредством гиперкосмического пробоя практически мгновенно, настолько быстро, что учёные всё ещё спорят по поводу подходящей терминологии, но, цитируя Куэллкрест Фальконер, «дивизии таким способом не переправишь, чёрт побери». Даже если отправить корабль с войсками в минуту, когда заварушка началась, десантники придут на место, чтобы допросить внуков победителей.

Не лучший способ управлять Протекторатом.

Ладно, можно переслать оцифрованное сознание бойцов отряда быстрого реагирования. Давно прошли те времена, когда самым главным в армии была численность. Последнюю половину тысячелетия победы одерживали компактные, подвижные войска чрезвычайного назначения. Можно загрузить оцифрованный разум в оболочку, прошедшую боевую подготовку, с усовершенствованной нервной системой и накачанную стероидами. Ну а что дальше?

Солдаты окажутся в незнакомых телах, на незнакомой планете. Им предстоит сражаться на стороне совершенно чужих людей против других совершенно чужих людей ради целей, о которых они, скорее всего, не слышали и которые точно не понимают. Климат другой, язык и культура другие, растительность и животный мир другие, атмосфера другая. Проклятие, даже *притяжение* другое. Солдаты ничего не знают. Если же загрузить в их сознание сведения о местных реалиях, объём информации будет настолько большим, что они не успеют его обработать. А ведь уже через несколько часов после выгрузки в новых оболочках им придется вступить в смертельную схватку с врагом.

И вот тут приходит очередь Корпуса чрезвычайных посланников. Нейрохимическая стимуляция, кибер-вживленные интерфейсы, наращивание тканей – это физические усовершенствования. Большинство из них не имеют никакого отношения к сознанию, а пересылается именно рассудок в чистом виде. Вот с чего начался Корпус посланников. Были взяты духовно-психологические приемы, больше тысячи лет применявшиеся на Земле у народов Востока. На их основе создали систему подготовки, настолько совершенную, что в большинстве миров прошедшим полный курс тотчас же законодательно запретили занимать любые политические и военные должности.

Нет, это не солдаты. Не совсем солдаты.

– Мой метод работы заключается в абсорбции, – закончил я. – Я стараюсь впитывать в себя всё, с чем сталкиваюсь, и только после этого двигаюсь дальше.

Банкрофт заёрзал. Он не привык слушать лекции. Что ж, пора начинать.

– Кто обнаружил ваш труп?

– Наоми. Моя дочь.

Внизу раскрылась дверь. Банкрофт умолк. На лестнице, ведущей на балкон, появилась горничная, которую я уже видел. Она несла поднос с запотевшим графином и высокие стаканы. Похоже, у Банкрофта тоже была вживленная система связи.

Поставив поднос, горничная в механическом безмолвии наполнила стаканы и, дождавшись едва заметного кивка хозяина, удалилась. Он проводил её рассеянным взглядом.

Возвращение из мёртвых. Это не шутка.

– Наоми, – мягко подсказал я.

Банкрофт заморгал.

– Ах да. Она ворвалась сюда. Ей было что-то нужно – вероятно, ключи от одного из лимузинов. Возможно, я чересчур великодушный отец, но Наоми – моя младшенькая.

– Сколько ей?

– Двадцать два.

– У вас много детей?

– Да, много. Очень много. – Банкрофт слабо улыбнулся. – Когда есть время и деньги, растить детей становится ни с чем не сравнимым удовольствием. У меня двадцать семь сыновей и тридцать четыре дочери.

– Они живут с вами?

– Наоми в основном живёт со мной. А остальные только заглядывают в гости. Почти у всех уже есть свои семьи.

– Что с Наоми?

Я чуть понизил голос. Найти отца с разmozженной головой – не самое приятное начало дня.

– Сейчас она в психиатрии, – коротко ответил Банкрофт. – Идёт на поправку. Вам нужно будет с ней переговорить?

– Не сейчас. – Встав с кресла, я подошёл к двери в комнату. – Вы сказали, она вбежала сюда. Смерть произошла именно здесь?

– Да. – Банкрофт присоединился ко мне. – Кто-то проник сюда и разнёс мою голову зарядом частиц из бластера. На стене видны следы от выстрела. Вон там, рядом с письменным столом.

Войдя внутрь, я спустился вниз по лестнице. Крышка массивного письменного стола была из зеркального дерева – судя по всему, генетический код переправили на Землю с Харлана, и растение прижилось. Стол показался мне такой же экстравагантностью, как и Поющая ветвь в коридоре, но только более безвкусной. На Харлане леса зеркальных деревьев покрывают три континента, и почти во всех забегаловках на берегу канала в Миллспорте стойка бара сделана из этой древесины. Подойдя к столу, я осмотрел след на оштукатуренной стене. Белая поверхность съехала и обуглилась, бесспорно свидетельствуя о попадании луча заряженных частиц. Выжженное место находилось на уровне головы, небольшой изгиб уходил вниз. Банкрофт остался на балконе. Я посмотрел на его силуэт.

– Это единственный след огнестрельного оружия в комнате?

– Да.

– Больше ничего не сломано, не испорчено, не переставлено?

– Нет. Ничего.

Было очевидно, что он хочет ещё что-то сказать, но ждёт, пока я закончу с расспросами.

– И полиция нашла бластер рядом с вашим трупом?

– Да.

– У вас есть оружие подобного типа?

– Да. Это мой бластер. Я храню его в сейфе под письменным столом. Закодирован на отпечатки пальцев. Сейф был обнаружен раскрытым, больше из него ничего не пропало. Хотите заглянуть внутрь?

– Нет, благодарю, пока что не хочу.

По своему опыту я знал, как трудно двигать мебель из зеркального дерева. Я подошёл к углу тканого ковра, лежащего под столом. На полу виднелся едва различимый шов.

– Чьи отпечатки открывают сейф?

– Мои и Мириам.

Последовала многозначительная пауза. Банкрофт вздохнул, достаточно громко, чтобы звук разнёсся по помещению.

– Ну же, Ковач, не стесняйтесь. Высказывайте всё, что думаете. Остальные именно так и поступили. Или я покончил с собой, или меня убила моя жена. Других разумных объяснений нет. Я выслушиваю это с того самого момента, как меня вытащили из резервуара в «Алькатрасе».

Я заставил себя обвести взглядом комнату и лишь затем посмотрел Банкрофту в глаза.

– Что ж, вы должны признать, это значительно упрощает работу полиции, – сказал я. – Всё предельно чисто и аккуратно.

Банкрофт фыркнул, но в презрительном звуке прозвучал смех. Я поймал себя на том, что помимо воли проникаюсь симпатией к этому человеку. Поднявшись обратно наверх, я вышел на балкон и прислонился к перилам. На лужайке перед домом расхаживал взад и вперёд человек, облачённый в чёрное, с висящим на плече оружием. Вдалеке переливалось силовое ограждение. Какое-то время я стоял, уставившись в одном направлении.

– Нелегко поверить, что кто-то проник сюда, преодолев охранные системы, взломал сейф, доступ к которому есть только у вас и вашей жены, и убил вас, оставив всё на своих местах. Хотя вы человек рассудительный, и, следовательно, у вас есть основания так думать.

– О, можете не сомневаться. Оснований достаточно.

– Однако полиция не приняла их в расчет.

– Да.

Я повернулся к Банкрофту.

– Хорошо. Давайте их выслушаем.

– Одно из оснований у вас перед глазами, мистер Ковач. – Он тоже повернулся ко мне лицом. – Я здесь. Я вернулся. Меня нельзя убить, просто уничтожив память больших полушарий.

– Ваша память хранится на внешнем носителе. Это очевидно, в противном случае сейчас вы бы не стояли передо мной. И как часто происходит обновление?

Банкрофт улыбнулся.

– Каждые сорок восемь часов. – Он похлопал себя по затылку. – Прямая пересылка отсюда в защищённый банк данных центра хранения психической информации на острове Алькатрас. Мне не нужно даже задумываться над этим.

– Кроме того, в холодильнике хранится ваш замороженный клон.

– Да. И не один.

Гарантированное бессмертие. Какое-то время я молчал, размышляя, как к этому относиться.

– Наверное, это очень дорого, – наконец заметил я.

– Вовсе нет. Центр хранения принадлежит мне.

– О...

– Так что, Ковач, как видите, ни я, ни моя жена не могли нажать спусковой крючок бластера. Нам обоим известно: чтобы меня убить, этого недостаточно. Каким бы невероятным это ни казалось, убийство должен был совершить кто-то посторонний. Не знающий о внешнем носителе.

Я кивнул.

– Хорошо, а кто ещё о нем знает? Давайте сузим круг.

– Помимо моей семьи? – Банкрофт пожал плечами. – Мой адвокат, Оуму Прескотт. Ещё два-три юриста, её помощники. Директор центра хранения психической информации. Наверное, это всё.

– Однако, – сказал я, – самоубийство – поступок не для нормального человека.

– Именно так и сказала полиция. Этим же утверждением она попыталась объяснить остальные неувязки в своей теории.

– Какие, например?

Вот о чём хотел рассказать мне Банкрофт. Слова хлынули потоком.

– Например, то, что я предпочёл пройти последние два километра до дома пешком, проник незамеченным на территорию, а перед тем, как покончить с собой, сверил внутренние часы.

Я недоуменно заморгал.

– Прошу прощения?

– Полиция обнаружила следы приземления воздушного транспорта на поляне в двух километрах от наружного ограждения виллы, за пределами системы охранного наблюдения. И, кстати, именно в этот момент наверху не было спутника слежения.

– Полиция проверила такси?

Банкрофт кивнул.

– Проверила, только толку от этого немного. Законы Западного побережья не требуют от компаний, занимающихся пассажирскими перевозками, хранить данные о местонахождении машин в каждый момент времени. Разумеется, солидные фирмы регистрируют передвижения своего парка, но есть и те, кто этого не делает. Наоборот, кое-кто так даже привлекает клиентов. Делает упор на конфиденциальность услуг. – По лицу Банкрофта пробежала мимолетная тень. – В некоторых случаях и для некоторых клиентов это является большим преимуществом.

– Вам в прошлом приходилось пользоваться услугами подобных фирм?

– Да, время от времени.

Следующий по логике вещей вопрос повис в воздухе. Я не стал озвучивать его вслух, дожидаясь, когда Банкрофт сам ответит. Если он не собирался делиться со мной причинами, побуждающими его пользоваться конфиденциальным транспортом, то и я не буду давить – до тех пор, пока не обозначу ещё кое-какие вехи. Наконец Банкрофт кашлянул.

– В любом случае, есть основания считать, что данный транспорт не относился к такси. Как сказала полиция, рисунок следов на земле характерен для более крупного аппарата.

– Всё зависит от того, на какой скорости совершено приземление.

– Знаю. Тем не менее, от места приземления ведут мои следы, и, насколько я понял, состояние обуви соответствует пути в два километра, пройденному по пересечённой местности. И, наконец, ночью, когда меня убили, в три часа с небольшим, из этой комнаты был сделан телефонный звонок. Проверка времени. Не было сказано ни одного слова. Просто дыхание в трубке.

– И полиции это тоже известно?

– Естественно.

– И как там это объясняют?

Банкрофт едва заметно усмехнулся.

– Никак. По мнению полицейских, пешая прогулка в одиночестве под дождём вполне соответствует духу самоубийства. Никому не показалось странным, что человек, перед тем как разmozжить себе голову, сверяет внутреннюю микросхему времени. Как вы сами сказали, самоубийство нельзя считать нормальным поступком. В истории масса подобных случаев. Похоже, на свете полно недоумков, налагающих на себя руки и просыпающихся на следующий день в новой оболочке. Мне это долго и пространно объясняли. Недоумки забывают о том, что память больших полушарий можно считать. Или же в момент самоубийства это кажется им несущественным. Наша любимая система здравоохранения возвращает их к жизни, невзирая на предсмертные записки и просьбы. По-моему, это вопиющее нарушение прав личности. У вас на Харлане такие же порядки?

Я пожал плечами.

– Более или менее. Если просьба нотариально оформлена, самоубийц не оживляют. В противном случае неоказание медицинской помощи считается уголовным преступлением.

– Полагаю, это разумная предосторожность.

– Да. Она не дает убийцам выдавать дело своих рук за самоубийство.

Облокотившись на ограждение, Банкрофт посмотрел мне прямо в глаза.

– Мистер Ковач, мне триста пятьдесят семь лет от роду. Я пережил войну корпораций, последовавшее затем крушение моих промышленных и торговых интересов, настоящую смерть двоих сыновей и, по крайней мере, три крупных экономических кризиса. Но я до сих

пор здесь. Я не тот человек, который будет лишать себя жизни. Однако если бы я решился на такое, то не допустил бы подобных глупых ошибок. Если бы я вознамерился умереть, вы бы сейчас со мной не разговаривали. Это понятно?

Я выдержал взгляд его жёстких чёрных глаз.

– Да. Понятно.

– Хорошо. – Он отвернулся. – Продолжим?

– Мы говорили о полиции. Она вас не слишком-то жалует, так?

Банкрофт улыбнулся, но в его улыбке не было веселья.

– У меня с полицией проблемы перспективы.

– Перспективы?

– Именно. – Банкрофт направился к двери. – Пойдемте, я вам покажу, что имею в виду.

Следуя за ним, я задел рукой телескоп, развернув его наверх. Шок загрузки требовал выхода. Двигатель позиционирования телескопа, недовольно взвизгнув, вернул оптический прибор в исходное положение, нацелив на горизонт. На старинном цифровом дисплее замигали значения высоты и приближения. Я задержался, наблюдая за тем, как телескоп восстанавливает настройки. Клавиатуру покрывал многолетний слой пыли.

Банкрофт или не заметил мою неловкость, или вежливо промолчал.

– Это ваш? – спросил я, ткнув указательным пальцем в оптический прибор.

Банкрофт рассеянно взглянул на телескоп.

– Когда-то это было моим увлечением. В те времена, когда на звёзды стоило смотреть. Вам не понять эти чувства. – Это было произнесено мимоходом, без какого-либо намерения оскорбить или унижить. Голос Банкрофта лишился жёсткости, словно затухающее сообщение. – Последний раз я смотрел в эти линзы почти два столетия назад. Тогда многие корабли ещё летели к своим колониям. Мы до сих пор не знаем, что с ними стало. Ждём, когда вернутся сквозные лучи. Так ждут свет маяка.

Он забыл обо мне. Я вынужден был вернуть его к действительности.

– Проблемы перспективы, – мягко напомнил я.

– Ах да, проблемы перспективы. – Кивнув, Банкрофт махнул рукой в сторону поместья. – Видите вон то дерево? За теннисным кортом?

Не заметить такое дерево невозможно. Тень от раскидистого старого чудовища высотой с дом была больше теннисного корта. Я кивнул.

– Этому дереву больше семисот лет. Купив поместье, я нанял архитектора, и тот сразу же предложил выкорчевать дерево. Он собирался строить дом выше по склону, и тогда дерево портило бы вид на море. Я уволил архитектора.

Банкрофт повернулся, убеждаясь, что до меня доходит смысл его слов.

– Видите ли, мистер Ковач, архитектору было лет тридцать с небольшим, и для него это дерево представляло всего лишь мелкое неудобство. Оно ему мешало. Его не волновало, что дерево прожило на свете в двадцать раз дольше, чем он. У него не было чувства уважения.

– Значит, вы – дерево.

– Именно так, – ровным голосом произнес Банкрофт. – Я дерево. Полиция хочет меня выкорчевать. Совсем как тот архитектор. Я представляю для них неудобство, и у них нет уважения.

Я вернулся на место, пережёвывая услышанное. Наконец мне стало понятно поведение Кристины Ортеги. Если Банкрофт полагает, что волен не подчиняться требованиям, предъявляемым к добропорядочным гражданам, у него вряд ли будет много друзей в форме. Бессмысленно объяснять, что Ортега охраняет другое дерево, именуемое Законом, и с её точки зрения Банкрофт ломает ему ветви и вбивает в него гвозди. Мне приходилось наблюдать за подобными столкновениями и с той и с другой стороны, и единственное решение предложили мои предки.

Если тебе не нравятся законы, отправляйся туда, где они тебя не достанут.

После чего создай собственные законы.

Банкрофт остался у ограждения балкона. Быть может, он беседовал с деревом. Я решил на время отложить эту линию расследования.

– Каково ваше последнее воспоминание?

– Вторник, четырнадцатое августа, – быстро ответил Банкрофт. – Ложусь спать около полуночи.

– Тогда было произведено последнее обновление копии памяти?

– Да, сброс данных произошёл где-то около четырёх часов утра, но, судя по всему, я в этот момент спал.

– Значит, до вашей смерти прошло почти сорок восемь часов.

– Боюсь, вы правы.

Хуже некуда. За сорок восемь часов может произойти всё что угодно. За это время Банкрофт мог слетать на Луну и вернуться обратно. Я снова почесал шрам над глазом, рассеянно гадая, где его получил.

– И вы не помните ничего, что позволило бы узнать, почему с вами хотят расправиться?

Банкрофт по-прежнему стоял, облокотившись на ограждение, глядя вдаль. Я увидел, что он улыбается.

– Я сказал что-нибудь смешное?

У него хватило вежливости вернуться в кресло.

– Нет, мистер Ковач. Смешна сама ситуация. Кто-то желает моей смерти, и это довольно неприятно. Но вы должны понять – для человека моего положения вражда и угрозы – часть повседневной жизни. Мне завидуют, меня ненавидят. Такова цена успеха.

Вот это новости. Меня ненавидели на дюжине различных миров, но я никогда не считал, что добился успеха.

– В последнее время было что-то из ряда вон выходящее? Я имею в виду угрозы.

Банкрофт пожал плечами.

– Возможно, и было. У меня нет привычки их просматривать. Это делает мисс Прескотт.

– Вы не считаете, что угрозы в ваш адрес заслуживают внимания?

– Мистер Ковач, я предприниматель. Возможности предоставляются, кризисы случаются, вот с чем я имею дело. Жизнь идёт своим чередом. Я нанимаю специальных людей, чтобы они разбирались с мелочами.

– Очень удобно. Однако не могу поверить, что после случившегося ни вы, ни полиция не заглядывали в архивы мисс Прескотт.

Банкрофт неопределенно махнул рукой.

– Разумеется, полиция проводила расследование. Оуму Прескотт повторила им то же, что сказала мне. За последние шесть месяцев не приходило ничего необычного. Я доверяю ей достаточно, чтобы ограничиться её словом. Хотя, вероятно, вы захотите лично взглянуть на эти архивы.

При мысли о том, чтобы разматывать сотни метров бессвязных язвительных насмешек и злобных угроз, мою новую оболочку снова захлестнула волна усталости. Я понял, что мне становится глубоко наплевать на проблемы Банкрофта. Я переборол себя, сделав усилие, которое заслужило бы похвалу Вирджинии Видауры.

– Ну, в любом случае мне обязательно потребуется переговорить с Оуму Прескотт.

– Я немедленно договарюсь о вашей встрече. – Взгляд Банкрофта стал рассеянным, обращенным внутрь. – Во сколько вас устроит?

Я поднял руку.

– Наверное, будет лучше, если я возьму это на себя. Просто предупредите мисс Прескотт, что я с ней свяжусь. И мне надо будет заглянуть в центр загрузки новых оболочек.

– Разумеется. Если честно, я сам хотел попросить мисс Прескотт отвезти вас туда. Она лично знакома с проктором. Что-нибудь ещё?

– Кредитная линия.

– Естественно. Мой банк уже открыл счет на вашу ДНК. Насколько я понимаю, у вас на Харлане система та же.

Облизнув большой палец, я вопросительно поднял его вверх. Банкрофт кивнул.

– Так и у нас. Вы обязательно увидите, что в Бей-Сити есть места, где наличные до сих пор остаются единственным платежным средством. Будем надеяться, вам не придётся проводить в подобных районах много времени, но, если что, вы сможете снять со счёта наличные в любом отделении банка. Вам необходимо оружие?

– Пока что нет.

Одно из основополагающих правил Вирджинии Видауры гласило: «Перед тем как выбирать инструмент, определи характер предстоящей работы». Одинокое пятно копоти на штукатурке выглядело слишком изящным для того, чтобы впереди меня ждал фестиваль перестрелок.

– Хорошо.

Казалось, Банкрофт озадачен моим ответом. Он уже потянулся к карману рубашки, и ему пришлось завершить это движение, довольно неуклюже.

– Это мой оружейник, – сказал он, протягивая визитную карточку. – Я предупрежу, чтобы он ждал вас.

Я взял карточку и мельком взглянул на неё. Надпись затейливым шрифтом: «*Маркин и Грин – оружие с 2203 года*». Внизу – одинокая строчка цифр. Я убрал карточку в карман.

– Возможно, это и пригодится, – признался я. – Позже. Но мне хотелось бы начать с мягкой посадки. Подождать, пока не уляжется пыль, оглядеться вокруг. Полагаю, вы меня понимаете.

– Да, разумеется. Действуйте, как считаете нужным. Полностью полагаюсь на вас. – Перехватив взгляд, Банкрофт заглянул мне в глаза. – Однако не забывайте об условиях договора. Я плачу за работу. И я не люблю, когда не оправдывают моё доверие, мистер Ковач.

– Не сомневаюсь в этом, – устало заметил я.

Я вспомнил, как поступила с двумя подчиненными, предавшими её, Рейлина Кавара. Их звериные крики долго преследовали меня в кошмарных снах. Рассуждения Рейлины, чистившей яблоко под такой аккомпанемент, сводились к тому, что, поскольку сейчас никто по-настоящему не умирает, истинным наказанием может быть лишь страдание. Я почувствовал, как при воспоминании об этом моё новое лицо поморщилось.

– Что бы ни наговорили обо мне в Корпусе чрезвычайных посланников, это всё чушь собачья. Мое слово по-прежнему крепко. – Я встал. – Вы не могли бы посоветовать, где остановиться в городе? Что-нибудь тихое, среднего уровня.

– Такие гостиницы есть на улице Миссий. Я попрошу кого-нибудь отвезти вас туда. Кёртиса, если его к тому времени выпустят. – Банкрофт тоже поднялся на ноги. – Насколько я понял, теперь вы собираетесь побеседовать с Мириам. Ей действительно известно о моих последних сорока восьми часах гораздо больше, чем мне. Так что ваш разговор будет долгим.

Я подумал о древних старушечьих глазах и молодом накачанном теле. После этого мысль о беседе с глазу на глаз с Мириам Банкрофт потеряла для меня всякую привлекательность. Одновременно с этим холодная рука прошла по натянутым струнам под желудком, а член резко налился кровью. Классно.

– Да, – без воодушевления произнес я. – Наш разговор будет долгим.

Глава четвертая

– Похоже, вы чем-то смущены, мистер Ковач. Я права?

Оглянувшись на горничную, которая привела меня сюда, я снова посмотрел на Мириам Банкрофт. Тела женщин были приблизительно одного возраста.

– Нет, – произнес я более резко, чем намеревался.

На мгновение скривив губы, миссис Банкрофт свернула карту, которую изучала, когда я пришел. Сзади громко хлопнула дверь, закрываясь за горничной. Банкрофт не посчитал нужным проводить меня к жене. Возможно, сейчас супруги могли позволить себе не больше одного свидания в день. Как только мы спустились с балкона, на веранде с видом на море, будто по волшебству, появилась горничная. Банкрофт обратил на неё столько же внимания, сколько и в предыдущий раз.

Когда я уходил, он стоял перед столом из зеркального дерева, уставившись на след от бластера.

Миссис Банкрофт ловко скатала карту в трубку и убрала её в длинный тубус.

– Ну, – сказала она, не поднимая взгляда, – в таком случае, задавайте свои вопросы.

– Где вы находились, когда всё произошло?

– В своей кровати. – Она посмотрела на меня. – Пожалуйста, не продолжайте: я была одна.

Картохранилище представляло собой длинное просторное помещение под сводчатым потолком, в котором кое-где вмонтированы иллюминационные плитки. Застеклённые полки высотой по пояс выстроились ровными рядами, словно ящики с экспонатами в музее. Я зашагал по центральному проходу, и мы с миссис Банкрофт оказались разделены одним рядом. Так я чувствовал себя хоть под какой-то защитой.

– Миссис Банкрофт, давайте сразу определимся: я не из полиции. Я хочу установить истину, а не найти виновного.

Убрав тубус, Мириам Банкрофт прислонилась к полке, сложив руки за спиной. Пока я разговаривал с её мужем, она сняла пропотевший молодёжный теннисный костюм. Сейчас на ней были облегающие чёрные слаксы и что-то, родившееся от союза смокинга и трико. Рукава небрежно закатаны почти до локтей; запястья без украшений.

– Мистер Ковач, я похожа на виновную? – спросила она.

– Мне кажется, вы чересчур озабочены тем, чтобы доказать совершенно постороннему человеку верность мужу.

Миссис Банкрофт рассмеялась. У неё был приятный грудной смех, при этом плечи красиво поднимались и опускались. Такой смех я смог бы полюбить.

– Какой вы уклончивый.

Я посмотрел на карту, разложенную на полке передо мной. В верхнем левом углу представлена дата: за четыре столетия до моего рождения. Надписи выполнены незнакомым языком.

– Там, откуда я прибыл, миссис Банкрофт, прямота не считается особой добродетелью.

– Вот как? А что же считается?

Я пожал плечами.

– Учтивость. Самообладание. Стремление не задеть заинтересованных лиц.

– По-моему, это скучно. Полагаю, на Земле вас ждут сильные потрясения, мистер Ковач.

– Миссис Банкрофт, я не говорил, что дома отличался примерным поведением.

– О... – Она перестала опираться на полку и шагнула ко мне. – Да, Лоренс кое-что рассказал о вас. Судя по всему, на Харлане вас считали человеком опасным.

Я снова пожал плечами.

– Это по-русски.

– Извините?

– Я про язык. – Обойдя полку, она остановилась рядом со мной, глядя на карту. – Это составленная компьютером русская карта посадочных площадок на Луне. Очень редкая. Я купила её на аукционе. Вам нравится?

– Очень мило. В котором часу вы легли спать в ночь, когда был убит ваш муж?

Мириам Банкрофт пристально посмотрела мне в глаза.

– Я легла спать рано. Как я уже говорила, я была одна. – Сделав над собой усилие, она сдержала резкость в голосе, и он снова стал почти любезным. – Мистер Ковач, если мои слова и похожи на признание вины, это не так. Скорее, это признание неизбежности. С некоторой долей обиды и раздражения.

– Вы обижены на своего мужа?

Она улыбнулась.

– Кажется, я говорила о признании неизбежного.

– Ваш тон был более красноречив.

– Вы хотите сказать, это я убила своего мужа?

– Пока что я ничего не говорю. Но такая возможность существует.

– Да?

– Вы имели доступ к сейфу. В тот момент, когда всё произошло, вы находились в доме, за пределами охранной сигнализации. А теперь кажется, что у вас могли быть какие-то личные причины.

Продолжая улыбаться, она сказала:

– Мистер Ковач, неужели вы строите обвинение?

Я спокойно выдержал её взгляд.

– Да, если сердечко трепещет.

– Какое-то время и полиция прорабатывала эту версию. Затем отказалась от неё. Пришла к выводу, что сердечко не трепещет. И я буду очень признательна, если вы не будете здесь курить.

Я посмотрел на свои руки и обнаружил, что они сами достали пачку Кристины Ортеги. Я уже наполовину вытряс из пачки сигарету. Нервы.

У меня возникло странное ощущение, будто новая оболочка меня предала. Я смущенно убрал сигареты.

– Извините.

– Ничего страшного. Речь идёт о поддержании микроклимата. Многие из хранящихся здесь карт очень чувствительны к загрязнению воздуха. Впрочем, вам это наверняка известно.

Миссис Банкрофт произнесла последние слова так, будто только полный кретин может не знать о подобных вещах. Я почувствовал, что безнадежно теряю контроль над ходом разговора.

– А на каком основании полиция...

– Спросите у них. – Повернувшись ко мне спиной, она отошла, словно приняв какое-то решение. – Мистер Ковач, сколько вам лет?

– Субъективно? Сорок один. На Харлане год длится чуть дольше, чем земной. Но разница небольшая.

– Ну а объективно? – спросила она, передразнивая мой тон.

– Я провёл в разных резервуарах около столетия. Постепенно начинаешь терять счёт времени.

Это была ложь. Я помнил с точностью до дня все сроки хранения. Подсчитал их как-то бессонной ночью, и теперь числа прочно засели в памяти. Каждый раз, отправляясь в резервуар, я добавлял новый срок.

– Представляю, как вам сейчас одиноко.

Вздыхнув, я принялся разглядывать ближайшую полку. На каждом тубусе с картой имелась бирка. Археологические изыскания. Малый Сырт, восточная четверть, третьи раскопки. Бредбери; руины первопоселенцев. Я вытащил одну из карт.

– Миссис Банкрофт, мои чувства никого не интересуют. А у вас нет никаких мыслей на тему того, почему ваш муж мог бы покончить с собой?

Миссис Банкрофт стремительно развернулась, не успев договорить. Её лицо стало красным от гнева.

– Мой муж не убивал себя, – ледяным тоном произнесла она.

– Похоже, вы в этом абсолютно убеждены. – Я оторвал взгляд от карты и улыбнулся. – Я имею в виду, странно слышать такую уверенность от человека, крепко спавшего в тот момент.

– Положите карту на место! – воскликнула она, шагнув ко мне. – Вы понятия не имеете, сколько она стоит...

Миссис Банкрофт умолкла, а я поспешно задвинул карту назад. Глубоко вздохнув, она попыталась справиться с прилившей к лицу краской.

– Мистер Ковач, вы стараетесь вывести меня из себя?

– Я пытаюсь привлечь к себе внимание.

Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза. Миссис Банкрофт первая отвела взгляд.

– Я уже сказала, в тот момент, когда это произошло, я спала. Что ещё вы хотите услышать?

– Куда ездил в ту ночь ваш муж?

Она прикусила губу.

– Точно не могу сказать. Днём он был в Осаке на совещании.

– Осака – это где?

Мириам Банкрофт удивлённо посмотрела на меня.

– Я нездешний, – терпеливо напомнил я.

– Осака – это город в Японии. Я полагала...

– Да, Харлан освоен японцами и наёмниками из Восточной Европы. Но это было очень давно, и я при этом не присутствовал.

– Извините.

– Ничего страшного. Вероятно, и вы мало что можете сказать про то, чем занимались триста лет назад ваши предки.

Миссис Банкрофт как-то странно посмотрела на меня. Я осёкся. Только через мгновение я осознал смысл собственных слов. Последствия недавней выгрузки. Мне необходимо выпастись в самое ближайшее время, пока я не сказал и не сделал ничего действительно глупого.

– Мне больше трёхсот лет, мистер Ковач. – На лице миссис Банкрофт мелькнула едва заметная усмешка. Она снова перехватила инициативу. – Внешность обманчива. Это моё одиннадцатое тело.

Её поза недвусмысленно предлагала мне хорошенько присмотреться. Я скользнул взглядом по широким славянским скулам, по вырезу декольте и далее, по прикрытым тонкой тканью стройным ногам, изображая безразличие, на которое моя возбуждённая оболочка не имела никаких прав.

– Очень мило. Правда, на мой вкус чересчур молодое, но, как уже говорилось, я не здешний. Однако давайте вернёмся к вашему мужу. Весь день он провел в Осаке, но к вечеру вернулся. Насколько я понимаю, мистер Банкрофт делал это не физически?

– Разумеется. У него там в холодильнике хранится транзитный клон. Муж должен был вернуться часов в шесть вечера, но...

– Да?

Переступив с ноги на ногу, миссис Банкрофт пожала плечами. Мне показалось, она с трудом удерживает себя в руках.

– В общем, вовремя он не вернулся. Лоренс часто задерживается после заключения сделок.

– И никто не может сказать, куда он отправился в тот раз? Например, Кёртис?

Напряжение не уходило, и скрыто было плохо, как острые пики скал под лёгким снежком.

– Лоренс не посылал за Кёртисом. Вероятно, с терминала загрузки оболочек он уехал на такси. Я не обязана следить за своим мужем, мистер Ковач.

– Это совещание имело очень большое значение? То, что состоялось в Осаке?

– Мм... нет, не думаю. Мы с мужем уже говорили на эту тему. Разумеется, он ничего не помнит, но мы просмотрели бумаги и выяснили, что совещание было запланировано уже давно. Речь идёт о компании, занимающейся строительством морских объектов. «Пасификон», управление находится в Японии. Восстановительные работы. Как правило, Лоренс решает все проблемы в Бей-Сити, но в данном случае речь шла о внеочередном заседании совета инспекторов. Такими вещами лучше заниматься лично.

Я кивнул с умным видом, хотя понятия не имел, что собой представляет инспектор компании строительства морских объектов. И обратил внимание, что миссис Банкрофт несколько успокоилась.

– Значит, рутинное мероприятие?

– Можно и так сказать. – Она вымученно улыбнулась. – Мистер Ковач, уверена, вся эта информация имеется у полиции.

– Я в этом не сомневаюсь, миссис Банкрофт. Но у неё нет никаких оснований делиться со мной информацией. Я не имею официального статуса.

– Я успела заметить, что вы с полицейскими в хороших отношениях. – В её голосе внезапно проступила ядовитая желчь. Я посмотрел ей в глаза, и она первая отвела взгляд. – В любом случае, уверена, Лоренс сможет достать вам всё необходимое.

Эта дорога вела в тупик. Я сдал назад.

– Наверное, мне нужно будет поговорить с ним об этом. – Я обвёл взглядом хранилище карт. – Какая коллекция! Вы давно её собираете?

Судя по всему, миссис Банкрофт почувствовала, что разговор подходит к концу, потому что напряжение вытекло из неё, словно масло из треснувшего маслопровода.

– Почти всю жизнь, – сказала она. – Пока Лоренс таращился на звезды, кое-кто не отрывал взгляда от земли.

Я почему-то подумал про заброшенный телескоп на балконе. Представил себе его унылый угловатый силуэт на фоне темнеющего неба. Немое свидетельство минувших времён и устремлений, никому не нужная реликвия. Вспомнил, как он вернулся в исходное положение после того, как я случайно сбил наводку. Аппарат, преданный программе, заложенной в него столетие назад, на мгновение пробуждённый к жизни. Так же Мириам Банкрофт пробудила к жизни Поющую ветвь, погладив её.

Древность.

Внезапно я ощутил удушающее давление. Древность была повсюду; казалось, её источали камни виллы «Закат». Старина. Я уловил её дуновение от невозможно молодой и красивой женщины, стоявшей напротив, и к моему горлу подступил комок. Что-то внутри захотело бежать, выбраться на свободу, вдохнуть свежего воздуха, уйти от этих существ, чья память простиралась дальше исторических событий, о которых мне рассказывали в школе.

– Вам нехорошо, мистер Ковач?

Последствия выгрузки.

Я сделал над собой усилие и мысленно собрался.

– Всё в порядке. – Прочистив горло, я посмотрел Мириам Банкрофт в глаза. – Что ж, не буду вас больше задерживать, миссис Банкрофт. Благодарю за то, что уделили мне время.

Она шагнула ко мне.

– Не хотите...

– Нет-нет, не беспокойтесь. Я сам найду дорогу назад.

Путь обратно по хранилищу карт показался бесконечно долгим. Звуки шагов отдавались гулким эхом в моём черепе. Делая шаг за шагом, проходя мимо разложенных на полках карт, я затылком чувствовал пристальный взгляд древних глаз.

Мне очень захотелось курить.

Глава пятая

К тому времени, когда шофер Банкрофта повёз меня обратно в город, небо приняло оттенок старинного серебра. Повсюду в Бей-Сити начали зажигаться огни. На скорости, по моему мнению значительно выше благоразумной, мы зашли в город по дуге со стороны моря, пролетели над древним подвесным мостом ржавого цвета и оказались среди нагромождённых на холмистый полуостров зданий. Шофёр Кёртис никак не мог отойти после общения с полицией. Не прошло и двух часов, как его выпустили на свободу, а Банкрофт уже попросил отвезти меня в город. Всю дорогу Кёртис оставался мрачен и неразговорчив. Это был молодой парень спортивного телосложения, по-мальчишески симпатичный. Я предположил, что слуги Лоренса Банкрофта не привыкли, чтобы правительственные чиновники мешали выполнять их работу.

Я не жаловался. Моё собственное настроение мало чем отличалось от настроения шофёра. Перед глазами ещё стояли картины гибели Сары. Это произошло лишь вчера вечером. Субъективно.

Мы затормозили в небе над широкой улицей. Достаточно резко, чтобы кто-то близко над нами переслал на комсет лимузина протестующий гудок. Кёртис оборвал сигнал, хлопнув ладонью по приборной консоли, и недовольно задрал голову, выглядывая в окно на крыше. Мы опустили вниз с едва ощутимым толчком и влились в поток транспорта, тотчас же свернув налево в узкий переулок. Я начал обращать внимание на происходящее вокруг.

Городская жизнь повсюду одинакова. На всех планетах, где мне довелось побывать, я видел одно и то же: хвастовство и обман, куплю и продажу; человеческая суть как она есть просачивается из-под любой системы, которую громыхающая политическая машина вздумает построить. Бей-Сити, город на Земле, древнейшей из цивилизованных планет, не стал исключением. Все, от нематериальных голографических плакатов, висящих на фасадах старинных зданий, до уличных торговцев с коммуникационными устройствами на плече, похожими на механических ястребов или огромные раковые опухоли, все что-то продавали. У тротуаров останавливались машины, и к ним устремлялись щедрые доступные тела, вальяжно прислоняющиеся к дверям и начинающие торговлю. Так, наверное, происходило с тех самых пор, как появились машины, к дверцам которых можно прислоняться. Над тележками со съестным поднимались струйки дыма и пара. Салон лимузина был изолирован от звука и коммуникационных передач, но даже сквозь стекло чувствовался шум города, пронзительные голоса зазывал и модулированная музыка, насыщенная инфранизкими частотами, воздействующими на подсознание покупателя.

В Корпусе чрезвычайных посланников учат преодолевать человеческую природу. Сначала нужно увидеть сходство, скрытую переключку, что позволит хоть как-то сориентироваться на новом месте; ну а потом можно искать отличия, изучая мелкие детали.

На планете Харлан население состоит из потомков славянской и японской рас, хотя при желании и за соответствующую сумму можно получить любую этническую вариацию, выращенную в резервуаре. Здесь же были лица всех цветов кожи и разных генотипов: я встречал высоких, угловатых африканцев, широколицых узкоглазых монголоидов, бледных скандинавов. Один раз даже увидел девушку, похожую на Вирджинию Видауру, но она быстро затерялась в толпе. Все торопились, спешили по своим делам.

Неуклюже.

Эта характеристика мелькнула в сознании, словно та девушка в толпе. Нахмурившись, я ухватился за неё и присмотрелся повнимательнее.

На Харлане уличная жизнь обладает каким-то обнаженным изяществом: бережная экономия движений и жестов кажется непривычному взгляду своего рода хореографией. Я вырос на Харлане, поэтому вспоминал об этой особенности толпы только на других мирах.

На Земле я не видел ничего подобного. Бурлящая человеческая активность за окнами лимузина напоминала чем-то пенистую струю, возникающую между двумя близко идущими лодками. Прохожие проталкивались и протискивались вперед, резко замирали на месте и пятились назад, пытались обходить скопления людей, но слишком поздно, когда уже не оставалось времени для манёвра. То и дело внутреннее напряжение вырывалось наружу, взлетали вверх подбородки, распрямлялись мускулистые тела. Два или три раза я видел признаки зарождающейся потасовки, правда, их мгновенно смывал непрерывный, клокочущий людской поток. Казалось, на улицы щедро брызнули феромональным¹ раздражающим средством.

– Кёртис, – сказал я, бросив взгляд на бесстрастный профиль водителя. – Вы не могли бы на минуту отключить блокировку коммуникаций?

Посмотрев на меня, он едва заметно скривил губы.

– Разумеется.

Откинувшись назад, я снова сосредоточил взгляд на том, что происходило на улицах.

– Я не турист, Кёртис. Наблюдая, я зарабатываю себе на жизнь.

Каталоги уличных торговцев обрушились потоком бредовых галлюцинаций, слегка искаженных отсутствием прямой связи. Они быстро напознали друг на друга по мере того, как мы скользили вперед, но всё равно оставались невыносимо настойчивыми и, по меркам Харлана, слишком громкими. Самыми навязчивыми были предложения плотских утех: меняющаяся череда половых актов во всевозможных позах, цифровая корректировка изображений, добавляющая воздушного блеска грудям и мускулатуре. Имена шлюх нашёптывались томным голосовым сопровождением вместе с краткими характеристиками: «застенчивая девочка», «властная садистка», «необъезженный жеребец» и другими из совершенно чуждого культурного пласта. В эти сообщения вплетались более скромные списки химических препаратов и заманчивые обещания торговцев наркотиками и имплантатами. Среди них я уловил пару религиозных обращений – картинки духовного спокойствия на фоне гор, – но они напоминали тонущих в океане товаров.

Постепенно голоса стали обретать смысл.

– Что значит «из Домов»? – спросил я Кёртиса, в третий раз выудив эту фразу из обращений.

Кёртис презрительно усмехнулся.

– Своеобразный знак качества. «Дома» – это картель, высококлассные и дорогие публичные дома по всему побережью. Если девушка «из Домов», она обучена делать то, о чем большинство людей не смеет даже мечтать. – Он кивнул на улицу. – Не покупайтесь на красивые фразочки; из этих шлюх никто никогда не работал в «Домах».

– А «труп»?

Кёртис пожал плечами.

– Уличный жаргон. Бетатанатин. Подростки применяют его для того, чтобы попробовать смерти. Это гораздо дешевле, чем самоубийство.

– Надо полагать.

– А у вас на Харлане бетатанатина нет?

– Нет.

В Корпусе чрезвычайных посланников я пару раз применял этот препарат, но только за пределами планеты. На Харлане бетатанатин запрещён.

– Зато у нас есть самоубийства, – добавил я. – Вас не затруднит снова включить блокировку?

---

¹ Феромонал – половой аттрактант, пахучее вещество, выделяемое насекомыми для привлечения особей противоположного пола. – *Здесь и далее прим. пер.*

Нежное прикосновение образов резко оборвалось, и у меня в голове на мгновение воцарилась полная пустота, словно в необставленной комнате. Я подождал, когда ощущение пройдет.

– Это улица Миссий, – сказал Кёртис. – Следующие два квартала одни отели. Хотите, чтобы я высадил вас здесь?

– Можете что-нибудь порекомендовать?

– Смотря что вы хотите.

Я ответил его же фирменным пожатием плеч.

– Что-нибудь светлое. Просторное. С обслуживанием в номере.

Он задумчиво прищурился.

– Если хотите, попробуйте «Хендрикс». Там есть башня-пристройка, и шлюхи у них чистые.

Лимузин чуть ускорился, и мы молча проехали два квартала. Я решил не объяснять, что имел в виду обслуживание другого рода. Пусть Кёртис думает, что хочет.

Тут у меня перед глазами непрощено явился застывший образ Мириам Банкрофт с бусинками пота, блестящими в ложбинке на груди.

Лимузин плавно остановился перед ярко освещенным фасадом здания в незнакомом стиле. Выйдя из машины, я уставился на огромное голографическое изображение чернокожего музыканта, с лицом, искаженным экстазом от музыки, которую он извлекал из гитары, держа её, как левша. Картинка была не совсем естественной: судя по всему, её получили из двухмерных фотографий, что говорило о возрасте изображения. Надеюсь, это говорит не столько о дряхлости отеля, сколько о традиции качественного обслуживания. Я поблагодарил Кёртиса и, захлопнув за собой дверь, проводил взглядом удаляющийся лимузин. Он почти сразу взмыл вверх, и вскоре задние габаритные огни потерялись в потоке воздушного транспорта. Я повернулся к дверям из зеркального стекла, и они, дёрнувшись, раздвинулись, впуская меня внутрь.

Если по вестибюлю можно о чем-то судить, то «Хендрикс» определённо удовлетворял моему второму требованию. Кёртис мог бы поставить здесь в ряд три или даже четыре лимузина Банкрофта, и всё равно осталось бы место для проезда робота-мойщика. Относительно первого требования у меня такой уверенности не было. Стены и потолок покрывал неровный узор осветительных плиток, чей срок службы несомненно подходил к концу. Тусклому сиянию удавалось лишь сгрести полумрак в середину помещения. Самым ярким здесь был свет, проникающий с улицы.

В вестибюле – ни одной живой души, но от стойки у противоположной стены исходило слабое голубое сияние. Пройдя мимо невысоких кресел и скользящих по полировке столов с металлическими крышками, я обнаружил экран встроенного в стойку монитора.

По экрану неслась снежная пороша отсутствия соединения. В нижнем углу мигала надпись на английском, испанском и японском:

ГОВОРИТЕ

Оглянувшись, я снова посмотрел на экран.

Никого.

Я кашлянул, прочищая горло.

Надпись погасла и сменилась на новую:

ВЫБЕРИТЕ ЯЗЫК

– Я хочу снять номер, – попробовал я по-японски, из чистого любопытства.

Экран ожил так неожиданно, что я непроизвольно отступил назад. Блуждающие разноцветные точки быстро сложились в смуглое лицо азиатского типа над чёрной рубашкой и галстуком. Улыбнувшись, лицо преобразовалось в девушку европейского типа, чуть состарилось, и в конце концов передо мной засветилась светловолосая тридцатилетняя женщина в стро-

гом деловом костюме. Выбрав идеальный облик для общения, отель одновременно пришёл к выводу, что я не умею говорить по-японски.

– Добрый день, сэр. Добро пожаловать в отель «Хендрикс», основанный в 2087 году и существующий поныне. Чем мы можем вам помочь?

Я повторил просьбу, перейдя на амеранглик.

– Благодарю вас, сэр. Можем предложить несколько номеров, они полностью подключены к информационной и развлекательной системе города. Будьте добры, укажите ваши пожелания относительно размеров и этажа.

– Мне бы хотелось номер в башне, с окнами на запад. Самую большую комнату, какая у вас только есть.

Лицо отъехало в угол экрана, и его место заняла изометрическая проекция отеля. Быстро пройдясь по номерам, селектор остановился в углу, вытащил увеличенное изображение выбранного номера и покрутил его со всех сторон. Сбоку появилась бегущая колонка текста.

– Номер люкс в башне, три комнаты, спальня размером тринадцать целых восемьдесят семь сотых метра на...

– Отлично, беру.

Изометрическая проекция исчезла словно по мановению волшебной палочки, и весь экран снова заняло женское лицо.

– Сколько суток вы у нас пробудете, сэр?

– Пока сказать не могу.

– Необходимо внести залоговый депозит, – робко сказал отель. – Для проживания на срок более четырнадцати суток требуется сумма в шестьсот долларов ООН. В случае преждевременного отбытия до истечения вышеуказанного срока соответствующая часть депозита будет возвращена.

– Отлично.

– Благодарю вас, сэр. – По тону голоса я заподозрил, что клиенты, расплачивающиеся за проживание, для отеля «Хендрикс» в диковинку. – В какой форме вы собираетесь платить?

– Код ДНК. Счёт в Первом колониальном банке Калифорнии.

По экрану побежали подробности оплаты счета, и тут я почувствовал холодное металлическое колечко, прижатое к моему затылку.

– Это именно то, о чём ты подумал, – произнес тихий голос. – Одно неверное движение – и фараоны будут несколько недель соскребать со стен твои размазанные полушария. Я говорю о *настоящей смерти*, дружок. Ну-ка, подними руки повыше.

Я подчинился, чувствуя, как по спине, от того места, где к затылку приставлено дуло пистолета, разливается непривычный холодок. Мне довольно давно не угрожали настоящей смертью.

– Вот и хорошо, – продолжил тот же тихий голос. – А сейчас моя помощница тебя ощупает. Стой спокойно, никаких резких движений.

– Пожалуйста, введите свой код ДНК с помощью клавиатуры под экраном.

Отель связался с базой данных Первого колониального банка. Я терпеливо ждал, пока стройная женщина в чёрном, с лицом, скрытым горнолыжными очками, обойдет меня со всех сторон и ощупает с ног до головы ворчащим серым сканером. Пистолет, приставленный к затылку, не шелохнулся. Дуло уже не было холодным. Тепло моего тела нагрело его до более интимной температуры.

– Он чист. – Другой, резкий, профессиональный голос. – Основы нейрохимии, но пока не действуют. Железа нет.

– Вот как? Значит, путешествуешь налегке, Ковач?

Моё сердце рухнуло из груди куда-то в район желудка. До этих слов я надеялся, что имею дело с обыкновенными грабителями.

– Я вас не знаю, – осторожно сказал я, поворачивая голову на пару миллиметров. Пистолет дёрнулся, и я замер.

– Точно, не знаешь. А теперь слушай, что будет дальше. Мы выйдем на улицу...

– Время ожидания запроса кредита истечет через тридцать секунд, – терпеливо сказал отель. – Пожалуйста, введите свой код ДНК.

– Мистеру Ковачу не понадобится забронированный номер, – сказал стоявший за спиной мужчина. Он положил руку мне на плечо. – Пошли, Ковач, мы тебя прокатим.

– Без внесения депозита я не могу разместить вас в отеле, – произнесла женщина с экрана.

Я уже начал разворачиваться, но что-то в её голосе меня остановило. Поддавшись внезапному порыву, я разразился хриплым кашлем.

– Какого...

Нагнувшись вперед в приступе кашля, я поднес руку ко рту и облизал большой палец.

– Какого черта ты задумал, Ковач?

Резко распрямившись, я хлопнул ладонью по клавиатуре. На матово-чёрном приёмнике появились брызги свежей слюны. Через долю секунды ребро мозолистой ладони врезалось слева в мой череп, и я свалился на четвереньки. Получив ботинком в лицо, я сполз на пол.

– Благодарю вас, сэр, – сквозь звон в ушах услышал я голос отеля. – Ваш запрос обрабатывается.

Я попытался встать, но получил второй удар ногой – на этот раз по ребрам. Расплата за причинённое беспокойство. Кровь из носа брызнула на ковер. В затылок снова упёрлось дуло пистолета.

– Зря ты решил умничать, Ковач. – Голос прозвучал чуть менее спокойно. – Если надеешься, что полиция выследит, куда мы тебя отвезем, значит, оцифровка стёрла твои мозги. А теперь вставай, живо!

Он попытался поднять меня на ноги, как вдруг началось светопреставление.

Почему кто-то счёл нужным оснастить систему безопасности «Хендрикса» двадцатимиллиметровыми автоматическими пушками, осталось выше моего понимания, но работа была выполнена с убийственной тщательностью. Краем глаза я успел увидеть спускающуюся змеей из-под потолка сдвоенную автоустановку, и тут же первый из нападавших получил трехсекундную очередь. Достаточная огневая мощь, чтобы сбить небольшой самолет. Грохот выстрелов оглушал.

Женщина в очках бросилась к двери. Не обращая внимания на гул в ушах, я поднял взгляд и убедился, что установка поворачивается вслед за ней. Женщина успела пробежать шагов десять, прежде чем полумрак вестибюля озарился ярко-красным лучом лазера, упавшим ей на спину. Замкнутое помещение снова огласилось громом канонады. Я стоял на коленях, зажимая руками уши, и смотрел, как снаряды разрывают тело женщины. Она рухнула на пол бесформенной грудой плоти.

Огонь прекратился.

В наступившей тишине, пропитанной запахом пороха, ничего не двигалось. Автоустановка снова задремала, опустив стволы орудий вниз. Из дул тонкими струйками вился дымок. Опустив руки, я поднялся и осторожно ощупал лицо и нос, проверяя характер повреждений. Похоже, кровотечение остановилось, и во рту я не смог найти ни одного расшатанного зуба. В том месте, куда пришелся второй удар ногой, болели рёбра, но, кажется, все они целы. А посмотрев на ближайший труп, я тотчас пожалел о брошенном взгляде. Пол придется долго отмывать.

Слева от меня с тихим звоном открылись двери лифта.

– Ваш номер готов, сэр, – сказал отель.

Глава шестая

Кристина Ортега здорово опаздывала.

Она вошла в двери отеля, шагая столь широко, что один карман её пиджака, наполненный чем-то тяжелым, хлестал по бедру. Остановившись посреди вестибюля, лейтенант оглядела последствия кровавой бойни.

– Ковач, вы часто устраиваете подобное?

– Я уже давно вас жду, – мягко напомнил я. – И сейчас у меня нет настроения шутить.

Отель связался с полицией Бей-Сити приблизительно в то время, когда автоустановка открыла огонь, но прошло добрых полчаса, прежде чем первые полицейские машины спустились вниз из потока воздушного транспорта. Я решил не подниматься в номер, так как знал, что меня всё равно вытащат из кровати; а после того, как появилась полиция, не было и речи о том, чтобы уйти, не дождавшись лейтенанта Ортеги. Полицейский медик бегло осмотрел меня и убедился, что сотрясения мозга нет, после чего оставил в покое, брызнув в нос суспензию для остановки кровотечения. После этого я устроился в вестибюле отеля и позволил своей новой оболочке выкурить несколько сигарет, подаренных лейтенантом. Я сидел на одном месте уже целый час, когда наконец приехала Ортега.

Лейтенант неопределенно махнула рукой.

– Да, прошу прощения. Вечером город стоит.

Я предложил лейтенанту её же сигареты. Она посмотрела на пачку так, словно я поставил запутанный философский вопрос, затем взяла её и вытряхнула сигарету. Не обращая внимания на зажигательную полоску сбоку пачки, Ортега порылась в карманах, достала массивную бензиновую зажигалку и раскрыла её с громким щелчком. Казалось, она действовала на автопилоте – отступила в сторону, пропуская экспертов-криминалистов, проносивших новое оборудование, затем убрала зажигалку не в тот карман, откуда достала. Вестибюль вокруг нас вдруг заполнился специалистами, и все они сосредоточенно занимались своим делом.

– Итак, – сказала Ортега, выпуская дым тонкой струйкой, – вы знаете этих людей?

– Слушайте, мать вашу, перестаньте же наконец!

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что вышел из хранения шесть часов назад, а то и меньше. – Я словно со стороны слышал, как мой голос начинает повышаться. – Я хочу сказать, что с тех пор, как мы с вами расстались, я говорил ровно с тремя людьми. Я хочу сказать, что до настоящего времени никогда не бывал на Земле. Я хочу сказать, *что вам всё это хорошо известно*. Так что или вы будете задавать умные вопросы, или я пойду спать.

– Ну ладно, успокойтесь. – Внезапно Ортега показалась мне очень уставшей. Она опустилась в кресло напротив. – Вы сказали сержанту, что это были профессионалы.

– И это действительно так.

Я решил, что подобной информацией можно и поделиться с полицией. Ведь полисмены и так всё узнают, как только проверят трупы по своей базе данных.

– Эти люди называли вас по фамилии?

Сделав усилие, я наморщил лоб.

– По фамилии?

– Да. – Ортега нетерпеливо махнула рукой. – Называли вас Ковачем?

– Не припоминаю.

– А другие имена они называли?

Я вопросительно поднял бровь.

– Какие, например?

Пелена усталости, застывавшая её лицо, внезапно рассеялась. Ортега пристально посмотрела на меня.

– Не обращайтесь внимания. Мы заглянем в память отеля и сами всё увидим.

Ого!

– На Харлане для этого требуется ордер на обыск, – постарался произнести я как можно небрежнее.

– И у нас на Земле тоже. – Ортега стряхнула пепел на ковер. – Но с этим не возникнет никаких проблем. «Хендрикс» не впервые обвиняется в нанесении органических повреждений. Конечно, с предыдущего раза прошло уже много лет, но в архивах отыщется вся информация.

– И как же у него не отобрали лицензию?

– Я сказала «обвинялся», а не «был признан виновным». Суд отмахнулся от этого дела. Доказуемая самооборона. Потому что, – лейтенант кивнула на дремлющую автоустановку, с которой два криминалиста снимали следы облучения, – в тот раз речь шла о поражении электрошокером. Ничего похожего на случившееся.

– Да, я как раз собирался спросить: кто оснастил отель таким оборудованием?

– За кого вы меня принимаете, за начальника строительства? – Неожиданно взгляд Ортеги наполнился враждебностью, которая мне совершенно не понравилась. Так же внезапно она и успокоилась, пожимая плечами. – В выдержке из архива, которую я пробежала по дороге сюда, говорится, что это произошло больше двух столетий назад, в самый разгар корпоративных войн. В таком случае оснащение имеет смысл. Когда начался тот ад, многие здания перестроили так. Большинство компаний прекратило существование во время торгового кризиса, поэтому никто и не потрудился издать закон об обязательном разоружении. «Хендрикс» добился статуса искусственного интеллекта и уцелел.

– Мудро.

– Да. Насколько я слышала, в те времена ИскИны были единственными, кто мог реально влиять на происходящее на рынке. Тогда многим удалось разбогатеть в одночасье. В этом квартале почти все отели имеют статус ИскИна. – Ортега усмехнулась, глядя на меня сквозь табачный дым. – Вот почему в них никто не останавливается. А жаль, если честно. Я где-то читала, что в таких отелях на аппаратном уровне зашито желание иметь клиентов, сравнимое с сексуальным. Представляете, каково им сейчас приходится?

– Представляю.

К нам подошёл один из полицейских. Ортега бросила на него взгляд, красноречиво приказывающий оставить нас в покое.

– Мы провели анализ ДНК, – почтительно произнес полицейский, протягивая лейтенанту пластинку видеофакса.

Пробежав её взглядом, Ортега повернулась ко мне.

– Подумать только! Ковач, вам довелось побывать в чудесной компании. – Она указала на труп мужчины. – Оболочка в последний раз зарегистрирована на Дмитрия Кадмина, известного также как Дима Близнец. Профессиональный убийца из Владивостока.

– А женщина?

Ортега переглянулась со своим подчиненным.

– Регистрация в Улан-Баторе?

– Так точно.

– Конец ублюдку! – Ортега с новой силой вскочила на ноги. – Извлекайте у них память больших полушарий и тащите её на Фелл-стрит. Я хочу, чтобы Диму ещё до полуночи загрузили на хранение. – Она опять повернулась ко мне. – Ковач, похоже, вы оказали нам большую услугу.

Сунув руку за пазуху двубортного пиджака, полицейский небрежно, словно пачку сигарет, достал нож мясника с длинным лезвием. Вместе с Ортегой они подошли к труп и присели рядом. Другие полицейские в форме, охваченные любопытством, столпились вокруг. Послышался чавкающий треск разрезаемых хрящей. Подождав немного, я присоединился к ним. Никто не обратил на меня внимания.

То, что я увидел, едва ли можно было назвать тонкой биотехнической операцией. Полицейский вскрыл участок позвоночника, чтобы добраться до основания черепа, и стал ковырять внутри острием ножа, пытаясь определить местонахождение памяти больших полушарий. Кристина Ортега крепко держала голову трупа обеими руками.

– Они повадились закапывать её глубже, чем раньше, – заметила она. – Посмотри, сможешь ли ты вытащить спинной мозг до самого конца, там она и будет.

– Я стараюсь, – проворчал полицейский. – Похоже, здесь какая-то дополнительная защита. Судя по всему, противоударная прокладка, о которой говорил Ногучи в последний раз, когда он у нас был... Чёрт!!! Мне показалось, я уже её достал.

– Слушай, подожди, ты подходишь не с той стороны. Дай я попробую.

Забрав у помощника нож, Ортега положила голову себе на колено.

– Чёрт возьми, шеф, я уже почти достал её.

– Да-да, но только я не собираюсь торчать здесь всю ночь и смотреть, как ты ковыряешься в чужих мозгах.

Подняв взгляд, она увидела меня и, кивнув, сунула в разрез лезвие. Резко надавив на рукоятку ножа, лейтенант довольно усмехнулась. Послышался хруст.

– Слышал?

Просунув в разрез руку, она вытащила двумя пальцами память – испачканную кровью маленькую противоударную коробочку размером с окурки, с торчащими из одного конца спутанными проводами микроразъемов. Я понял, почему католики упрямо отказываются верить, что память больших полушарий является хранилищем человеческой души.

– Вот я тебя и достала, Дима.

Осмотрев память, Ортега передала её и нож своему помощнику. Затем вытерла руки об одежду убитого.

– Отлично, теперь достанем вторую из женщины.

Полицейский стал повторять процедуру со вторым трупом. Нагнувшись к уху Ортеги, я шепнул:

– А кто она, вам тоже известно?

Лейтенант резко обернулась, то ли удивленная, то ли разозленная тем, что я стою рядом.

– Да, это тоже Дима Близнец. Оболочка зарегистрирована в Улан-Баторе. К вашему сведению, азиатской столице чёрного рынка загрузки. Видите ли, нашего Диму никак нельзя назвать человеком открытым. Он предпочитает иметь дело только с теми, в ком полностью уверен. А в тех кругах, где вращается Дима, абсолютно доверять можно только себе самому.

– Мне это знакомо. У вас на Земле легко получить свою копию?

Ортега недовольно поморщилась.

– Становится всё проще и проще. При нынешних технологиях программатор загрузки оболочек можно разместить в квартире. Скоро он будет иметь размер комнаты, потом – чемодана. – Она пожала плечами. – Плата за прогресс.

– На Харлане есть только один действующий способ. Надо забронироваться на межзвёздную пересылку, получить страховочную копию на время путешествия, и в самый последний момент отказаться от передачи. Подделать транзитный сертификат, затем потребовать временной загрузки страховочной копии в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Например, заявить, что без личного участия принадлежащую этому человеку фирму ждёт крах. Загрузиться с оригинала на станции межзвёздных передач, а затем через страховую компанию где-

нибудь в другом месте. Копия номер один выходит со станции на совершенно законных основаниях. Человек просто передумал путешествовать. Такое случается сплошь и рядом. Копия номер два не возвращается в страховую компанию на хранение. Правда, подобная махинация стоит очень больших денег. Для того чтобы её проверить, нужно дать бесчисленное количество взяток самым разным чиновникам и украсть много машинного времени.

У полицейского, возившегося с трупом женщины, сорвался нож, и он порезал себе большой палец. Закатив глаза, Ортега сдержанно вздохнула и снова повернулась ко мне.

– У нас все гораздо проще, – заметила она.

– Да? И как же это сделать?

– Для начала... – Ортега заколебалась, словно пытаясь понять, почему она разговаривает со мной. – А зачем вам это нужно?

Я ухмыльнулся.

– Наверное, природное любопытство.

– Ну хорошо, Ковач. – Ортега схватила обеими руками кружку кофе. – Сделать это можно вот как. В один прекрасный день мистер Дмитрий Кадмин заходит в какую-нибудь крупную страховую компанию, занимающуюся восстановлением и загрузкой оболочек. Я имею в виду действительно солидную компанию, что-нибудь вроде «Ллойд» или «Картрайт Солар».

– Это происходит здесь? – Я указал на освещённый яркими огнями мост за окнами номера. – В Бей-Сити?

Когда полиция наконец собралась уезжать из «Хендрикса», Ортега заявила, что остаётся со мной. Изумленный помощник молча уставился на начальницу, но она выпроводила его, ещё раз строго напомнив, что необходимо как можно быстрее считать память больших полушарий Кадмина. После этого мы поднялись в номер. Ортега даже не взглянула на отъезжающие полицейские машины.

– В Бей-Сити, на Восточном побережье или в Европе. – Пригубив кофе, Ортега поморщилась от привкуса виски, хотя «Хендрикс» добавили в кружку по её просьбе. – Не имеет значения. Главное – это компания. Какая-нибудь солидная, хорошо известная. Занимающаяся страховкой с того времени, когда начала широко практиковаться загрузка сознания. Мистер Кадмин выясняет особенности процедуры восстановления и загрузки и после долгих торгов по поводу страховой премии покупает полис. Понимаете, всё должно выглядеть безупречно. Заключается долгосрочный контракт, но главное – оставляете вы там не только деньги, понимаете?

Я прислонился к оконной раме. Из трёх комнат номера люкс в башне открывался вид на город и водную гладь за ним, на север и запад. Площадка у окна, занимающая около пятой части номера, была застелена удобными подушками психоделических тонов. Мы с Ортегой сидели лицом к лицу в метре друг от друга.

– Ну хорошо, это первая копия, – сказал я. – А что дальше?

Ортега пожала плечами.

– Несчастный случай со смертельным исходом.

– В Улан-Баторе?

– Именно. Дима на большой скорости налетает на энергетический пилон, выпадает из окна гостиницы или делает ещё что-нибудь в том же духе. Агент улан-баторского отделения страховой компании извлекает память больших полушарий и за щедрое вознаграждение изготавливает копию. В дело вступает «Картрайт Солар», «Ллойд» или кто там ещё и в соответствии с условиями страхового договора переправляет оцифрованный мозг Димы в банк клонов. Там его выгружают в заблаговременно припасенную оболочку. Большое спасибо, сэр. Было очень приятно иметь с вами дело.

– А тем временем...

– А тем временем улан-баторский агент покупает на чёрном рынке оболочку: летальный исход кататонии² из местной больницы или жертву преступных разборок, не получившую серьёзных повреждений. Полиция Улан-Батора разбогатела на незаконной торговле таким товаром. Агент стирает сознание оболочки, в подпольном центре загружает в неё копию Димы, и копия номер два спокойно выходит на улицу. После чего суборбитальный полёт на противоположный конец земного шара – и можно приступать к работе в Бей-Сити.

– Полагаю, такие ребята попадают к вам в руки нечасто.

– Крайне редко. Дело в том, что требуется захватить с поличным сразу обе копии – или как сейчас мертвыми, или задержать за преступление, подлежащее преследованию по линии ООН. Без санкции ООН законодательно запрещено выгружать сознание из живого тела. В безвыходном положении двойник просто уничтожает память больших полушарий выстрелом в затылок. Такое несколько раз происходило у меня на глазах.

– Весьма сурово. И каково же наказание?

– Стирание.

– *Стирание?* У вас и это практикуется?

Ортега кивнула. Вокруг рта у неё заиграла едва уловимая мрачная усмешка, не тронувшая сами губы.

– Да, практикуется. Вас это шокирует?

Я задумался. В Корпусе чрезвычайных посланников некоторые преступления карались стиранием. В первую очередь дезертирство и неподчинение приказу в боевой обстановке. Но мне ни разу не приходилось видеть стирание в действии. Беспрекословное повиновение было неотъемлемой частью нашей подготовки. А на Харлане стирание отменили за десять лет до моего рождения.

– Довольно старомодный подход, вы не находите?

– Вас так глубоко трогает то, что произойдет с Димой?

Я провёл языком по ранкам во рту. Вспомнил кружок холодного металла, прижатый к затылку, и покачал головой.

– Нет. Но разве это останавливает таких людей, как он?

– Существует ещё несколько тяжких преступлений, за которые предусмотрена высшая мера. Однако сейчас в этих случаях стирание, как правило, заменяют двумя-тремя столетиями хранения.

Выражение лица Ортеги говорило, что лично она не приветствует подобную гуманность.

Поставив кружку, я потянулся за сигаретой. Движение было машинальным, и я слишком устал, чтобы с ним бороться. Ортега махнула рукой, отказываясь от протянутой пачки. Прикоснувшись кончиком сигареты к зажигательной полоске, я прищурился, глядя на лейтенанта.

– Ортега, сколько вам лет?

Она подозрительно посмотрела на меня.

– Тридцать четыре. А что?

– Гм, и вас ни разу не оцифровывали?

– Почему? Несколько лет назад у меня была психирургическая операция, и я пару дней провела на хранении. Но если не считать этого, то не оцифровывали. Я не преступник и у меня нет денег на космические путешествия.

Я выпустил облачко дыма.

– Вы относитесь к этому чересчур чувствительно. Или я не прав?

– Я же сказала, что никогда не совершала преступлений.

---

² *Кататония* – психическое расстройство с двигательными нарушениями. Различают кататонический ступор и кататоническое возбуждение. Иногда приводит к слабоумию или полному параличу.

– Понимаю. – Я вспомнил последнюю встречу с Вирджинией Видаурой. – Иначе вы бы не считали, что выпасть из жизни на двести лет – это легко.

– Я этого не говорила.

– А и не надо было ничего говорить.

Не знаю, что заставило меня забыть о том, что Ортега представляет закон, но что-то определенно было. Это что-то зародилось в пространстве между нами подобно статическому заряду. Я наверняка бы разобрался в этом, если бы мои подсознательные навыки чрезвычайного посланника не были притуплены новой оболочкой. Но что бы это ни было, оно уже исчезло. Расправив плечи, я сделал глубокую затяжку. Мне просто необходимо выпастись.

– Кадмин стоит очень дорого, так? Высокие накладные расходы, большой риск, он должен брать за работу очень много.

– В среднем двадцать тысяч за дело.

– В таком случае Банкрофт не покончил с собой.

Ортега подняла брови.

– Шустрая работа для человека, только что прибывшего сюда.

– О, не надо. – Я выдохнул в её сторону облако дыма. – Если бы это было самоубийство, кому, чёрт побери, понадобилось бы платить двадцать тысяч, чтобы меня пришить?

– Вас очень любят, да?

Я подался вперед.

– Нет, меня терпеть не могут во многих местах, но только не люди, у которых есть такие связи и такие средства. Я не столь крупная птица, чтобы нажить себе влиятельных врагов. Тот, кто натравил на меня Кадмина, знает, что я работаю на Банкрофта.

Ортега хитро усмехнулась.

– Кажется, вы говорили, что по имени вас не называли?

«Устал, Такеси. – Я буквально увидел Вирджинию Видауру, с укоризной грозящую пальцем. – Чрезвычайный посланник не должен попадаться в ловушки простого полицейского».

Я постарался как можно аккуратнее выбраться из капкана.

– Убийцы знали, кто я такой. Такие люди, как Кадмин, не шатаются по отелям, надеясь обчистить зазевавшегося туриста. Ну же, Ортега, согласитесь, что я прав.

Я умолк, не зная, что сказать дальше. Ортега ответила не сразу.

– Значит, Банкрофт также был убит? Возможно. И что с того?

– А то, что вы должны провести повторное расследование.

– Вы меня не слушаете, Ковач. – Она изогнула губы в улыбке, призванной останавливать вооружённых грабителей. – Дело закрыто.

Бессильно уронив плечи, я откинулся назад, глядя на неё сквозь облако дыма. Наконец я сказал:

– Знаете, когда сюда прибыла группа быстрого реагирования, один из полицейских показывал значок так долго, что я успел его разглядеть. При ближайшем рассмотрении он весьма любопытен. Орел, щит. И надпись вокруг.

Ортега знаком предложила мне продолжать, и я, затянувшись, вонзил в неё острый шип.

– Кажется, там написано «Служить и защищать»? Полагаю, к тому времени, как становишься лейтенантом, уже перестаешь в это верить.

Попадание. У Ортеги под глазом дернулась жилка, щёки втянулись, словно она проглотила что-то горькое. Лейтенант пристально посмотрела на меня. Какое-то время казалось, что я переборщил. Затем она вздохнула, уронив плечи.

– Ладно, валяйте. Вы всё равно ни хрена не понимаете. Банкрофт и ему подобные не похожи на нас. Он – *маф*, мать его.

– Маф?

– Да, маф. Знаете, «всех же дней Мафусаила было девятьсот шестьдесят девять лет». Он старый. Я хочу сказать, *очень старый*.

– Разве это преступление, лейтенант?

– Это должно считаться преступлением, – мрачно заметила Ортега. – Когда живёшь так долго, с тобой многое происходит. Начинаешь придавать самому себе слишком большую ценность. Всё кончается тем, что ты принимаешься мнить себя Господом Богом. И мелкие людишки, которым от роду тридцать-сорок лет, перестают тебя волновать. На твоих глазах возникало, крепло и увядало не одно общество, и ты начинаешь чувствовать, что стоишь надо всем этим. Подобные пустяки больше не имеют для тебя никакого значения. И возможно, ты начнёшь топтать этих мелких людишек, путающихся под ногами, – просто так, от нечего делать, как прохожий сбивает ногой головки полевых цветов.

Я внимательно посмотрел на неё.

– Вы ловили Банкрофта на чём-то подобном? Да?

– Я не имею в виду Банкрофта, – нетерпеливо отмахнулась Ортега. – Я говорю о подобном типе людей. Они чем-то напоминают ИскИнов. Превратились в обособленную породу. В них уже нет ничего человеческого, а к остальным людям они относятся так, как мы с вами относимся к насекомым. Так вот, когда имеешь дело с управлением полиции Бей-Сити, подобное отношение может выйти боком.

Вспомнив выходки Рейлины Кавахары, я подумал: а так ли сильно преувеличивает Ортега? На Харлане большинство людей может сменить оболочку хотя бы один раз. Но дело в том, что всем, за исключением очень богатых, приходится полностью проживать отведённый срок, а даже с препаратами против старения это очень утомительно. Второй раз всё становится гораздо хуже, потому что человек знает, что его ждёт впереди. Мало у кого хватает духу повторить это больше двух раз. Большинство добровольно отправляется на хранение, лишь время от времени загружаясь в оболочку для каких-нибудь особо важных семейных дел. И разумеется, с годами и эти перезагрузки становятся всё более редкими, так как новые поколения прекрасно обходятся без своих отдалённых предков.

Далеко не каждый хочет продолжать жить, меняя жизнь за жизнью, оболочку за оболочкой. Нужен особый подход, чтобы не задумываться о том, чем ты станешь через несколько столетий.

– Значит, Банкрофта никто не стал слушать, потому что он маф. «Извини, Лоренс, ты заносчивый ублюдок, зажившийся на этом свете. У полиции Бей-Сити есть дела поважнее, чем проверка твоих фантазий», – что-нибудь в таком духе.

На этот раз Ортега не заглотила наживку. Отпив кофе, она неопределённо махнула рукой.

– Послушайте, Ковач, Банкрофт остался жив, и какими бы ни были обстоятельства дела, у него достаточно средств, чтобы обеспечить необходимые меры безопасности и не допустить повторения. Никто не пострадал от ошибок правосудия. А департаменту полиции не хватает средств, не хватает людей. Работы у нас по горло, и мы не можем бесконечно гоняться за призраками.

– А если это не призраки?

Ортега вздохнула.

– Ковач, я трижды облазила весь дом с бригадой криминалистов. Мы не смогли обнаружить никаких следов борьбы, никаких признаков проникновения через наружные ограждения, никаких данных о нарушителях в архивах системы безопасности. Мириам Банкрофт добровольно вызвалась пройти самые совершенные тесты на детекторе лжи и ни разу не дрогнула. Она не убивала своего мужа, и никакой посторонний человек не проникал на виллу и не убивал Лоренса Банкрофта. Он покончил с собой по причинам, известным ему одному, и к этому больше нечего добавить. Мне очень жаль, что вам предложено доказать обратное. Увы, одного желания и упорства тут недостаточно. Дело всесторонне изучено и закрыто.

– Ну а телефонный звонок? Тот факт, что Банкрофт не мог не помнить про копию своей памяти на внешнем носителе? Тот факт, что кто-то посчитал меня настолько серьёзной угрозой, что прислал сюда Кадмина?

– Ковач, я не собираюсь спорить с вами. Мы допросим Кадмина и выясним всё, что ему известно. А относительно остального скажу, положив руку на сердце: я всё проверила и перепроверила, и это начинает мне надоедать. В Бей-Сити полно тех, кому мы нужны больше, чем Банкрофту. Жертвы настоящих убийств, у которых не было припасено копии на внешнем носителе в момент, когда им размозжили память больших полушарий. – Взгляд Ортеги затянуло туманом усталости. – Жертвы органических повреждений, не имеющие денег на новую оболочку, и надеющиеся на то, что преступление против них будет раскрыто, а власти возложат расходы на виновных. Я вынуждена копаться в этом дерьме по десять часов в день, а то и больше. Так что, извините, у меня не осталось сочувствия к Лоренсу Банкрофту с его замороженными клонами, влиятельными покровителями на самом высшем уровне и крючкотворами-адвокатами, которых он натравливает на нас, когда кто-нибудь из членов его семьи или прислуги сбивается с прямой дорожки.

– А такое часто случается?

– Весьма часто, не удивляйтесь. – Ортега слабо улыбнулась. – Не забывайте, Банкрофт маф, мать его. А они все одинаковые.

Она показывала себя со стороны, которая мне не нравилась, вела спор, который я не хотел вести, и рисовала образ Банкрофта, который мне был не нужен. Моя нервная система вопила, требуя сна.

Я загасил сигарету.

– Лейтенант, буду вам очень признателен, если вы уйдете. От ваших предубеждений у меня разболелась голова.

У неё во взгляде что-то сверкнуло – что-то такое, в чём я не смог разобраться. Оно задержалось лишь на мгновение и тотчас исчезло. Пожав плечами, Ортега поставила кружку и скинула ноги с полки. Встав на пол, она потянулась так, что хрустнули позвонки, и, не обернувшись, направилась к двери. Я остался на месте, провожая взглядом её отражение в оконном стекле на фоне огней города.

В дверях Ортега остановилась и оглянулась.

– Эй, Ковач.

Я обернулся.

– Вы что-то забыли?

Кивнув, она поджала губы, словно признавая очередное пропущенное очко в игре, которую мы вели.

– Хотите получить наводку? Отправную точку? Что ж, вы дали мне Кадмина, так что, наверное, я перед вами в долгу.

– Вы мне ничего не должны, Ортега. Это сделал «Хендрикс», а не я.

– Лейла Бегин, – сказала лейтенант. – Назовите это имя адвокатам Банкрофта и посмотрите, куда вас это заведёт.

Дверь скользнула и закрылась, и в комнате не осталось ничего, кроме городских огней за окном. Я зажёл новую сигарету и долго смотрел на них, докуривая до фильтра.

Банкрофт не совершал самоубийства, это очевидно. Я занимался делом меньше суток, а на меня успели надавить с двух сторон. Сначала воспитанные громилы Кристины Ортеги в исправительном учреждении, затем этот владивостокский убийца и его запасная оболочка. Не говоря уже про двусмысленное поведение Мириам Банкрофт. Слишком много мутной воды, чтобы всё обстояло так, каким казалось на первый взгляд. Ортега явно чего-то хочет; чего-то хочет и тот, кто заплатил Дмитрию Кадмину.

И, судя по всему, хотят они, чтобы дело Банкрофта оставалось закрытым.

Такой вариант меня не устраивал.

– Ваш гость покинул здание, – сказал «Хендрикс», нарушив моё задумчивое оцепенение.

– Спасибо, – рассеянно поблагодарил я, загасив окурок в пепельнице. – Вы можете запечатать дверь и заблокировать остановку лифта на этом этаже?

– Естественно. Вы хотите, чтобы вас предупреждали о каждом посетителе отеля?

– Нет. – Я зевнул, словно змея, собирающаяся проглотить яйцо. – Просто не пускайте их сюда. И никаких звонков в течение следующих семи с половиной часов.

Внезапно я почувствовал, что могу думать только о том, чтобы раздеться, прежде чем меня захлестнет волна сна. Повесив костюм Банкрофта на спинку подвернувшегося стула, я забрался в просторную кровать, застеленную алым бельём. Поверхность матраса чуть-чуть пружинила, подстраиваясь под размеры и вес тела, после чего подхватила меня, словно вода. От белья исходил слабый аромат благоуханий.

Я предпринял унылую попытку заняться мастурбацией, вяло призывая образы соблазнительных форм Мириам Банкрофт, но перед глазами стояла картина бледного тела Сары, изуродованного огнём «Калашникова».

А затем сон поглотил меня.

Глава седьмая

Вокруг руины, тонущие в темноте, а за далёкими холмами садится кроваво-красное солнце. Над головой мягкобрюхие облака в панике несутся к горизонту, словно киты, спасающиеся от гарпуна, а ветерок, не переставая, шевелит ветвями деревьев, растущих вдоль улицы.

Инненининненининненин...

Мне хорошо знакомо это место.

Я пробираться между развалинами, стараясь не задеть стены, потому что каждый раз, когда я это делаю, они издают приглушенные звуки выстрелов и криков, будто бы побоище, уничтожившее город, впиталось в груды камней. В то же время я перемещаюсь быстро, так как меня что-то преследует, нечто такое, что без смущения прикасается к руинам. Его продвижение можно отследить по приливам звуков – канонады и пронзительных криков за спиной. Оно настигает меня. Я пытаюсь идти быстрее, но сдавило грудь, а в горле стоит комок.

Из-за полуобвалившейся баини выходит Джимми де Сото. Я не слишком удивлен, встретив его здесь, хотя меня до сих пор коробит его изуродованное лицо. Джимми улыбается тем, что осталось от глаз и губ, и кладет руку мне на плечо. Я делаю усилие, чтобы не вздрогнуть.

– Лейла Бегин, – говорит Джимми, кивая в сторону, откуда я только что пришел. – Назови это имя адвокатам Банкрофта.

– Обязательно назову, – обещаю я, проходя мимо.

Но рука Джимми остаётся на моем плече, значит, она растягивается, словно нагретый воск. Я останавливаюсь, смущенный тем, что причинил ему боль, но он по-прежнему у меня за спиной. Я снова трогаюсь вперед.

– Не собираешься развернуться и сразиться? – как бы мимоходом спрашивает Джимми, обходя меня без каких-нибудь заметных усилий, не переступая ногами.

– Чем? – говорю я, разводя руками.

– А надо бы вооружиться, дружок. Давно пора.

– Вирджиния учила нас не искать силы в оружии.

Джимми де Сото презрительно фыркает.

– И посмотри, чем закончила эта глупая сучка. От восьмидесяти до ста лет, без права на досрочную выгрузку.

– Ты не можешь этого знать, – рассеянно замечаю я, так как моё внимание поглощено звуками преследования. – Ты умер за много лет до того, как это произошло.

– О, не надо, кто сейчас умирает по-настоящему?

– Попробуй сказать это католику. К тому же ты действительно умер, Джимми. Необратимо, насколько я помню.

– А что такое «католик»?

– Расскажу как-нибудь потом. У тебя сигареты не найдется?

– Сигареты? А что случилось с твоей рукой?

Разорвав спираль нелогичных заключений, я смотрю на свою руку. Джимми прав. Шрамы на запястье превратились в свежую кровоточащую рану. Конечно же...

Я прикасаюсь к левому глазу и чувствую влагу. Отнимая пальцы, я вижу на них кровь.

– Повезло, – рассудительно замечает Джимми де Сото. – Глазница не задета.

Кому же ещё разбираться в таких вещах. У самого Джимми левая глазница представляет собой жуткое кровавое месиво – всё, что осталось после того, как на Инненине он вытаскивал пальцами глазное яблоко. Никто так и не узнал, какие галлюцинации виделись ему тогда. К тому времени, когда Джимми и остальных, высаженных на Инненин в составе передового отряда, переслали на психиатрическую, вирус успел внести в их сознание неисправимые иска-

жения. Программа была настолько заразной, что врачи даже не рискнули взять остатки памяти больших полушарий для исследований. Обрывки сознания Джимми де Сото, записанные на запечатанный диск с красной предостерегающей надписью «ОПАСНАЯ ИНФОРМАЦИЯ», хранятся где-то в подвале штаб-квартиры Корпуса чрезвычайных посланников.

– Мне надо что-то предпринять, – говорю я, и в моем голосе звучит отчаяние.

Звуки, высвобождаемые из стен преследователем, опасно приближаются. Последний луч солнца скрылся за холмами. Кровь хлещет из ран на руке и лице.

– Чувствуешь запах? – спрашивает Джимми, подставляя лицо прохладному ветру. – Он меняется.

– Что?

Переспрашивая, я уже ощутил запах. Свежий, бодрящий аромат, чем-то похожий на тот, что исходил от «Хендрикса», но едва уловимо отличающийся. Не совсем то ударяющее в голову благоухание, в объятиях которого я заснул всего...

– Пора идти, – говорит Джимми. Я собираюсь спросить у него, куда он уходит, но вдруг понимаю, что он имеет в виду меня, а я...

Проснулся.

Открыв глаза, я увидел перед собой стену отеля, расписанную психоделическими картинами. Наводящие на мысли о беспризорниках худощавые силуэты в кафтанах рассыпались по зелёному полю, усеянному белыми и жёлтыми цветами. Нахмурившись, я пощупал огрубевшие ткани шрама на руке. Крови нет. Только теперь я полностью очнулся от сна и уселся в просторной кровати, застеленной алым бельем. Изменение запахов, которое меня и разбудило, свелось к появлению ароматов кофе и свежего хлеба. Будильник «Хендрикса» воздействовал на обоняние. Через поляризованное стекло окна в полумрак комнаты проникал свет.

– К вам гость, – деловитым тоном произнёс «Хендрикс».

– Сколько сейчас времени? – хрипло спросил я. Показалось, будто глотка изнутри смазана чем-то клейким.

– Поясное время – десять часов шестнадцать минут. Вы проспали семь часов сорок две минуты.

– А кто пожаловал?

– Оуму Прескотт, – сказал отель. – Завтракать будете?

Встав с кровати, я направился в ванную.

– Да. Кофе с молоком, кусок хорошо прожаренной курицы и какой-нибудь фруктовый сок. Пригласите Прескотт сюда.

К тому времени как раздался мелодичный звонок в дверь, я успел выйти из душа и уже шлёпал по полу босиком, накинув переливчатый голубой халат, отделанный золотым шитьем. Я взял завтрак из служебного люка в одну руку и открыл дверь.

Оуму Прескотт оказалась высокой импозантной женщиной африканского типа, ростом сантиметра на два выше моей новой оболочки. Волосы у неё были заплетены в косички, зачёсаны назад и украшены десятками овальных стеклянных бусинок разного цвета. Щёки украшала какая-то абстрактная татуировка. Оуму Прескотт стояла на пороге, одетая в бледно-серый костюм и длинный чёрный плащ с поднятым воротником, с сомнением разглядывая меня.

– Вы мистер Ковач?

– Да, заходите. Не хотите позавтракать вместе со мной?

Я поставил поднос на незаправленную кровать.

– Нет, благодарю вас. Мистер Ковач, я представляю контору «Прескотт, Форбс и Эрнандес» и являюсь старшим юридическим поверенным Лоренса Банкрофта. Мистер Банкрофт сообщил, что...

– Да, знаю.

Я взял с подноса поджаренный до золотистой корки окорочок.

– Видите ли, мистер Ковач, у нас договоренность с Деннисом Найманом из центра хранения психической информации. Он будет ждать нас... – её взгляд на мгновение дёрнулся, сверяясь с часами на сетчатке глаз, – через тридцать минут.

– Понятно, – сказал я, принимаясь неторопливо жевать. – Я этого не знал.

– Я звонила, начиная с восьми утра, но отель отказывался соединить с вами.

Я улыбнулся, впиваясь зубами в цыплёнка.

– В таком случае, должен сказать, вы не владеете всей информацией. Я только вчера был выгружен в новую оболочку.

Прескотт недовольно поморщилась, но профессиональное хладнокровие взяло верх.

– Что ж, значит, мы опоздаем, – сказала она. – Полагаю, вам необходимо позавтракать.

Посреди залива было холодно.

Я выбрался из автотакси под яркий солнечный свет и пронизывающий ветер. Всю ночь шёл дождь, и над островом до сих пор кружили серые кучевые облака и упрямо сопротивлялись попыткам свежего морского бриза разогнать их. Подняв воротник легкого пиджака, я мысленно отметил, что нужно купить одежду потеплее. Ничего серьёзного, что-нибудь длиной до середины бедра, с воротником и большими карманами, куда можно спрятать руки.

Я не мог спокойно смотреть на Прескотт, уютно укутавшуюся в тёплый плащ. Изящным движением большого пальца она расплатилась с такси, и мы проводили взглядом поднимающуюся в воздух машину. Руки и лицо обдало приятным теплом из сопел турбины. Я заморгал, спасаясь от миниатюрной песчаной бури, и краем глаза увидел, как Прескотт с той же целью поднесла к лицу тонкую кисть. Такси влилось в оживленный поток машин над материком. Прескотт сдержанным жестом ткнула пальцем в здание у нас за спиной.

– Сюда.

Засунув руки в крохотные карманы пиджака, я последовал за ней. Чтобы справиться с дующим в лицо ветром, мы наклонились вперед и стали подниматься по извилистой лестнице, ведущей в центр хранения психической информации «Алькатрас».

Я ожидал увидеть заведение, оборудованное самыми совершенными системами защиты, и «Алькатрас» меня не разочаровал. Он размещался в нескольких приземистых двухэтажных зданиях, вытянутых в длину, напоминающих военный командный бункер с узкими, глубоко утопленными в стену окнами. Выбивался только одинокий купол на западной окраине, в котором, как я решил, находилось оборудование спутниковой связи. Все здания комплекса были сложены из бледно-серого гранита, а в окнах розовело дымчатое зеркальное стекло. Здесь не было ни голографического дисплея, ни рекламы в эфире. Ничего не говорило о том, что мы прибыли в нужное место, если не считать строгой таблички на наклонной каменной стене у входа с надписью, выгравированной лазером:

ЦЕНТР ХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
ХРАНЕНИЕ ОЦИФРОВАННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МОЗГА
ЗАГРУЗКА СОЗНАНИЯ В КЛОНЫ

Над табличкой чернел небольшой глаз автоматического охранника с двумя прикрытыми толстой решеткой громкоговорителями по бокам. Оуму Прескотт помахала рукой, привлекая внимание.

– Добро пожаловать в центр хранения психической информации «Алькатрас», – произнёс резкий механический голос. – Пожалуйста, назовите себя до истечения пятнадцатисекундного интервала.

– Оуму Прескотт и Такеси Ковач к доктору Найману. Мы заранее договорились о встрече.

Тонкий зелёный луч сканирующего лазера обежал нас с ног до головы, после чего секция стены бесшумно скользнула на петлях назад и вниз, открывая вход. Радуюсь, что можно спастись от пронизывающего ветра, я торопливо шагнул в открывшуюся нишу и, ориентируясь по оранжевым огонькам указателей, пошёл по короткому коридору. Прескотт замыкала шествие. Как только мы очутились в приемной, массивная каменная дверь поднялась и встала на место. Безопасность на высшем уровне.

Мы попали в круглое помещение, залитое тёплым светом, с низкими столиками и рядами стульев, расставленных по поверхности пола, как по сторонам компаса. На севере и востоке стояли небольшие группки людей, вполголоса велись разговоры. В центре стоял круглый стол, заваленный канцелярским хламом, за которым сидел секретарь. Здесь уже не было ничего искусственного. Живое человеческое существо – стройный молодой мужчина лет двадцати – поднял на нас взгляд.

– Вы можете проходить к доктору Найману, мисс Прескотт. Его кабинет вверх по лестнице, третья дверь направо.

– Благодарю вас.

Прескотт пошла первой. Как только мы отделились от секретаря на достаточное расстояние, она обернулась и шепнула:

– С тех пор как Найман стал директором этого центра, он считает себя большой шишкой. Но в целом человек он хороший. Постарайтесь не обращать на него особого внимания.

– Разумеется.

Следуя указаниям секретаря, мы подошли к нужной двери, и мне пришлось сделать усилие, чтобы сдержать смех. Дверь в кабинет Наймана, несомненно, по последней земной моде, была вся, сверху донизу, из зеркального дерева. После навороченной системы безопасности и секретаря из плоти и крови это выглядело так же ненавязчиво, как вагинальные тампоны в урнах борделя мадам Ми. Заметив моё веселье, Прескотт нахмурилась. Она постучала в дверь.

– Войдите.

Сон оказал чудодейственное воздействие на связь между моим рассудком и новой оболочкой. Натянув серьёзное выражение на взятое напрокат лицо, я шагнул следом за Прескотт в кабинет.

Найман сидел за письменным столом, уставившись на серо-зелёный голографический дисплей, делая вид, что поглощен работой. Худой серьёзный мужчина строгого вида, носивший наружные линзы в стальной оправе. Он был одет в дорогой чёрный костюм хорошего покроя; короткие волосы аккуратно расчёсаны. Глаза за стёклами линз казались недовольными. Найман очень возмущался, когда Прескотт позвонила ему из такси и предупредила, что мы задерживаемся. Однако, судя по всему, Банкрофт постоянно был с ним на связи. В итоге Найман согласился на перенос встречи с натянутой покорностью воспитанного ребёнка.

– Поскольку вы хотите ознакомиться с нашим хозяйством, мистер Ковач, почему бы нам сразу не перейти к делу? На ближайшие два часа я отменил все дела ради вас, хотя у меня действительно много клиентов.

Что-то в поведении Наймана вызвало у меня в памяти надзирателя Салливана, только этот был более прилизанным и менее озлобленным. Я внимательно осмотрел лицо и костюм Наймана. Возможно, если бы Салливан делал карьеру в области хранения богатей, а не преступников, из него бы вышло нечто похожее.

– Замечательно.

После чего стало довольно скучно. Центр хранения психической информации, подобно большинству архивов оцифрованного сознания, представлял собой складское помещение с бесконечным множеством полок. Мы спустились в подвал, где поддерживалась температура от 7 до 11 градусов по Цельсию, рекомендованная производителями видоизмененного углерода,

осмотрели ряды больших тридцатисантиметровых дисков расширенного формата и восхитились роботами, деловито разъезжающими по широким рельсам вдоль стен.

– Вся система хранения дублирована, – с гордостью пояснил Найман. – Каждый клиент хранится на двух дисках, которые находятся в разных зданиях центра. Размещение определяется по случайному закону. Только центральный процессор может найти сразу оба диска, но система оснащена блокировкой, не позволяющей одновременно обращаться к двум копиям. Для того чтобы нанести действительно невосполнимый ущерб, необходимо взломать систему безопасности дважды.

Я издал подобающе вежливый звук.

– Наша спутниковая связь действует через сеть из восемнадцати защищённых орбитальных станций, выбираемых по случайному закону.

Найман увлекся, рекламируя товар. Казалось, он забыл о том, что ни я, ни Прескотт не собирались воспользоваться услугами его центра.

– Связь с каждой орбитальной станцией длится не больше двадцати секунд. Информация на резервное хранение передается через гиперкосмический пробой, так что невозможно заранее предсказать путь, по которому это будет происходить.

Строго говоря, это не совсем так. Имея в своём распоряжении искусственный интеллект достаточного объёма с соответствующими склонностями, проблему можно решить рано или поздно. Но подобные рассуждения сродни попыткам ухватиться за соломинку. Тому, кто мог бы расправиться с врагом с помощью ИскИна, нет необходимости стрелять ему в голову из бластера. Это ложный путь.

– Могу я получить доступ к клонам Банкрофта? – вдруг спросил я, обращившись к Прескотт.

– С юридической точки зрения? – Прескотт пожала плечами. – Насколько мне известно, мистер Банкрофт дал вам карт-бланш.

Карт-бланш? Прескотт всё утро швырялась этим словом, успевшим набить оскомину. Такую фразу мог произнести герой Алена Мариотта из фильма о времени первых поселений.

«Что ж, сейчас ты на Земле». Я повернулся к Найману. Тот неохотно кивнул.

– Для этого придётся совершить кое-какие процедуры, – сказал он.

Мы поднялись на первый этаж и прошли по коридорам, совершенно не похожим на центральное хранилище Бей-Сити. Никаких следов от тележек на резиновых колёсах – оболочки перевозят транспортёры на воздушной подушке. Стены выкрашены в мягкие тона. Оконные ниши, снаружи походившие на амбразуры, изнутри оформлены в стиле Гауди³. Мы прошли мимо женщины, мывшей карнизы вручную. Я удивлённо поднял брови. Похоже, излишествам нет предела.

Найман перехватил мой взгляд.

– Есть виды работ, с которыми роботы просто не могут справиться, – пояснил он.

– Не сомневаюсь.

Хранилище клонов оказалось слева, за массивной, плотно закрытой стальной дверью, которая резко контрастировала с вычурными окнами. Мы остановились, и Найман припал глазами к устройству, сканирующему сетчатку. Дверь – из вольфрамовой стали толщиной не меньше метра – плавно отворилась. За ней – камера глубиной четыре метра, с такой же дверью в противоположном конце. Мы прошли внутрь, и наружная дверь плотно закрылась с тихим глухим стуком, от которого у меня зазвенело в ушах.

---

³ *Гауди-и-Корнет Антонио* (1852–1926) – испанский архитектор, работал в Барселоне. В причудливых постройках добивался впечатления фантастических, вылепленных от руки архитектурных форм.

– Это герметическая камера, – не сдержавшись, похвастался Найман. – Сейчас мы пройдем очистку ультразвуком, чтобы исключить попадание заразы в банк клонов. Ничего не бойтесь.

Под потолком замигала фиолетовая лампочка, сигнализирующая о процессе дезинфекции. Наконец открылась внутренняя дверь, так же бесшумно, как и наружная. Мы прошли в фамильный склеп Банкрофтов.

Мне уже приходилось видеть нечто подобное. Рейлина Кавахара имела на Новом Пекине небольшое хранилище транзитных клонов, и, разумеется, у Корпуса чрезвычайных посланников их было предостаточно. Но такого я всё же не встречал.

Овальное помещение венчал куполообразный потолок, поднимавшийся, судя по всему, до самого верха двухэтажного здания. Комната огромна, размером с храм у меня на родине. От неяркого оранжевого освещения клонило в сон; воздух имел температуру человеческого тела. Повсюду были сумки с клонами – пронизанные жилками мешочки такого же оранжевого оттенка, что и освещение, подвешенные к потолку на тросах, с подходящими к ним питательными трубками. С трудом можно было различить сами клоны – зародышевые комки с поджатыми руками и ногами, но только уже совершенно взрослые. Точнее, взрослыми были большинство клонов. Под самым сводом я различил несколько маленьких мешочков, в которых выращивалось пополнение. Ёмкости сделаны из органических тканей – более прочных, чем человеческий зародышевый мешок; им предстоит расти вместе с эмбрионом и превратиться в полутораметровые кули, как в нижней части склепа. Они висели, как причудливые затаившиеся заросли, словно ожидая, когда налетевший ветерок приведёт их в движение.

Найман кашлянул, и мы с Прескотт стряхнули оцепенение, налетевшее на пороге хранилища.

– Вероятно, размещение клонов может показаться беспорядочным, но на самом деле оно рассчитано компьютером.

– Знаю. – Кивнув, я подошел к одному из нижних мешков. – Он получен из фрактала, верно?

– Что?.. Да.

Казалось, Найман недоволен моими познаниями.

Я приблизился к одной из сумок вплотную, разглядывая клон. В нескольких сантиметрах от моего лица под полупрозрачной оболочкой дремала Мириам Банкрофт, погружённая в околплодные воды. Она обхватила руками грудь, сжав кулачки под подбородком. Волосы были заплетены в толстую змею, свернувшуюся кольцами на макушке и прикрытую тонкой сеткой.

– Здесь вся семья, – пробормотала у меня за спиной Прескотт. – Муж, жена и шестьдесят один ребёнок, все до одного. У большинства по одному или два клона, но у Банкрофта и его жены их по шесть. Впечатляет?

– Да.

Я машинально протянул руку и прикоснулся к плёнке над лицом Мириам Банкрофт. Ткани оказались тёплыми и чуть поддались нажатию. Вокруг трубок, по которым подводились питательные вещества и отводились отходы жизнедеятельности, поднимались маленькие бугорки; тут и там на плёнке торчали пупырышки – проколы игл, через которые забирались образцы тканей или вводились внутривенные препараты. Ткани разрывались, пропуская инородное тело, и снова зарастали.

Отвернувшись от спящей женщины, я посмотрел на Наймана.

– Всё это очень хорошо, но вы вряд ли берёте один из клонов каждый раз, когда к вам заглядывает Банкрофт. У вас должны быть резервуары.

– Сюда, пожалуйста.

Найман предложил следовать за собой. Мы прошли в дальнюю часть помещения, где в стене была ещё одна герметическая дверь. Нижние сумки закачались от возмущения воз-

духа, вызванного движением, и мне пришлось несколько раз пригнуться, чтобы не задеть их. Пальцы Наймана исполнили короткую тарантеллу на клавиатуре перед дверью, и мы вступили в комнату с невысоким потолком. Яркое освещение операционной ослепило после тусклого полумрака основного зала. Вдоль одной стены стояло восемь металлических цилиндров, похожих на тот, в котором вчера проснулся я сам. Однако место моего последнего перерождения последний раз красили в незапамятные времена, а его поверхность от частого использования покрылась миллионом крошечных царапин. Эти устройства покрывал толстый слой сверкающей кремовой краски с жёлтыми ободками вокруг прозрачного иллюминатора и многочисленных функциональных выступов.

– Камеры полного поддержания жизни, – сказал Найман. – По сути дела, та же среда, что и в зародышевых мешках. Именно здесь происходит загрузка оболочек. Мы приносим свежие клоны и помещаем в резервуары, не вынимая из мешков. В жидкость добавляется специальный фермент, растворяющий стенки мешка, так что переход происходит совершенно безболезненно. Чтобы избежать риска заражения, всю работу проводит медицинский персонал в синтетических оболочках.

Краем глаза я увидел, как Оуму Прескотт закатила глаза, начиная терять терпение. Уголки моих губ тронула усмешка.

– Кто имеет доступ в эту камеру?

– Я, а также специальный обслуживающий персонал по коду, меняющемуся ежедневно. И, разумеется, владельцы.

Я прошёлся вдоль ряда цистерн, наклоняясь, чтобы прочесть выведенную внизу информацию. В шестом резервуаре лежал клон Мириам, а в седьмом и восьмом два клона Наоми.

– Дочь вы поместили в холодильник дважды?

– Да. – Сначала Найман удивился, но затем снисходительно посмотрел на меня. Это был его шанс вернуть инициативу, утраченную после моих слов о фракталах. – Разве вам не сообщили, в каком она сейчас состоянии?

– Да, Наоми проходит психирургическое лечение, – проворчал я. – Но это не объясняет, почему она у вас в двух экземплярах.

– Ну...

Найман оглянулся на Прескотт, показывая, что дальнейшую информацию он может раскрыть только с юридической санкции. Адвокат прочистила горло.

– Центр хранения психической информации получил от мистера Банкрофта распоряжение: постоянно держать по одному клону его самого и его ближайших родственников полностью готовыми к загрузке. Пока мисс Банкрофт проходит лечение в психиатрическом центре Ванкувера, обе её оболочки находятся здесь.

– Банкрофтам нравится чередовать оболочки, – со знанием дела произнёс Найман. – Так поступают многие наши клиенты; это бережное отношение к оболочкам. При правильных условиях хранения человеческое тело способно на значительную регенерацию. Кроме того, мы предоставляем полный набор клинического лечения для серьёзных повреждений. За очень умеренную цену.

– Не сомневаюсь. – Отвернувшись от последнего резервуара, я усмехнулся. – И всё же, голову, разможенную выстрелом из бластера, вы восстановить не сможете, не так ли?

Наступила неловкая пауза. Прескотт стояла, уставившись в потолок, а Найман стиснул губы чуть ли не в точку.

– Я нахожу ваше замечание нетактичным, – наконец сказал директор центра. – У вас есть ещё какие-нибудь вопросы по существу, мистер Ковач?

Я задержался перед резервуаром с Мириам Банкрофт и заглянул в него. Даже сквозь толстое стекло и мутный гель проступающие нечёткие формы излучали чувственность.

– Только один вопрос. Кто принимает решение, когда менять оболочки?

Найман бросил взгляд на Прескотт, словно опять испрашивая санкции.

– Я получаю указание о перезагрузке лично от мистера Банкрофта. Это происходит каждый раз после того, как оцифровывается его мозг – если обратное не оговаривается особо. В последний раз такого распоряжения не было.

Чуткие антенны моего подсознания, воспитанного в Корпусе чрезвычайных посланников, уловили нечто: какую-то мелочь, зацепившуюся за другую мелочь. И всё же пока рано говорить о выводах. Я огляделся вокруг.

– Система наблюдения отслеживает всех, кто заходит в центр?

– Естественно, – холодно подтвердил Найман.

– В тот день, когда Банкрофт ездил в Осаку, здесь было много народу?

– Не больше, чем обычно. Мистер Ковач, полиция уже просмотрела записи. Честное слово, я не вижу смысла...

– Будьте добры, уважьте мою прихоть, – произнес я, не глядя на него. Прозвучавшие в моем голосе интонации чрезвычайных посланников остановили Наймана, как шелкнущий рубильник.

Два часа спустя я пиялся в иллюминатор другого автотакси, которое оторвалось от взлётно-посадочной площадки «Алькатраса» и поднялось над заливом.

– Вы нашли то, что искали?

Я посмотрел на Оуму Прескотт, гадая – ощущает ли она переполняющее меня отчаяние? Мне казалось, я научился сдерживать внешние проявления чувств своей новой оболочки. Однако мне доводилось слышать, что адвокаты вживляют себе самые чуткие датчики, которые регистрируют малейшие изменения в состоянии ближнего своего и получают ключи к состоянию ума свидетеля на суде. И здесь, на Земле, я бы не удивился, узнав, что в прекрасную чёрную голову Оуму Прескотт вставлен полный набор инфракрасных и ультразвуковых сенсоров анализа тела и речи. В четверг, шестнадцатого августа, в склепе Банкрофтов подозрительного было не больше, чем во вторник днём на рынке Мисимы. В восемь часов утра Банкрофт пришёл в сопровождении двух работников центра, разделся и забрался в подготовленный резервуар. Сотрудники удалились с его одеждой. Через четырнадцать часов из соседнего резервуара вылез сменный клон, покрытый гелем, взял полотенце у другого сотрудника и зашёл в душ. За это время не было произнесено ничего, кроме пустых любезностей. И всё. Я пожал плечами.

– Не знаю. Я ещё не могу точно сказать, что именно ищу.

Прескотт зевнула.

– «Полная абсорбция», да?

– Вы совершенно правы. – Я пристально посмотрел на неё. – Вы знакомы с Корпусом чрезвычайных посланников?

– Немного. Я занималась системой судопроизводства ООН. Нахваталась терминологии. И что вы уже успели абсорбировать?

– Только то, что очень много дыма поднимается там, где, по словам властей, нет никакого огня. Вам приходилось встречаться с лейтенантом полиции, ведущей это дело?

– С Кристиной Ортегой? Разумеется. Вряд ли я когда-нибудь её забуду. Мы целую неделю, каждый день до хрипоты орали друг на друга.

– И какие у вас впечатления?

– Относительно Ортеги? – Похоже, Прескотт была удивлена. – Насколько я могу судить, она хороший полицейский. У неё репутация крутого человека. Отдел по расследованию нанесения органических повреждений – самые твёрдые ребята в полиции, а заслужить подобную репутацию весьма непросто. Ортега вела расследование достаточно профессионально.

– Вот только Банкрофту это не понравилось.

Пауза. Прескотт осторожно посмотрела на меня.

– Я сказала профессионально. Я не говорила, что она действовала настойчиво. Ортега сделала своё дело, но...

– Но она терпеть не может мафов, так?

Снова пауза.

– А вы любите слушать сплетни, мистер Ковач.

– Да нет, просто нахватался терминологии, – скромно ответил я. – Как вы полагаете, Ортега закрыла бы дело, если бы Банкрофт не был мафом?

Прескотт задумалась.

– Это довольно распространенное предубеждение, – медленно произнесла она. – Но, по моему, Ортега закрыла дело не из-за этого. На мой взгляд, она пришла к выводу, что её труды принесут очень небольшую пользу. В департаменте полиции система продвижения по службе частично зависит от числа расследованных дел. В данном случае быстрым завершением и не пахло, мистер Банкрофт остался жив, поэтому...

– Лейтенант Ортега нашла себе другое занятие, так?

– Да, что-то в этом духе.

Некоторое время я снова смотрел в окно. Такси летело над крышами вытянутых многоэтажных зданий, разделённых ущельями с потоками транспорта. Я чувствовал, как во мне вскипает старая ярость, не имеющая никакого отношения к нынешним проблемам. Что-то накопившееся за годы, проведенные в Корпусе чрезвычайных посланников, эмоциональный хлам, который перестаешь видеть, когда он слоен ила оседает на дне души. *Вирджиния Видаура, Джимми де Сото, умирающий у меня на руках на Инненине, Сара...* С какой стороны ни посмотри, сплошные неудачи. Я решительно оборвал подобные мысли. Шрам над глазом нестерпимо чесался, кончики пальцев зудели от никотинового голода. Я почесал шрам. Но не потянулся за сигаретами, лежащими в кармане. Сегодня утром в какой-то момент я решил бросить курить.

Внезапно мне пришла в голову одна мысль.

– Прескотт, это вы выбрали для меня эту оболочку, так?

– Прошу прощения? – Она изучала какие-то данные, проецируемые на сетчатку глаза, и ей потребовалось некоторое время, чтобы сосредоточить взгляд. – Что вы сказали?

– Оболочка. Её выбрали вы, да?

Прескотт нахмурилась.

– Нет. Насколько мне известно, отбор производил лично мистер Банкрофт. Мы только подготовили несколько кандидатур в соответствии с его требованиями.

– Нет, Банкрофт сказал, что этим делом занимались адвокаты. Он выразился категорично.

– О! – Хмурое выражение слетело с её лица, сменившись бледной улыбкой. – На мистера Банкрофта работает много адвокатов. Возможно, это распоряжение проходило через другую контору. А что?

Я неопределенно хмыкнул.

– Да так, ничего. Тот, кому принадлежало это тело, был заядлым курильщиком. А я не курю. Это причиняет большие мучения.

Улыбка на лице Прескотт окрепла.

– Вы намерены бросить курить?

– Если у меня будет время. По соглашению с Банкрофтом, если я раскрою покушение, мне предоставят любую оболочку, сколько бы она ни стоила. Так что, по большому счету, наплевать на нынешние привычки. Просто очень мерзко просыпаться по утрам со ртом, полным дерьма.

– Вы полагаете, у вас получится?

– Бросить курить?

– Нет. Раскрыть покушение.

Я невозмутимо посмотрел ей в глаза.

– У меня нет выбора, советник. Вы читали условия соглашения?

– Да. Это я их составляла.

Прескотт так же невозмутимо выдержала мой взгляд. Но в глубине её глаз я разглядел следы смущения. Это и остановило меня от того, чтобы прямо в такси одним хорошим ударом вбить ей переносицу в мозг.

– Что ж, хорошо, хорошо, – пробормотал я, отворачиваясь к окну.

...И ЗАСУНУ СВОЙ КУЛАК ТВОЕЙ ЖЕНЕ ВО ВЛАГАЛИЩЕ ПРЯМО У ТЕБЯ НА ГЛАЗАХ, ДОЛБАНЫЙ МАФ, МАТЬ ТВОЮ, ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ...

Сняв шлемофон, я заморгал. Текст сопровождался неумелыми, но очень выразительными рисунками и инфразвуковым гулом, от которого у меня затрещала голова. Прескотт, сидевшая за столом напротив, посмотрела понимающе, с сочувствием.

– И всё остальное в таком же духе? – спросил я.

– Ну, далее становится ещё более бессвязно. – Она махнула на голографический дисплей, плавающий над письменным столом. На дисплее холодными зелёными и синими тонами переливались запрошенные мной файлы. – Мы называем это ЯБ. Яростный бред. Если честно, у этих людей крыша съехала так далеко, что они не представляют никакого вреда. И всё же неприятно сознавать, что они где-то рядом.

– Ортега задерживала кого-либо из них?

– Этим занимается не её департамент. Отдел по борьбе с преступлениями в области связи время от времени ловит кого-то, если мы поднимаем слишком громкий шум. Однако в настоящее время незаконное проникновение в эфир приняло такие масштабы, что это напоминает ловлю дыма сетями. Если кто-то и попадает, самое большее, что он может получить, – несколько месяцев хранения. Так что это пустая трата времени. Мы просто накапливаем подобный мусор, пока Банкрофт не даёт распоряжения его уничтожить.

– А за последние полгода не было ничего новенького?

Прескотт пожала плечами.

– Быть может, более активными стали религиозные фанатики. Возрос поток сообщений от католиков по поводу резолюции номер 653. Мистер Банкрофт пользуется большим влиянием в суде ООН, и это обстоятельство широко известно. О, и ещё секта марсианских археологов подняла крик по поводу той Поющей ветви, что держит у себя дома мистер Банкрофт. Судя по всему, в прошлом месяце отмечалась какая-то круглая годовщина мученической смерти основателя секты в разгерметизированном скафандре.

Но ни у кого из этих фанатиков нет средств, чтобы преодолеть систему защиты виолы «Закат».

Откинувшись на стуле, я уставился в потолок. Стая серых птиц над головой летела на юг, выстроившись клином. Птицы перекликались друг с другом, и их крики порождали слабые отголоски. Кабинет Прескотт был оформлен в стиле, намекающем на близость к живой природе. На все шесть внутренних поверхностей выводились виртуальные изображения. В настоящий момент металлический письменный стол представлял собой чужеродное пятно густого луга под лучами клонящегося к закату солнца. Вдалеке паслось небольшое стадо коров; звучали громкие голоса птиц. Столь качественного разрешения картинки мне ещё не доводилось видеть.

– Прескотт, что вы можете рассказать о Лейле Бегин?

В наступившей тишине я был вынужден опустить взор на землю. Оуму Прескотт сидела, уставившись на край лужайки.

– Полагаю, это имя назвала Кристина Ортега, – медленно произнесла она.

– Да. – Я сел прямо. – Она сказала, это позволит мне лучше понять Банкрофта. Если точнее, Ортега посоветовала пощекотать этим именем вас и посмотреть, как вы отреагируете.

Прескотт повернулась в крутящемся кресле.

– Не представляю, какое это может иметь отношение к нашему делу.

– А вы всё же расскажите.

– Ну, хорошо. – В её голосе прозвучали резкие нотки, во взгляде сверкнула решимость. – Лейла Бегин была проституткой. Возможно, до сих пор продолжает торговать своим телом. Пятьдесят лет назад Банкрофт был одним из её клиентов. Окольными путями это стало известно Мириам Банкрофт. Две женщины встретились на каком-то приёме в Сан-Диего, отправились вместе в туалетную комнату, и там Мириам Банкрофт избила Лейлу Бегин до потери сознания.

Я удивленно смотрел на Прескотт.

– И это всё?

– Нет, не всё, Ковач, – устало произнесла адвокат. – В тот момент Бегин была на шестом месяце беременности. В результате побоев она потеряла ребёнка. Поскольку в зародыш нельзя вживить память больших полушарий, это означало настоящую смерть. За подобное преступление полагается хранение. От тридцати до пятидесяти лет.

– Это был ребёнок Банкрофта?

Прескотт пожала плечами.

– Вопрос спорный. Бегин отказалась давать разрешение на генетический анализ зародыша. Заявила, что не имеет значения, кто отец ребёнка. Возможно, она рассудила, что для шумихи в прессе неопределенность лучше безоговорочного «нет».

– А может быть, она слишком сильно переживала случившееся?

– Не надо, Ковач, – раздражённо махнула рукой Прескотт. – Мы ведь говорим об оклендской шлюхе.

– Мириам Банкрофт отправилась на хранение?

– Нет, и вот куда старается засунуть нож Ортега. Банкрофт купил всех и вся. Свидетелей, прессу, даже Бегин в конце концов получила свою долю. Она отозвала из суда заявление. Денег ей хватило на то, чтобы получить страховой полис на клон в «Ллоиде» и начать новую жизнь. Последнее, что мне о ней известно, – она изнашивала вторую оболочку где-то в Бразилии. Но это произошло полстолетия назад, Ковач.

– Вы имели к этому какое-то отношение?

– Нет. – Прескотт навалилась на крышку стола. – Как и Кристина Ортега. Поэтому мне тошно слушать, как она скулит по поводу тех событий. О, я вдоволь наслушалась её в прошлом месяце, когда шло расследование. Ортега в глаза не видела Бегин.

– Полагаю, это вопрос принципа, – мягко заметил я. – Банкрофт до сих пор пользуется услугами проституток?

– Меня это не интересует.

Я ткнул пальцем в голографический дисплей, глядя, как инородный предмет искажает разноцветное изображение.

– А должно интересовать, советник. В конце концов, ревность является очень серьёзным мотивом для убийства.

– Позвольте вам напомнить, что Мириам Банкрофт ответила на этот вопрос отрицательно, и её показания проверялись на детекторе лжи, – резко заявила Прескотт.

– Я имею в виду не миссис Банкрофт. – Прекратив играть с дисплеем, я повернулся лицом к сидящей напротив женщине. – Я имею в виду миллион других женщин, а также кровных родственников и друзей, без удовольствия взирающих на мафа, трахающего всех подряд. Среди этих людей наверняка найдется несколько специалистов по незаметному преодолению

систем защиты, а также пара-тройка психопатов. Короче говоря, тех, кто мог бы проникнуть домой к Банкрофту и спалить ему мозги.

Где-то вдали печально замычала корова.

– Скажите вот что, Прескотт. – Я снова махнул рукой через голографическое изображение. – Здесь есть что-нибудь, начинающееся приблизительно так: «ЗА ТО, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ С МОЕЙ ДЕВУШКОЙ, ДОЧЕРЬЮ, СЕСТРОЙ, МАТЕРЬЮ...» (ненужное удалить)?

Мне не нужен был ответ Прескотт. Я прочел его у неё на лице.

На столе солнце исчертило поле косыми полосами; в деревьях на краю луга пели птицы. Оуму Прескотт склонилась над клавиатурой, вызывая на голографический дисплей пурпурный луч. На глазах луч раскрылся, и было похоже на орхидею, изображенную последователями кубизма. Где-то далеко ещё одна корова пожаловалась на жизнь.

Я снова надел шлемофон.

Глава восьмая

Городок назывался Эмбер. Я нашёл его на карте. Примерно в двухстах километрах к северу от Бей-Сити, на прибрежном шоссе. В море, напротив города, был проставлен асимметричный жёлтый знак.

– «Поборник свободной торговли», – пояснила Прескотт, выглянув у меня из-за плеча. – Авианосец. Это последний боевой корабль, самый большой из всех, что были когда-либо построены. В начале эпохи колоний какой-то идиот посадил его здесь на мель, и на берегу возник целый город, обслуживающий туристов.

– Туристов?

– Это очень большой корабль.

Я взял напрокат древнюю наземную машину у потрепанного торговца, чья стоянка размещалась в двух кварталах от конторы Прескотт, и поехал на север по подвесному мосту цвета ржавчины. Мне требовалось время на размышление. Прибрежное шоссе оказалось совсем неухоженным, но зато здесь почти не было движения. Поэтому я выехал на центральную жёлтую полосу дорожной разметки и покатил вперед, держа ровные сто пятьдесят в час. Радио предложило широкий выбор станций, чья эстетическая самонадеянность была выше моего понимания. Впрочем, в конце концов мне удалось отыскать неомарксистскую пропаганду, зашитую в память какого-то старинного спутника, который просто поленились снять с орбиты. Смесь глубоко политизированных сентенций и слащавого караоке была неотразимой. В открытое окно проникал запах моря, впереди разворачивалась ровная лента дороги, и я на время забыл о Корпусе чрезвычайных посланников, Инненине и всём, что случилось после.

Когда я спустился к Эмберу по изогнутой дороге, солнце спряталось за наклонённую палубу «Поборника свободной торговли», и последние лучи оставили еле заметные розовые размыты на поверхности моря по обе стороны от тени полузатонувшего авианосца. Прескотт была права. Это действительно *очень большой корабль*.

Я сбавил скорость из уважения к появившимся впереди зданиям, рассеянно подумав, у кого могло хватить ума подвести такое огромное судно близко к берегу. Возможно, это знал Банкрофт. Вероятно, тогда он уже жил на этом свете.

Главная улица Эмбера проходила вдоль берега моря через весь городок и отделялась от пляжа цепочкой величественных пальм и кованой чугунной оградой в неовикторианском стиле. К стволам пальм крепились голографические плакаты, на которых было изображено одно и то же женское лицо, окружённое венком слов: «ГИБКОСТЬ И ЛОВКОСТЬ – АНЧАНА САЛОМАО И ТЕАТР ПОЛНОГО ВЛАДЕНИЯ ТЕЛОМ – ИЗ РИО». На плакаты глазели кучки людей.

Я медленно катил по улице, внимательно изучая фасады домов, и наконец нашёл то, что искал, ближе концу города. Я проехал мимо нужного здания и, не привлекая к себе внимания, поставил машину метрах в пятидесяти. Посидел некоторое время, проверяя, будет ли какая-то реакция на моё появление. Ничего не дождавшись, вышел из машины и вернулся назад пешком.

Контора информационно-связного центра Элиотта находилась в узком здании, втиснутом между химическим заводом и пустой площадкой с обломками выброшенного оборудования, среди которого чайки, громко крича, дрались за объедки. Раскрытая дверь была подперта неисправным плоским монитором; сразу за ней находилось операционное помещение. Я вошёл внутрь и осмотрелся. За длинным пластмассовым столиком стояло две пары консолей, прислонённых задом друг к другу. За ними дверь, ведущая в кабинет со стеклянными стенами. На месте дальней стены располагался блок из семи мониторов, по которым быстро бежали непонятные строчки. Зияющая в ряду экранов брешь указывала, где раньше была другая дверь. На

краске сохранились шрамы от упорно державшихся петель. Ближайший к бреши экран часто моргал, словно то, что уничтожило его собрата, оказалось заразным.

– Чем могу помочь?

Из-за стойки оборудования высунулся тощий мужчина неопределенного возраста с нездорово бледной кожей. Во рту болталась незажжённая сигарета, а от интерфейса за правым ухом тянулся длинный проводок.

– Да. Я ищу Виктора Элиотта.

– Он на берегу. – Тощий мужчина махнул туда, откуда я только что пришёл. – Видите старика у перил? Который смотрит на обломки? Это он.

Я выглянул за дверь и отыскал в вечернем полумраке одинокий силуэт на смотровой площадке.

– Это заведение принадлежит ему, не так ли?

– Да. Наказание за грехи. – Информационная крыса ухмыльнулась, обводя рукой убогое помещение. – Дела идут так, что его присутствия особо и не требуется.

Поблагодарив собеседника, я вышел на улицу. Уже темнело, и голографическое лицо Анчаны Саломео приобрело в сгущающихся сумерках дополнительную выразительность. Пройдя под плакатом, я приблизился к пожилому мужчине на смотровой площадке и облокотился рядом с ним на чёрные чугунные перила. Он обернулся на меня и приветственно кивнул, а потом снова уставился на горизонт, словно пытался отыскать трещину в сварном шве между морем и небом.

– По-моему, чересчур мрачное место для вечной стоянки, – заметил я, махнув в сторону обломков.

Перед тем как ответить, старик задумался.

– Говорят, это сделали террористы. – Его голос был пустым, безразличным, будто Элиотт использовал его чересчур активно и что-то сломал. – А может, отказал сонар в шторм. Возможно, и то и другое.

– Быть может, это ради страховки? – предположил я.

Элиотт пригляделся ко мне пристальнее.

– Вы нездешний? – спросил он, и на этот раз в голосе прозвучала тень любопытства.

– Да. Я здесь проездом.

– Из Рио? – Старик махнул на плакат Анчаны Саломео. – Вы артист?

– Нет.

– Хм. – Он задумался над моим ответом. Казалось, Элиотт успел порядком подзабыть искусство поддерживать беседу. – У вас движения, как у артиста.

– Близко, но не совсем. Это военная нейрохимия.

Тут старик понял всё, но потрясение отразилось лишь в дрогнувшем на мгновение взгляде. Медленно осмотрев меня с ног до головы, он опять повернулся к морю.

– Вы приехали за мной? От Банкрофта?

– Можно сказать и так.

Старик облизал губы.

– Вы приехали, чтобы убить меня?

Я достал из кармана бумажную копию и протянул ему.

– Я хочу задать несколько вопросов. Вы передавали вот это?

Он стал читать, беззвучно шевеля губами. Я мысленно слышал слова, которые старик повторял, осознавая вновь: «...за то, что ты отнял у меня дочь... сожгу дотла твою голову... не будешь знать ни дня, ни часа... в этой жизни нигде не найдешь спокойствия...» Тут не было ничего особенно оригинального, хотя каждое слово было написано от всего сердца. Причем так чётко, что это беспокоило меня гораздо больше всех тех ядовитых издевок, что показала Прескотт из архива «Яростный бред». Кроме того, здесь была конкретно указана смерть, кото-

рой умер Банкрофт. Бластер, стреляющий заряженными частицами, прожѣг Банкрофту череп насквозь, после чего разбросал его раскалённое содержимое по комнате.

– Да, это моих рук дело, – тихо признал Элиотт.

– Вам известно, что в прошлом месяце на Лоренса Банкрофта совершили покушение? Старик протянул обратно лист бумаги.

– Вот как? А я слышал, ублюдок сам спалил свою голову.

– Что ж, такая возможность тоже существует, – согласился я, скомкав бумагу и бросив её в контейнер с мусором внизу на пляже. – Но мне платят за то, чтобы я не относился к ней серьёзно. К несчастью для вас, причина смерти чересчур напоминает ту, о которой упоминалось в вашей прозе.

– Я не имею к этому никакого отношения, – спокойно ответил Элиотт.

– Я предполагал, что вы это скажете. Быть может, я бы даже поверил вам. Вот только тот, кто убил Банкрофта, преодолел очень сильную систему охранных заграждений, а вы служили сержантом в тактическом подразделении морской пехоты. У себя на Харлане мне приходилось встречаться с морпехами, и я знаю, что их готовят к подобного рода операциям.

Элиотт с любопытством посмотрел на меня.

– Так вы кузнечик?

– Кто?

– Кузнечик. Пришелец.

– Да.

Если Элиотт и испугался сначала, то эффект быстро прошёл. Я подумал о том, чтобы разыграть карту чрезвычайных посланников, но решил, что дело того не стоит. Старик продолжал говорить.

– Банкрофту незачем приглашать мускулы с другой планеты. Каким боком вы впутались в это дело?

– Частный контракт, – сказал я. – Я должен найти убийцу.

Элиотт фыркнул.

– И вы решили, это сделал я.

У меня и в мыслях такого не было, но я не стал возражать. Заблуждение давало старику чувство определённого превосходства, и это способствовало разговору. В глазах Элиотта появилось что-то похожее на искру.

– Вы считаете, я мог бы проникнуть в дом Банкрофта? А я знаю точно, что не мог. Потому что всё тщательно изучил. Если бы существовал хоть какой-то способ туда попасть, я бы воспользовался им ещё год назад, и Банкрофта пришлось бы собирать по кусочкам с травы на лужайке.

– Вы поступили бы так из-за того, что случилось с вашей дочерью?

– Да. – Элиотт распалялся, давая выход гневу. – Из-за того, что случилось с моей дочерью и со многими другими. Она была ещё ребёнком.

Умолкнув, он уставился в море. Через какое-то время старик махнул рукой в сторону «Поборника свободной торговли». Там, на сцене, установленной на наклонной палубе, засверкали яркие огоньки.

– Вот чего она хотела. К чему стремилась. Попасть в театр полного владения телом. Стать похожей на Анчану Саломео и Риану Ли. Она отправилась в Бей-Сити, потому что услышала про кого-то, кто мог бы...

Осёкшись, Элиотт повернулся ко мне лицом. Информационная крыса назвал его стариком, и теперь я увидел, почему. Элиотт до сих пор сохранил выправку бывшего сержанта морской пехоты и упругий, мускулистый живот, но у него было лицо старика, изборожденное глубокими морщинами от долгих страданий. Я почувствовал, что сейчас он вот-вот расплачется.

– И у неё это могло бы получиться. Она была очень красивой.

Элиотт принялся рыться в карманах. Достав пачку сигарет, я угостил его. Он машинально взял одну, прикурил от зажигательной полоски на пачке, но продолжил копаться, пока не достал миниатюрный кристалл «Кодак». Если честно, я не хотел смотреть, но Элиотт включил кристалл прежде, чем я успел что-либо сказать. В воздухе появилось небольшое объёмное изображение.

Старик сказал правду. Элизабет Элиотт действительно была очень красивой девушкой. Светловолосой, атлетического телосложения, и всего на несколько лет моложе Мириам Банкрофт. Снимок не мог показать, обладала ли она нестигаемым упорством и лошадиной выносливостью, необходимыми для полного владения телом, но, по крайней мере, задатки у неё были.

На голографической карточке девушка была заснята между Элиоттом и другой женщиной, чуть повзрослевшей копией Элизабет. Все трое стояли на траве, освещенные ярким солнцем, и изображение портила лишь тень от дерева, падавшая на лицо женщины. Женщина хмурилась, словно запоздало осознав, что снимок не будет безупречным. На самом деле недовольство на её лице сводилось к неглубоким складкам на лбу. В остальном семья буквально светилась счастьем.

– Её не стало, – сказал Элиотт, словно догадавшись, на ком сфокусировано моё внимание. – Четыре года назад. Вы знаете, что такое «погружение»?

Я покачал головой. «Местный колорит, – шепнула мне на ухо Вирджиния Видаура. – Впитывай его».

Элиотт поднял взгляд – на секунду показалось, что на голографический плакат Анчаны Саломео. Но затем я понял – глаза устремлены в небо над ним.

– Там, наверху, – сказал он и снова умолк, как в тот момент, когда заговорил о дочери. Я ждал.

– Там, наверху, кружатся спутники связи, передающие потоки информации. Это можно видеть на некоторых виртуальных картах; Земля выглядит так, словно кто-то вяжет ей шарф. – Элиотт снова посмотрел на меня, и его глаза сверкнули. – Так говорила Ирена: «Кто-то вяжет Земле шарф». И часть этого шарфа – люди. Оцифрованные богачи, направляющиеся из одного тела в другое. Мотки памяти, мыслей и чувств, превращённые в последовательности чисел.

Теперь я понял, к чему он клонит, но продолжал молчать.

– Если обладать определёнными способностями, и у Ирены они были, а ещё иметь необходимое оборудование, можно перехватывать эти сигналы. Это называется «ловить крошки мозга». Переживания принцессы дома моделей, мысли учёного, занимающегося теорией элементарных частиц, детские воспоминания монарха. Такие вещи пользуются спросом. Светские журналы публикуют отредактированные выдержки из сознания знаменитостей, но все это подчищено, подкорректировано. Прилизано для широкой публики. Как будто никто не теряет самоконтроль, ничего такого, чего можно бы стыдиться или что могло бы повредить популярности. Одни лучезарные фальшивые улыбки. Но людям нужно не это.

Тут я был готов с ним поспорить. Журналы, публикующие проникновение в сознание знаменитостей, популярны и на Харлане. Потребители такого рода продукции жалуются, когда их кумиры оказываются застигнутыми врасплох, в минуты слабости. Самый большой резонанс вызывают супружеская неверность и ненормативная лексика. И это понятно. Жалкие людишки, которым хочется проводить столько времени в чужом сознании, не хотят видеть человеческие недостатки в позолоченных головах тех, кем они восторгаются.

– Перехватывая «крошки мозга», можно найти все что угодно, – произнес Элиотт с неожиданным воодушевлением, порожденным, как я решил, точкой зрения его супруги. – Сомнение, внутреннюю нечистоплотность, подлость. Люди готовы заплатить за это бешеные деньги.

– Подобные действия противозаконны.

Элиотт указал на вывеску над своей конторой.

– На рынке передачи информации наступил спад. Слишком много предложений. Произошло перенасыщение. А нам нужно было выплачивать страховку за клоны и перезагрузку. За нас двоих и Элизабет. Моей армейской пенсии едва хватало на жизнь. Что же оставалось делать?

– Сколько она получила? – мягко спросил я.

Элиотт отвернулся в море.

– Тридцать лет.

Некоторое время он молчал, затем, не отрывая взгляда от горизонта, сказал:

– Шесть месяцев я крепился, а затем включил экран и увидел какую-то крупную финансовую шишку в теле Ирены. – Повернувшись ко мне, он прокашлял что-то похожее на смешок. – Корпорация, которую она возглавляет, купила его в департаменте хранения Бей-Сити. Заплатила в пять раз больше, чем смог бы предложить я. Говорят, сучка меняет оболочки каждый месяц.

– Элизабет это знала?

Элиотт кивнул один раз – словно топор упал.

– Я вывалил ей всё как-то вечером. Я тогда был сам не свой. Весь день искал работу, но тщетно. И вот не выдержал и проговорился. И знаете, что мне ответила Элизабет?

– Нет, – пробормотал я.

Старик меня не слышал. Костяшки его пальцев побелели на чугунном поручне.

– Она сказала: «Не беспокойся, папа, когда я стану богатой, мы вернем мамочку».

Я почувствовал, что он не на шутку завёлся.

– Послушайте, Элиотт, я сожалею по поводу вашей дочери, но, насколько мне известно, она работала не в тех заведениях, которые посещает Банкрофт. «Закуток Джерри» всё-таки нельзя назвать «Домом», вы согласны?

Бывший морской пехотинец без предупреждения развернулся и набросился на меня. В его глазах горела бешеная ярость. Я не мог ни в чем винить Элиотта. Он видел перед собой лишь одного из прислужников Банкрофта.

Но чрезвычайного посланника *невозможно* застать врасплох – нас не зря готовят. Я разглядел надвигающийся выпад ещё до того, как Элиотт сам осознал, что собирается его сделать. Через долю секунды отреагировала нейрохимия моей временной оболочки. Старик нанёс удар снизу, намереваясь пройти кулаком под блоком, который, как он предполагал, я поставлю, и сломать рёбра. Блока не оказалось, как и меня самого. Вместо этого я шагнул навстречу ударам, вывел Элиотта из равновесия своим весом и зацепил ногой его ногу. Пошатнувшись, он отлетел к перилам, а я нанес жестокий удар локтем в солнечное сплетение. Лицо Элиотта стало серым от боли. Нагнувшись, я прижал его к ограждению и ткнул в горло большим и указательным пальцами.

– Всё, достаточно, – чуть дрогнувшим голосом объявил я.

Нейрохимия и вспомогательные цепи оказались более грубыми, чем системы Корпуса чрезвычайных посланников, которыми я пользовался в прошлом. У меня возникло ощущение, будто я заключен в подкожный мешок из мелкой металлической сетки.

Я посмотрел на Элиотта.

Его глаза были рядом с моими, и, несмотря на удушающий захват, они по-прежнему горели яростью. Дыхание со свистом вырывалось изо рта, и он отчаянно пытался вырваться и применить какой-нибудь болезненный приём.

Оторвав старика от ограждения, я предусмотрительно отстранил его на расстояние вытянутой руки.

– Послушайте, я не собираюсь сплетничать. Я просто хочу знать. Почему вы решили, что Банкрофт имеет к ней какое-то отношение?

– Потому что она *сама* мне это сказала, козёл! – злобно прошипел Элиотт. – Она сказала, что он с ней сделал.

– И что же?

Старик часто заморгал; не нашедшая выхода ярость выплеснулась в слёзы.

– Страшные вещи, – выдавил он. – Элизабет сказала, ему это нужно. Настолько, что он вернулся. Настолько, что он был готов хорошо заплатить.

Бедняжка решила, что нашла дойную корову. «Не беспокойся, папа, когда я стану богатой, мы вернём мамочку». В молодости такие ошибки совершаются на каждом шагу. Но ничто не даётся просто.

– Вы полагаете, она умерла поэтому?

Повернувшись, Элиотт посмотрел так, словно я был очень ядовитой разновидностью паука, заползшей к нему на кухню.

– Она не умерла, мистер. Её убили. Кто-то взял бритву и разрезал её на части.

– В материалах дела говорится, что это сделал клиент. Не Банкрофт.

– Откуда им знать? – безучастно произнес он. – Полиция назвала тело, но кто был в нём? Кто заплатил за всё?

– Его нашли?

– Убийцу шлюхи из биокабины? А вы как думаете? Она ведь не работала на «Дома», так?

– Я имел в виду не это, Элиотт. Вы говорите, Элизабет развлекала Банкрофта в заведении Джерри, и я готов вам поверить. Но вы должны признать, что это не похоже на Банкрофта. Я с ним встречался. Чтобы он ходил по трущобам? – Я покачал головой. – По-моему, это не в его духе.

Элиотт отвернулся.

– Плоть, – сказал он. – Что вы хотите прочесть по плоти мафа?

Уже почти стемнело. В море, на покосившейся палубе затонувшего авианосца, началось представление. Какое-то время мы с Элиоттом смотрели на огни, слушая доносившиеся обрывки музыки. Они походили на передачи из мира, от которого нас отделили навечно.

– Память больших полушарий Элизабет до сих пор на хранении, – тихо заметил я.

– И что с того? Страховой полис пропал четыре года назад, когда мы вбухали все деньги в одного адвоката. Он уверял, что вытащит Ирену из-под суда. – Элиотт неопределенно махнул на тускло освещённый фасад своей конторы. – Я произвожу впечатление человека, способного заработать огромные деньги?

После этого говорить было не о чем. Оставив его на смотровой площадке, я вернулся к машине. Элиотт по-прежнему стоял там, когда я проезжал мимо, покидая городок. Он даже не обернулся.

Часть 2

Ответное действие (Конфликт вторжения)

Глава девятая

Я позвонил Прескотт из машины. Её лицо возникло на крошечном запылённом экране, вмонтированном в приборную панель, и показалось мне чем-то недовольным.

– Это вы, Ковач? Ну как, нашли то, что искали?

– Я до сих пор не знаю, что именно ищу, – радостно ответил я. – Как вы думаете, Банкрофт посещает биокабины?

Адвокат скорчила гримасу.

– О, пожалуйста, не надо.

– Хорошо, тогда другой вопрос. А Лейла Бегин когда-либо промышляла в биокабинах?

– Понятия не имею, Ковач, честное слово.

– Что ж, в таком случае проверьте. Я подожду.

Мой голос прозвучал твёрдо, как камень. Высокомерное отвращение Прескотт произвело на меня очень неприятное впечатление после переживаний Виктора Элиотта за судьбу дочери.

Лицо адвоката исчезло с экрана. Я принялся нетерпеливо барабанить пальцами по рулю, бормоча какой-то ритмичный речитатив в стиле миллспортских рыбаков. Мимо меня в ночи скользил берег океана, но звуки и запахи моря вдруг стали казаться неестественными. Слишком приглушёнными; в воздухе ни намека на аромат водорослей.

– Так, готово. – Прескотт снова устроилась в зоне действия сканера видеотелефона. Она заметно нервничала. – В оклендском архиве есть данные, что Бегин успела поработать в двух заведениях, прежде чем её пригласили в один из «Домов» Сан-Диего. Судя по всему, её устроили туда по знакомству. Хотя, может быть, и заметил какой-нибудь очень наблюдательный вербовщик...

Банкрофт мог устроить кого угодно куда угодно. Я едва сдержал желание высказаться на этот счет.

– У вас есть картинка?

– Бегин? – Прескотт пожала плечами. – Только двумерная. Вам переслать?

– Будьте добры.

Древний видеотелефон в машине затрещал, подстраиваясь к изменившемуся входному сигналу, и наконец на экране сквозь рябь помех появились черты лица Лейлы Бегин. Я наклонился вперед, всматриваясь в них в поисках правды. На это потребовалось какое-то время, но конечный результат не вызывал сомнений.

– Хорошо. А теперь назовите мне точный адрес заведения, где работала Элизабет Элиотт. «Закуток Джерри». Где-то на улице Марипоза.

– На пересечении Марипозы и Сан-Бруно, – донёсся из-за призывно надутых губок Лейлы Бегин бестелесный голос Прескотт. – Господи, прямо под старой автострадой! Грубейшее нарушение правил безопасности.

– Вы не могли бы прислать схему улиц, обозначив дорогу от моста через залив?

– Хотите съездить туда? Прямо сейчас? Вечером?

– Прескотт, днем в заведениях подобного типа жизнь замирает, – терпеливо сказал я. – Разумеется, я еду туда прямо сейчас.

Адвокат ответила не сразу.

– Ковач, этот район пользуется дурной репутацией. Вы должны быть очень осторожны.

На этот раз я даже не пытался сдержать весёлый смешок. С таким же успехом можно перед операцией посоветовать хирургу быть осторожным и не испачкать руки кровью. Похоже, Прескотт все понял.

– Посылаю схему, – ледяным тоном произнесла она.

Лицо Лейлы Бегин, помигав, исчезло, и вместо него на экране стала быстро вырисовываться сетка улиц. Впрочем, в фото больше не было необходимости. Волосы Лейла выкрасила в ярко-алый цвет, её шею душило стальное ожерелье, подведённые глаза выражали изумление, но я увидел то, что скрывалось под косметикой. Те же самые черты, что смутно проступали на кристалле «Кодака» со снимком дочери Виктора Элиотта. Сходство не слишком бросающееся в глаза, но тем не менее бесспорное.

Мириам Банкрофт.

Когда я вернулся в Бей-Сити, начался дождь. Через тёмное небо прорвалась нудная морось. Припарковав машину напротив заведения Джерри, я смотрел на мигающую неоновую вывеску сквозь капли и струйки воды на лобовом стекле. Во мраке, под бетонным скелетом автострады, маячило голографическое изображение женщины, танцующей в высоком бокале. Проектор был неисправен, и объёмная картинка то и дело подёргивалась рябью.

Я беспокоился, что наземный автомобиль привлечёт внимание, но, как оказалось, для этого района я использовал самое подходящее транспортное средство. Почти все машины, окружавшие заведение Джерри, не могли летать. Единственным исключением были автотакси. Время от времени они спускались по спирали вниз, чтобы выгрузить или забрать пассажиров, и тотчас с нечеловеческой точностью и стремительностью взмывали вверх, вливаясь в поток воздушного транспорта. Светящиеся красными, синими и белыми навигационными огнями такси выглядели пришельцами из другого мира, украшенными драгоценными камнями. Машины лишь на мгновение касались растрескавшейся мостовой, усеянной мусором, позволяя пассажирам сойти на землю или подняться на борт.

В течение часа я наблюдал за заведением. В «Закутке Джерри» царил оживление; посетители заходили один за другим. В основном мужчины. У дверей их проверял робот-охранник, напоминающий сложенного гармошкой осьминога. Он висел под потолком у входа. Кое-кому из гостей приходилось расставаться со спрятанными под одеждой вещами, скорее всего – с оружием; двое или трое вынуждены были уйти несолоно хлебавши. Никто не возмущался – спорить с роботом бесполезно. На улице постоянно останавливались машины, кто-то что-то продавал и покупал – нечто небольших размеров (что именно, с такого расстояния я разглядеть не мог). Двое затеяли поножовщину в тени между опорами автострады, но всё завершилось очень быстро. Один из участников убежал, прихрамывая и зажимая окровавленную руку; другой вернулся в заведение с таким видом, будто просто выходил помочиться.

Выбравшись из машины, я убедился, что она на сигнализации, и не спеша пересёк улицу. Двое спекулянтов сидели, подобрав под себя ноги, на капоте автомобиля. От дождя их защищало статическое отталкивающее устройство. При моём приближении спекулянты оживились.

– Приятель, не хочешь купить диск? Горячая порнушка из Улан-Батора, высшего качества.

Окинув их взглядом, я неторопливо покачал головой.

– А «труп»?

Я снова покачал головой. Подойдя к роботу, я остановился, позволив его многочисленным рукам-щупальцам ненавязчиво обыскать меня. Я попытался шагнуть в дверь, услышав слово «порядок» – голос был синтезирован дешёвым вокодером. Но меня остановила рука, нежно перехватив на уровне груди.

– Вы хотите посетить кабинки или бар?

Я ответил не сразу, притворившись, что взвешиваю варианты.

– А что может предложить бар?

– Ха-ха-ха!

Какой-то шутник запрограммировал в роботе смех. Подобный звук мог бы издать грузный толстяк, тонуций в сиропе. Смех резко оборвался.

– В баре смотрят, но не трогают. Денег нет – не распускай руки. Правило заведения. Относится ко всем посетителям.

– Кабинки, – сказал я, торопясь поскорее уйти от фальшивых шуток механического цербера.

В сравнении с ним уличные торговцы казались куда более человечными.

– Вниз по лестнице и налево. Возьмите полотенце из стопки.

Я спустился по короткой лестнице с металлическими перилами и повернул налево в коридор, освещенный вращающимися красными лампами. Они напоминали сигнальные огни автотакси. Воздух содрогался от примитивного и монотонного музыкального ритма, и мне показалось, что я попал в желудочек огромного сердца, накачанного тетраметом. Как и было обещано, на полочке в нише лежала стопка свежих белых полотенец.

Дальше начинались дверцы в кабинки. Я прошёл мимо первых четырех, из которых две были заняты, и заглянул в пятую.

Она оказалась небольшой, метра два на три. Пол обтянут блестящим атласом. Если на нём и была грязь, я её не заметил, потому что единственным источником света служила одинокая вращающаяся лампа-вишенка, такая же, как в коридоре. Воздух в кабине был душным и спертым. Мечущееся пятно красноватого света вырывало из темноты выдавшую виды кассу в углу – на чёрной матовой ножке стоял цифровой дисплей на красных светодиодах. В кассе проделаны щели для кредитных карточек и наличных. Клавиатура для кредита по ДНК отсутствовала. Дальняя стенка кабинки была из запотевшего стекла.

Предвидя нечто подобное, я по дороге разжился в автобанке пачкой банкнот. Выбрав пластиковую купюру крупного достоинства, вставил её в щель. Нажал клавишу. Номинал введённой купюры высветился на дисплее. У меня за спиной бесшумно захлопнулась дверь, заглушая звуки музыки, и за запотевшим стеклом появилась неясная фигура. Я вздрогнул от неожиданности. Дисплей ожил. Пока что затраты минимальные. Я осмотрел тело, прижавшееся к запотевшей перегородке. Пышная грудь, расплюснутая о стекло, женский профиль и смутные очертания бёдер и талии. Из спрятанных громкоговорителей донеслись тихие стоны. Томный голос произнес:

– Ты хочешь увидеть меня, увидеть меня, увидеть меня...

Дешёвая установка искусственного эхо, подключенная к вокодеру.

Я снова нажал клавишу. Стекло мгновенно очистилось, и стала видна находящаяся за ним женщина. Она переминалась с ноги на ногу, демонстрируя себя, покачивала телом, выпячивала грудь, затем подалась вперед и лизнула стекло кончиком языка. При этом стекло опять запотело от её дыхания. Женщина посмотрела мне в глаза.

– Ты хочешь прикоснуться ко мне, прикоснуться ко мне, прикоснуться ко мне...

Не знаю, использовался ли в кабине инфразвук, но моё тело определённо откликнулось на всё это. Член налился и начал шевелиться. Усилием воли я унял пульсацию и заставил кровь отхлынуть назад, приливая к нужным мышцам, как это делается перед боем. Для предстоящей сцены мне требовалось быть невозбужденным. Я ещё раз нажал клавишу. Стекло перегородки скользнула в сторону, и женщина шагнула вперед, словно выходя из душа. Она направила ко мне, призывно протягивая руку.

– Скажи мне, что ты хочешь, милый, – донеслось откуда-то из глубины горла.

Её голос без поддержки вокодера прозвучал неожиданно резко. Я кашлянул.

– Как тебя зовут?

– Анемона. Хочешь узнать, почему меня так зовут?

Её рука, проникнув за мой пояс, начала работать. За спиной тихо щёлкал счётчик.

– Ты помнишь одну девушку, работавшую здесь? – спросил я.

Она уже возилась с ремнём.

– Милый, ни одна девушка, работавшая здесь, не сделает для тебя то, что сделаю я. Итак, что ты хочешь...

– Её звали Элизабет. Это её настоящее имя. Элизабет Элиотт.

Женщина резко отдернула руки, и маска вожеления соскользнула, словно стаяла изнутри лица.

– Какого чёрта тебе нужно, твою мать? Ты фараон?

– Кто?

– Фараон. Легавый. – Перейдя на крик, она отпрянула от меня. – У нас есть всё, что нужно...

– Нет.

Я шагнул к ней, и женщина приняла умелую боевую стойку. Отступив назад, я тихо произнес:

– Нет, я её мать.

Напряжённая тишина. Женщина злобно смотрела.

– Чушь собачья. Мамаша Лиззи до сих пор на хранении.

– Нет. – Схватив её за руку, я заставил пощупать мою промежность. – Чувствуешь? Там ничего нет. Меня загрузили в эту оболочку, но я женщина. Я не могу, не хочу...

Девушка распрямилась, неохотно засовывая руку мне в штаны.

– Что-то у вас оболочка чересчур хороша, – усомнилась она. – Вы ведь только что с хранения. Условно-досрочно освобождённых обычно загружают в высохшее тело какого-нибудь наркомана.

– Я освободилась не досрочно.

Всё, что в нас вдолбили в Корпусе чрезвычайных посланников, пронеслось у меня в голове эскадрилей реактивных штурмовиков, оставляя следы правдоподобной лжи на правдивых подробностях.

– Ты ведь знаешь, за что я отправилась на хранение?

– Лиззи говорила про воровство «крошек мозга»...

– Да. Погружение. А ты знаешь, в чьё сознание я погрузилась?

– Нет. Лиззи никогда об этом не распространялась...

– Элизабет не знала. И в прессе об этом не упоминалось.

Грудастая девица подбоченилась.

– Так в чьё же?..

Я одарил её снисходительной усмешкой.

– Тебе лучше не знать. Это очень влиятельный человек. Достаточно влиятельный, чтобы вытащить меня и дать вот это.

– Недостаточно влиятельный, чтобы вернуть тебя в оболочку без краника.

В голосе Анемоны ещё чувствовалось сомнение, но доверие к моему рассказу поднималось стремительно, как коралловый риф из воды во время отлива. Она хотела верить в маму из сказки, ищущую заблудшую дочь.

– Как получилось, что вам при загрузке сменили пол? – спросила она.

– Мы заключили договор, – сказал я, скользя по грани правды. – Этот... человек... он вытаскивает меня из хранения, а я выполняю для него кое-какую работу. Таковую, для которой требуется мужское тело. Если всё пройдет успешно, я получу новые оболочки для себя и для Элизабет.

– Вот как? Поэтому вы и пришли сюда?

В голосе Анемоны появилась горечь, говорящая о том, что её собственные родители ни за что не станут её искать. А также о том, что она мне поверила. Я выложил последнюю ложь.

– С новой оболочкой для Элизабет возникли кое-какие проблемы. Кто-то ставит палки в колёса. И я хочу узнать, кто и почему. Ты знаешь, кто её зарезал?

Опустив лицо, Анемона покачала головой.

– У нас с девушками частенько происходят разные неприятности, – тихо произнесла она. – Но Джерри всем выплачивает страховку. Он очень заботится о нас. Даже помещает на хранение, если лечение занимает много времени. Только тот, кто расправился с Лиззи, не был постоянным клиентом.

– А у Элизабет были постоянные клиенты? Люди влиятельные? Кто-нибудь со странностями?

Анемона посмотрела на меня, и в уголках её глаз появилось сострадание. Я понял, что сыграл роль Ирены Элиотт безукоризненно.

– Миссис Элиотт, все, кто приходит в наше заведение, со странностями. В противном случае они бы сюда не приходили.

Я заставил себя поморщиться.

– Ну а насчет важных шишек?

– Не знаю. Послушайте, миссис Элиотт, Лиззи мне очень нравилась. Пару раз, когда мне было плохо, она помогала, но близки мы не были. Лиззи дружила с Хлоей и... – Осекшись, она поспешно добавила: – Ничего такого вы не подумайте. Просто они с Хлоей, и ещё Мак, они одалживали друг другу вещи, делились тайнами, понимаете?

– Я могу с ними поговорить?

Анемона испуганно метнула взгляд в угол кабинки, словно услышала какой-то необъяснимый звук. У неё на лице появилось затравленное выражение.

– Знаете, лучше этого не делать. Джерри... Понимаете, он не любит, когда мы разговариваем с клиентами. Если он застанет нас...

Я вложил в позу и голос всю силу убеждения, которую приобрел в Корпусе.

– Ну, может быть, ты их попросишь...

Анемона в страхе огляделась по сторонам, но голос её окреп.

– Конечно. Я поговорю с ними. Но только... только не сейчас. А вам лучше уйти. Приходите завтра в то же время. В эту же кабинку. Я буду свободна. Скажите, что у вас договоренность.

Я схватил её руку и пожал.

– Спасибо, Анемона...

– Меня зовут не Анемона, – резко отозвалась она. – Меня зовут Луиза. Пожалуйста, зовите меня Луизой.

– Спасибо, Луиза. – Я задержал её ладонь в своих руках. – Спасибо за всё...

– Послушайте, я вам ничего не обещаю, – остановила меня Анемона, делая попытку говорить жёстко. – Как я уже сказала, я поговорю. Пока это всё. А теперь уходите. Пожалуйста.

Она показала, как отменить оставшуюся часть платежа, введённого в кассу, и дверь немедленно распахнулась. Я не сказал больше ни слова. Даже не попытался ещё раз прикоснуться к девушке. Вышел в коридор, оставив её стоять в кабинке, обхватив руками грудь и уставившись на вытертый пол – так, будто она видела его впервые в жизни.

Тускло горели красные лампочки.

На улице ничего не изменилось. Два спекулянта сидели там же, увлечённые горячим спором с огромным типом монголоидного вида. Громила стоял, облокотившись на капот их машины, и разглядывал что-то, зажатое в руках. Осьминог поднял руки, пропуская меня, и я шагнул под моросящий дождь. Монгол взглянул в мою сторону. На лице мелькнула тень.

Я остановился и резко обернулся, и он, потупив взгляд, что-то сказал торговцам. Нейрохимия обдала меня изнутри потоком холодной воды. Я направился прямо к машине, и троица тотчас же умолкла. Руки скользнули в карманы. Меня что-то толкало вперед, что-то почти не имеющее отношения ко взгляду, который бросил монгол. Беспросветное отчаяние кабинки породило нечто мрачное, расправившее сейчас свои чёрные крылья, нечто не подвластное контролю. То, за что Вирджиния Видаура строго бы отчитала меня. Я услышал, как на ухо нашептывает Джимми де Сото.

– Ты меня ждёшь? – спросил я, обращаясь к спине монгола. У него тотчас же напряглись мышцы.

Вероятно, один из спекулянтов почувствовал неладное. Он протянул руку, показывая, что она пуста.

– Послушай, дружище... – неуверенно начал спекулянт.

Я бросил на него косой взгляд, и он умолк.

– Я спросил...

И тут словно прорвалась плотина. Монгол с рёвом прыгнул с капота и обрушил на меня руку размером со свиной окорок. Удар – мимо, но, отражая его, я вынужден был отступить назад. Спекулянты обнажили оружие – маленькие пластинки чёрного и серого металла, которые злобным тьяканьем выплонули смертоносные заряды. Я увернулся от выстрелов, прикрывшись тушей монгола, и нанес удар пятерней в узкоглазое лицо. Хрустнула кость, и я отбросил его на машину, пока спекулянты соображали, где я. Нейрохимия сделала их движения для меня медленными, как льющийся вязкий мёд. Ко мне потянулся один кулак, сжимающий пистолет, и я раздробил его пальцы о металл, выбросив ногу навстречу. Владелец кулака взвыл, а тем временем ребро моей ладони врезалось второму спекулянту в висок. Оба свалились с машины: один – продолжая стонать, другой – потеряв сознание или мертвый. Я принял боевую стойку.

Монгол, развернувшись, бросился наутек. Не раздумывая, я перескочил через крышу машины и побежал за ним. Бетон здорово врезал по ступням, когда я приземлился, и по голеням разлилась резкая боль. Но нейрохимия практически мгновенно её подавила, я оказался всего в дюжине метров позади монгола. Расправив грудь, я припустил во весь опор.

Монгол впереди метался, как реактивный истребитель, пытающийся увернуться от неприятельского огня. Для человека таких габаритов он оказался на удивление проворным. Протиснувшись между бетонными опорами автострады, монгол метнулся в тень, увеличивая расстояние между нами до двадцати метров. Я прибавил скорость, морщась от острой боли в груди. Дождь хлестал в лицо.

Ох уж эти сигареты, мать их!

Выбежав из-под опор, мы оказались на пустынном перекрестке с покосившимися, словно пьяными, светофорами. Когда монгол пробегал мимо одного из них, тот ожил. Старческий голос робота захрипел: «Переходите. Переходите. Переходите». Я уже давно бежал на другой стороне улицы, а отголоски команды упрямо преследовали нас.

Мы бежали. Мимо допотопных туш машин, уже долгие годы не покидавших своих мест у обочины. Мимо зарешеченных и закрытых ставнями витрин, которые, может быть, открывались днём, а может быть, и нет. Из решётки у тротуара поднимался пар, похожий на живое существо. Мостовая под ногами скользила от дождевой воды и серой жижи, вытекающей из переполненных мусорных баков. Ботинки, доставшиеся мне от Банкрофта вместе с костюмом, были на тонкой подошве и не обеспечивали достаточного сцепления. Лишь безупречное действие нейрохимии позволяло удерживать равновесие.

Пробегая возле двух груд хлама у обочины, монгол оглянулся и увидел, что я не отстаю от него, так что сразу за второй машиной метнулся налево. Я попытался поменять траекторию и пересечь улицу под острым углом, до этих брошенных автомобилей, но мой против-

ник великолепно рассчитал манёвр. Я едва успел поравняться с первой машиной, как меня занесло. Наткнувшись на ржавый капот, я отлетел на закрытую жалюзи витрину. Металл лязгнул и зашипел; меня ужалил заряд низкого напряжения, предназначенный для отпугивания грабителей. Монгол тем временем перебежал через дорогу, увеличив разделяющее нас расстояние еще на добрый десяток метров.

Над головой мелькали огни воздушных транспортных средств. Заметив убегающую фигуру, я оторвался от обочины, проклиная себя за глупый порыв, из-за которого я отказался от предложенного Банкрофтом оружия. На таком расстоянии лучевой бластер без труда оторвал бы монголу ноги. А так мне пришлось бежать за ним, пытаясь выжать из легких всё, чтобы сократить дистанцию между нами. Может быть, удастся его напугать, вынудить споткнуться.

Произошло не совсем то, хотя и очень похожее. Здания слева закончились, уступив место пустырю, обнесенному покосившимся забором. Ещё раз обернувшись, монгол допустил первую ошибку. Он остановился и бросился на забор, проломившийся под его тяжестью, и побежал в темноту.

Усмехнувшись, я последовал за ним. Наконец у меня появилось преимущество.

Вероятно, монгол рассчитывал, что я потеряю его в темноте, или надеялся, что я подверну ногу на неровной поверхности. Но закалка чрезвычайных посланников мгновенно расширила до предела мои зрачки, приспособливая зрение к условиям недостаточной освещённости, и с молниеносной быстротой проложила путь по ухабам и рытвинам. Нейрохимия позволила переставлять ноги не менее стремительно. Поверхность растворялась подо мной, как это было во сне с участием Джимми де Сото. Не более чем через сто метров я должен был настичь своего «приятеля», если только и он не усовершенствовал зрение.

Как выяснилось, пустырь заканчивался раньше, чем мне хотелось бы, но к моменту, когда мы добежали до противоположного забора, между нами уже не было и первоначальных десяти метров. Монгол забрался на проволочное ограждение, спрыгнул на землю и побежал по улице, пока я ещё лез вверх. Вдруг он резко остановился. Я перебрался через проволоку и легко соскочил вниз. Должно быть, монгол услышал звук прыжка, потому что он обернулся, распрямляясь и щёлкая на ходу собираемым оружием. Увидев дуло, я упал на землю.

Я врезался в мостовую со всего размаха, ободрав ладони, и перекатился набок. Молния вспорола ночь там, где я только что стоял. Запах озона; треск разорванного воздуха ударил по барабанным перепонкам. Я покатился дальше, и бластер выпустил новую порцию раскалённых заряженных частиц, пронесшихся рядом с моим плечом. Мокрый бетон зашипел, покрываясь паром. Я тщетно пытался найти укрытие, которого нигде не было.

– БРОСАЙ ОРУЖИЕ!

Этот робот-божество: громкоговоритель гаркнул в ночную темноту откуда-то сверху, и луч света упал с неба под прямым углом. Вспыхнувший прожектор затопил морем белого огня. Лёжа на мостовой, прищуриваясь, я поднял взгляд и с трудом разглядел полицейский транспорт в положенных пяти метрах над улицей, с мигающими огнями. Миниатюрная буря, поднятая ревушими турбинами, смела к стенам соседних зданий трепещущие крылья бумажных обрывков и пластика и пригвоздила их к бетону, словно умирающих мошек.

– НЕ ДВИГАЙСЯ С МЕСТА! – снова прогремел громкоговоритель. – БРОСАЙ ОРУЖИЕ!

Монгол вскинул бластер, и полицейский транспорт метнулся в сторону, вслед за командой пилота, пытающегося вывести машину из-под огня. Из турбины, зацепленной лучом, брызнул сноп искр; аппарат опасно накренился.

Пулемет в носовой части ответил очередью, но к этому моменту монгол успел перебежать через улицу, прожечь бластером дыру в стене и скрыться в дымящемся отверстии.

Где-то внутри здания слышались крики.

Я медленно поднялся с мостовой. Аппарат опустился вниз и застыл в метре над землёй. На дымящемся двигателе ожил, вспучиваясь, баллон огнетушителя; полетели хлопья белой пены. За иллюминатором пилота с визгом поднялся люк, и в проёме показалась Кристина Ортега.

Глава десятая

Транспорт оказался такой же машиной, на которой меня подбросили на виллу «Закат», только подешевле, и в кабине было довольно шумно. Ортеге приходилось кричать, чтобы перекрыть рёв двигателей.

– Мы вызовем ищеек, но если у этого типа есть связи, ещё до рассвета он сможет достать препарат, полностью меняющий химическую сигнатуру тела. А после этого всё сведется к опросу свидетелей. Каменный век. В этой части города...

Тут машина сделала вираж, и она махнула на паутину улиц вниз.

– Только посмотрите. Район прозвали «Городом утех». А когда-то давно он назывался Потреро. Говорят, считался очень престижным.

– И что случилось?

Ортега, сидящая на стальной решетке сиденья, пожала плечами.

– Экономический кризис. Вы же знаете, как это бывает. Сегодня у человека есть собственный дом, он выплачивает страховку за новую оболочку, а завтра он на улице и думает только о том, как прожить хотя бы одну жизнь.

– Да, порой судьба обходится с людьми круто.

– Всякое бывает, – небрежно заметила детектив. – Ковач, а какого хрена вы делали в заведении Джерри?

– У меня зачесалось одно место, – буркнул я. – Что, есть какие-нибудь законы, запрещающие это?

Она пристально посмотрела на меня.

– Но к Джерри вы ходили не за тем, чтобы смазать это место. Вы не пробывали там и десяти минут.

Пожав плечами, я виновато улыбнулся.

– Если вас когда-нибудь загрузят в мужское тело, только что вынутое из резервуара, вы поймете. Гормоны. Они ждать не могут. А в таких местах, как у Джерри, главное не процесс, а результат.

Губы Ортеги изогнулись в чем-то приближенном к улыбке. Она подалась вперед.

– Чушь собачья, Ковач. Чушь. Собачья. Я запросила то, что имелось на вас в Миллспорте. Психологический профиль. Так называемый градиент Кеммериха. У вас он вздымается так круто, что взобраться по нему можно только с полным альпинистским снаряжением. Чем бы вы ни занимались, для вас главное – процесс.

Вытряхнув из пачки сигарету, я прикурил от зажигательной полоски.

– Что ж, вы должны знать, как много можно успеть с женщиной за десять минут.

Закатив глаза, Ортега отмахнулась от замечания так, словно это была надоедливая муха, кружащаяся вокруг неё.

– Верно. И вы хотите сказать, что, имея полученный от Банкрофта кредит, не можете позволить себе ничего лучше заведения Джерри?

– Тут дело не в цене, – возразил я, гадая: а что действительно приводит таких людей, как Банкрофт, в «Город утех»?

Прижавшись лицом к стеклу иллюминатора, Ортега уставилась на дождь. На меня она не смотрела.

– Вы проверяете версии, Ковач. К Джерри вы отправились для того, чтобы разузнать подробнее, чем там занимался Банкрофт. Дайте время, и я обязательно выясню, что именно привело вас туда. Но будет лучше, если вы расскажете сами.

– Зачем? Вы же заверили меня, что дело Банкрофта закрыто. В чём ваш интерес?

Ортега снова повернулась ко мне, и в её глазах сверкнул огонь.

– Мой интерес в том, чтобы поддерживать спокойствие и порядок. Вероятно, вы не обратили внимания, но каждая наша встреча происходит под аккомпанемент крупнокалиберных пулемётов.

Я развёл руками.

– Я безоружен. Я только задаю вопросы. Кстати, о вопросах... Как получилось, что вы оказались у меня за спиной, едва началось самое интересное?

– Наверное, просто совпадение. Для вас – счастливое.

Я не стал спорить. Ортега следила за мной, в этом можно не сомневаться. А это, в свою очередь, означало то, что она рассказала о деле Банкрофта далеко не всё.

– Что будет с моей машиной? – спросил я.

– Нам придется её забрать. Известить агентство проката. Пусть пришлют кого-нибудь, чтобы перегнать её с полицейской стоянки. Если, конечно, она вам больше не нужна.

Я покачал головой.

– Ковач, скажите вот что. Почему вы взяли наземную машину? На деньги, что вам платит Банкрофт, вы запросто могли позволить себе что-нибудь такое.

Она похлопала по переборке.

– Предпочитаю передвигаться по земле, – сказал я. – Так лучше представляешь расстояние. К тому же у нас на Харлане по воздуху почти никто не летает.

– Неужели?

– Истинная правда. Послушайте, тот тип, который только что чуть не поджарил вас прямо в небе...

– Прошу прощения? – Ортега изогнула одну бровь. Я успел прийти к заключению, что это её любимый жест. – Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, мы только что спасли вашу оболочку. Это вы смотрели в дуло бластера.

Я небрежно махнул рукой.

– Да без разницы, главное, что он меня ждал.

– Ждал вас? – Что бы там ни думала Ортега, её лицо выразило недоумение. – Если верить торговцам «трупом», которых мы только что упекли, тот тип покупал у них товар. Они сказали, их постоянный клиент.

Я покачал головой.

– Он ждал меня. Я подошёл, чтобы с ним поговорить, и он задал стрелкача.

– А может быть, ему просто не понравилось ваше лицо. Один из спекулянтов, кажется, тот, которому проломили череп, утверждает, что у вас был вид человека, собирающегося кого-нибудь убить. – Ортега снова пожал плечами. – По их словам, это вы начали драку. Всё указывает на это.

– В таком случае, почему вы не предъявляете обвинение?

– А в чём? – Она выпустила воображаемую струйку дыма. – Органические повреждения, устраняемые хирургическим путем, которые были нанесены двум торговцам «трупом»? Причинение ущерба полицейскому имуществу? Беспорядки в «Городе утех»? Ковач, дайте отдохнуть. Перед заведением Джерри такие вещи происходят каждую ночь. Я слишком устала, чтобы впустую марать бумагу.

Полицейский транспорт накренился, и я увидел в иллюминатор тусклый силуэт «Хендрикса». Я принял предложение Ортеги подбросить меня домой по той же причине, по которой согласился лететь вместе с полицейскими на виллу «Закат», – чтобы узнать, куда это приведет. Мудрость Корпуса чрезвычайных посланников. Отдайся на волю течения и смотри, куда оно тебя принесет. У меня не было причин сомневаться в том, что Ортега сдержит слово насчет места прибытия, и всё же какая-то частица моей души изумилась при виде башни отеля. Посланники не отличаются излишней доверчивостью.

После спора с «Хендриksom» по поводу разрешения на посадку пилот опустил транспорт на мрачную площадку на крыше башни. Я чувствовал, как лёгкий летательный аппарат борется с сильным боковым ветром. Как только люк поднялся, холод заполнил салон. Я встал, собираясь выходить. Ортега не двинулась с места, искоса глядя на меня. Это выражение пока что было мне незнакомо. Заряд, который я ощутил прошлой ночью, вернулся. Я чувствовал, что её тянет высказаться – и это стремление неудержимо, как позыв чихнуть.

– Эй, как у вас продвигаются дела с Кадминым?

Повернувшись, Ортега вытянула длинную ногу и положила ботинок на кресло, которое я освободил. У неё на лице появилась тонкая усмешка.

– Машина скрипит, – сказала она. – Мы к этому ещё вернёмся.

– Хорошо. – Я выбрался на ветер и дождь, поэтому пришлось повесить голос. – Спасибо, что подвезли.

Угрюмо кивнув, лейтенант повернула голову назад, обращаясь к сидящему за спиной пилоту. Рёв турбин стал нарастать, и я поспешно пригнулся, избегая закрывающегося люка. Я отступил назад, полицейский транспорт оторвался от площадки и поднялся в воздух, мигая огнями. Лицо Ортеги проглянуло в покрытый сеткой дождя иллюминатор. Затем ветер унес маленький аппарат, словно опавший лист, опускающийся вниз по спирали к улице. Через несколько мгновений он затерялся среди тысячи других летающих машин, среди ряби из световых пятен на ночном небе. Я развернулся и, борясь с пронизывающим ветром, направился к входу на лестницу. Мой костюм промок насквозь. Я ума не приложу, что побудило Банкрофта снабдить меня летней одеждой, хотя погода в Бей-Сити отличается крайним непостоянством. Когда на Харлане наступает зима, она длится достаточно долго, чтобы можно было принять решение насчет гардероба.

Верхние этажи «Хендрикса» тонули в темноте, лишь кое-где оживленной тусклыми усилиями умирающей осветительной плитки. Но отель прилежно освещал дорогу неоновыми лампами, оживавшими прямо передо мной и гаснувшими позади. Эффект получался странный: как будто я нёс свечу или факел.

– К вам гость, – беззаботно объявил отель, когда я сел в лифт и двери кабины с ворчанием закрылись.

Я со всего размаху ударил ладонью по кнопке экстренной остановки и тотчас же поморщился от жгучей боли. Успел забыть, что содрал кожу при падении на мостовую.

– Что?

– К вам го...

– Да, я слышал. – Мелькнула мысль: а не может ли ИскИн обидеться на мой тон. – Кто это и где?

– Эта женщина идентифицировала себя как Мириам Банкрофт. Поиски, проведённые в городском архиве, подтвердили личность оболочки. Я позволил ей подождать в вашем номере, поскольку она без оружия, а вы, уходя сегодня утром, не оставили на этот счет никаких распоряжений. Кроме прохладительных напитков, миссис Банкрофт больше ни к чему не притронулась.

Чувствуя нарастающую ярость, я сосредоточил внимание на маленькой щербинке в двери лифта, пытаясь успокоиться.

– Очень любопытно. Вы так вольно обращаетесь со всеми клиентами?

– Мириам Банкрофт является супругой Лоренса Банкрофта, – с укором возразил отель, – который, в свою очередь, оплачивает ваш номер. Учитывая данные обстоятельства, я счёл разумным не создавать дополнительной напряженности.

Я поднял взгляд на крышу лифта.

– Вы меня проверили?

– Внимательное изучение прошлого клиентов является частью контракта, в соответствии с которым осуществляется моя деятельность. Разумеется, полученная информация остается строго конфиденциальной, если только не подпадает под действие части четыре директивы ООН номер 231.4.

– Да? И что ещё вы обо мне узнали?

– Лейтенант Такеси Лев Ковач, – сказал отель. – Также известен как Лев Мамба, Отрыватель рук и Ледоруб. Родился в Ньюпесте, планета Харлан, 35 мая 187 года по колониальному летосчислению. Завербован в силы Протектората ООН 11 сентября 204 года. Выбран для дальнейшего прохождения службы в Корпусе чрезвычайных посланников 31 июня 211 года в ходе обычной проверки...

– Хорошо, достаточно.

Я был удивлён тем, как глубоко копнул ИскИн. Следы большинства людей высыхают, едва они покинут свой мир. Межзвёздные пробои стоят очень недёшево. Если, конечно, «Хендрикс» не проник в архивы надзирателя Салливана, что явилось бы нарушением закона. Я вспомнил замечание Ортеги относительно прошлых обвинений против отеля. Кстати, а какие преступления может совершить искусственный интеллект?

– Я также подумал о том, что миссис Банкрофт находится здесь в связи с расследованием обстоятельств смерти её супруга, которое вы проводите. Я предположил, что вы пожелаете встретиться с ней, а она вряд ли согласилась бы ждать в вестибюле.

Вздыхнув, я оторвал руку от кнопки остановки лифта.

– Уверен, не согласилась бы.

Мириам Банкрофт сидела у окна, нянча в руках высокий стакан со льдом и наблюдая за огнями уличного движения далеко внизу. Темнота в номере нарушалась только мягким свечением служебного люка и трёхцветным неоновым обрамлением бара с напитками. Миссис Банкрофт была одета в нечто похожее на шаль, которую накинули поверх трико, облепившего тело. При моем появлении она не обернулась. Поэтому мне пришлось пройти вперёд, чтобы оказаться в её поле зрения.

– Отель предупредил, что вы здесь, – сказал я. – Это я говорю на случай, если вы вдруг станете гадать – почему я от неожиданности не вывалился из оболочки.

Смерив меня взглядом, Мириам Банкрофт смахнула с лица прядь волос.

– Очень плоская шутка, мистер Ковач. Вы ждете аплодисментов?

Я пожал плечами.

– Могли бы поблагодарить за выпивку.

Задумчиво посмотрев на зажатый в руках стакан, она снова подняла глаза на меня.

– Спасибо за выпивку.

– Не стоит.

Подойдя к бару, я оглядел бутылки. Мой взгляд как-то сам собой остановился на виски пятнадцатилетней выдержки. Откупорив её, я понюхал горлышко и взял стакан. Плеснул виски, не отрывая взгляда от бутылки.

– Давно ждёте?

– Где-то с час. Оуму Прескотт сказала, что вы отправились в «Город утех». Поэтому я полагала, что вы вернетесь нескоро. Случились какие-то неприятности?

Задержав первый глоток во рту, я почувствовал острое жжение в ранках, оставшихся после удара ботинком Кадмина, и поспешно проглотил виски. Поморщившись.

– А с чего вы так решили, миссис Банкрофт?

Она изящно махнула рукой.

– Да так просто. У вас нет желания об этом говорить?

– В общем-то, нет.

Я опустился в огромный мешок-шезлонг у застеленной алым бельём кровати и уставился на гостью. Наступила тишина. Со своего места я видел силуэт Мириам Банкрофт, освещённый светом из окна. Её лицо оставалось в глубокой тени. Я остановил взгляд на слабом отблеске, который мог быть левым глазом. Наконец она чуть повернулась, зазвенев кубиками льда в стакане.

– Ну, – кашлянув, произнесла Мириам Банкрофт, – а о чем бы вам хотелось поговорить?

Я махнул стаканом.

– Давайте начнем с того, почему вы здесь.

– Я хочу узнать о ваших успехах.

– Полный отчёт о моих действиях вы получите завтра утром. Перед тем как уйти отсюда, я направлю его Оуму Прескотт. Ну же, миссис Банкрофт, уже поздно. Придумайте что-нибудь получше.

Мириам так дёрнулась, что на мгновение я подумал – сейчас она уйдет. Но затем миссис Банкрофт сжала стакан обеими руками, склонила над ним голову, словно ища вдохновения в кубиках льда, а затем опять посмотрела на меня.

– Я хочу, чтобы вы остановились.

Я дал возможность словам утонуть в тёмных углах комнаты.

– Почему?

Я увидел, как её губы приоткрылись в улыбке, услышал звук, который они при этом издали.

– А почему бы и нет? – спросила она.

– Ну... – Я отхлебнул виски, полоща алкоголем порезы во рту, чтобы унять гормоны. – Начнём с вашего мужа. Он ясно дал понять, что попытка выйти из игры и сбежать может серьёзно повредить моему здоровью. Далее, не нужно забывать о ста тысячах долларов. Ну а затем мы переходим к эфемерной вселенной моих слов и обещаний. И, если честно, мне самому любопытно.

– Сто тысяч – не такие большие деньги, – осторожно произнесла Мириам Банкрофт. – А Протекторат огромен. Я могла бы дать вам деньги. И подыскать такое местечко, где Лоренс вас никогда не найдёт.

– Верю. Но все равно остаются моё слово и любопытство.

Она подалась вперед.

– Мистер Ковач, давайте говорить начистоту. Лоренс не заключал с вами контракт, он притащил вас сюда за шкурку. Навязал сделку, от которой вы не могли отказаться. Никто не упрекнет вас в том, что пострадает ваша честь.

– По-прежнему остаётся любопытство.

– Возможно, я смогу его удовлетворить, – тихо промолвила Мириам Банкрофт.

Я сделал большой глоток виски.

– Вот как? Все же это вы убили своего мужа, миссис Банкрофт?

Она нетерпеливо махнула рукой.

– Я имею в виду не вашу глупую игру в сыщиков. Вас ведь... интересует другое, не так ли?

– Прошу прощения? – Я посмотрел на неё поверх стакана.

Мириам Банкрофт соскочила с подоконника и встала, прижимаясь к нему спиной и бедрами. С преувеличенной осторожностью поставив стакан, она опёрлась руками о подоконник, поднимая плечи. При этом её грудь зашевелилась под тонкой тканью трико, слегка изменив форму.

– Вам известно, что такое «девятое слияние»?

– Эмпатин ⁴?

---

⁴ Эмпатия – сочувствие, сопереживание, умение поставить себя на место другого.

Я выкопал это название сам не знаю откуда. Какая-то банда вооружённых грабителей, которых я знал на Харлане, друзья Вирджинии Видауры. «Голубые жучки». На дело они отправлялись, накачавшись «девятым слиянием». Якобы это позволяло им чувствовать себя сплочёнными. Сброд психопатов, мать их.

– Да, эмпатин. Производная эмпатина, усиленная «сатироном» и «гедином». Эта оболочка... – Она указала на своё тело, неторопливо проведя растопыренными пальцами по изгибам фигуры. – Это новейшее слово биохимических технологий, производство лаборатории Накамуры. Я способна выделять «девятое слияние» в моменты сексуального возбуждения. Потовыми железами, слюнными железами... и половыми органами, мистер Ковач.

Она выпрямилась, и шаль, соскользнув с плеч, упала на пол и растеклась под ногами шёлковой лужицей. Перешагнув через неё, Мириам Банкрофт подошла ко мне.

Конечно, есть Ален Мариотт, непоколебимый и доблестный во всех своих бесчисленных ролях; и есть жизнь. В реальной жизни существуют вещи, от которых не отворачиваешься.

Я встретил Мириам Банкрофт посреди комнаты. «Девятое слияние» уже чувствовалось в воздухе, в аромате её тела и влажном дыхании. Вобрав его полной грудью, я почувствовал, как в желудке начинают звучать, словно задетые струны, химические рецепторы. Мой стакан с виски исчез, остался где-то, и рука, сжимавшая его, стиснула выпирающую грудь Мириам Банкрофт. Обхватив за голову, она привлекла меня к себе, и я ощутил «девятое слияние» в бисеринках пота, усыпавших ложбинку на груди. Я потянул за шов трико, освобождая зажатую грудь, и нащупал губами налившийся сосок.

Я почувствовал, как Мириам Банкрофт ахнула, судорожно раскрывая рот, и понял, что эмпатин начал воздействие на мой мозг, пробуждая спящие телепатические инстинкты. Очнувшиеся рецепторы жадно впитывали сильный аромат сексуального возбуждения, выделяемый женщиной. Понял также, что она сама начинает получать удовольствие от прикосновения губ к её груди. Эмпатин разливался по нашим телам со скоростью теннисного мяча, стремительно перелетающего с одной половины корта на другую. Он набирал силу, касаясь воспламенённых нервных окончаний... Слияние достигло апогея невыносимо скоро.

Мириам Банкрофт тихо застонала. Мы опустились на пол, и я стал двигаться взад и вперед по её грудям, лицом ощущая их упругое сопротивление. Мириам жадно вцепилась ногтями в мои бёдра, усиливая ноющую, распирающую боль в паху. Наши губы дрожали от неутолимого голода. Мы яростно содрали друг с друга одежду, и прикосновение ковра к обнажённым телам показалось обжигающим. Я устроился на Мириам Банкрофт верхом, шурша отросшей щетиной по гладкой, нежной коже её живота, скользя вниз и оставляя ртом по пути влажные круги. Наконец мой язык ощутил что-то терпкое и солёное. Проникнув в складки влагища, пропитанные соками женского тела и «девятым слиянием», он вернулся на поверхность и надавил на крошечный бутончик клитора. Где-то далеко, на другом конце вселенной, мой член пульсировал в руке Мириам Банкрофт. Затем она обхватила губами головку и принялась нежно её сосать.

Наше возбуждение стремительно нарастало. Скоро я уже не мог различать сигналы, поступающие от союза, порожденного «девятым слиянием», для меня сливались ощущения мучительного напряжения члена, зажатого в пальцах Мириам Банкрофт, и прикосновения моего собственного языка к какой-то недостижимой точке у неё в чреве. Она стиснула бёдрами мне голову. Послышалось сдавленное рычание, но я уже не различал, из чьего горла оно вырывалось. Обособленность, разделявшая нас, расплавилась во взаимной перегрузке чувственных рецепторов. Напряжение нарастало слой за слоем, вершина за вершиной, и вдруг Мириам Банкрофт рассмеялась, получив в лицо и руку обжигающий солоноватый фонтанчик. В это же мгновение я оказался стиснут закрученными штопором бёдрами: она тоже достигла наивысшего блаженства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.